

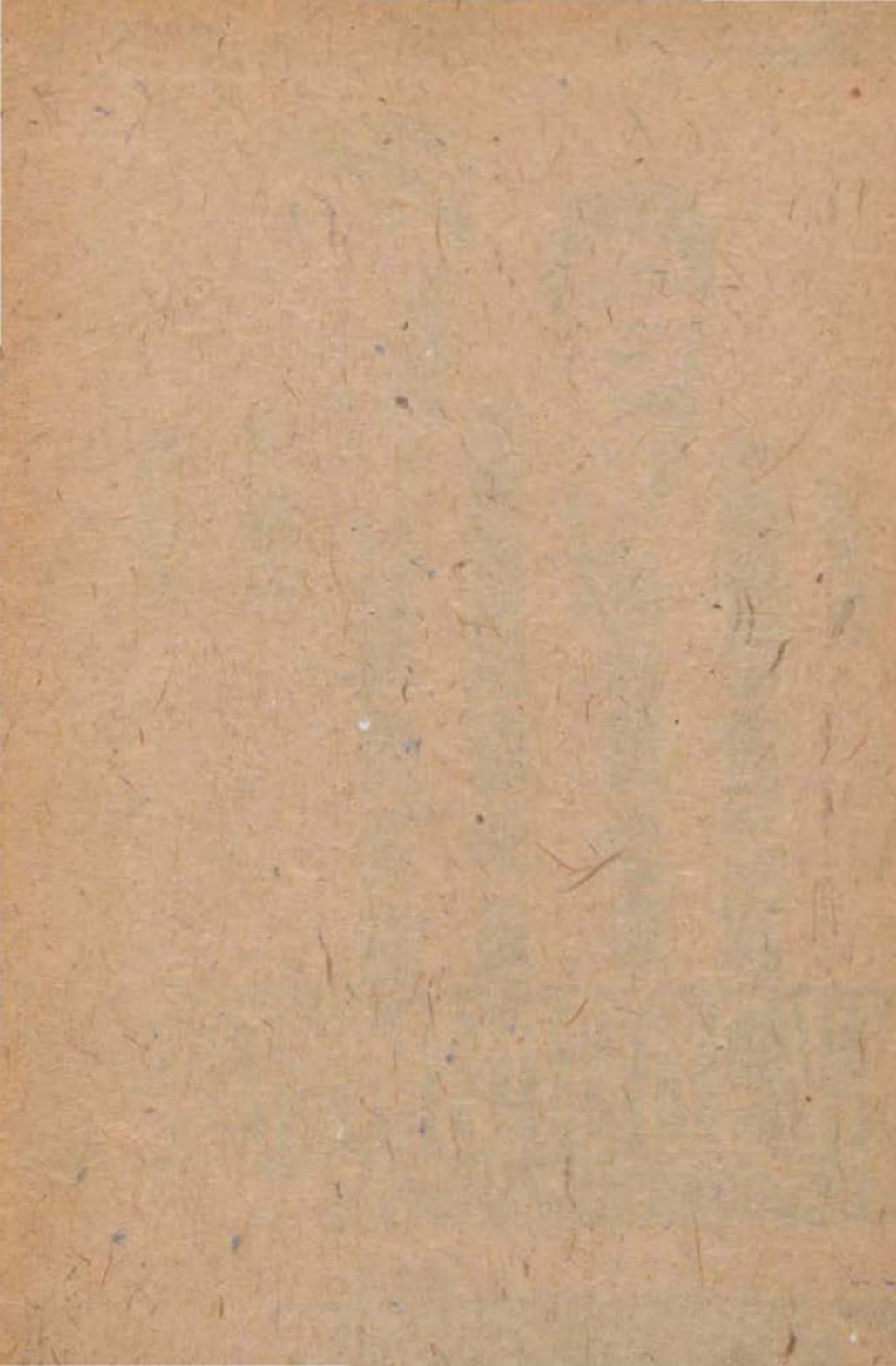
А. КАГАН.

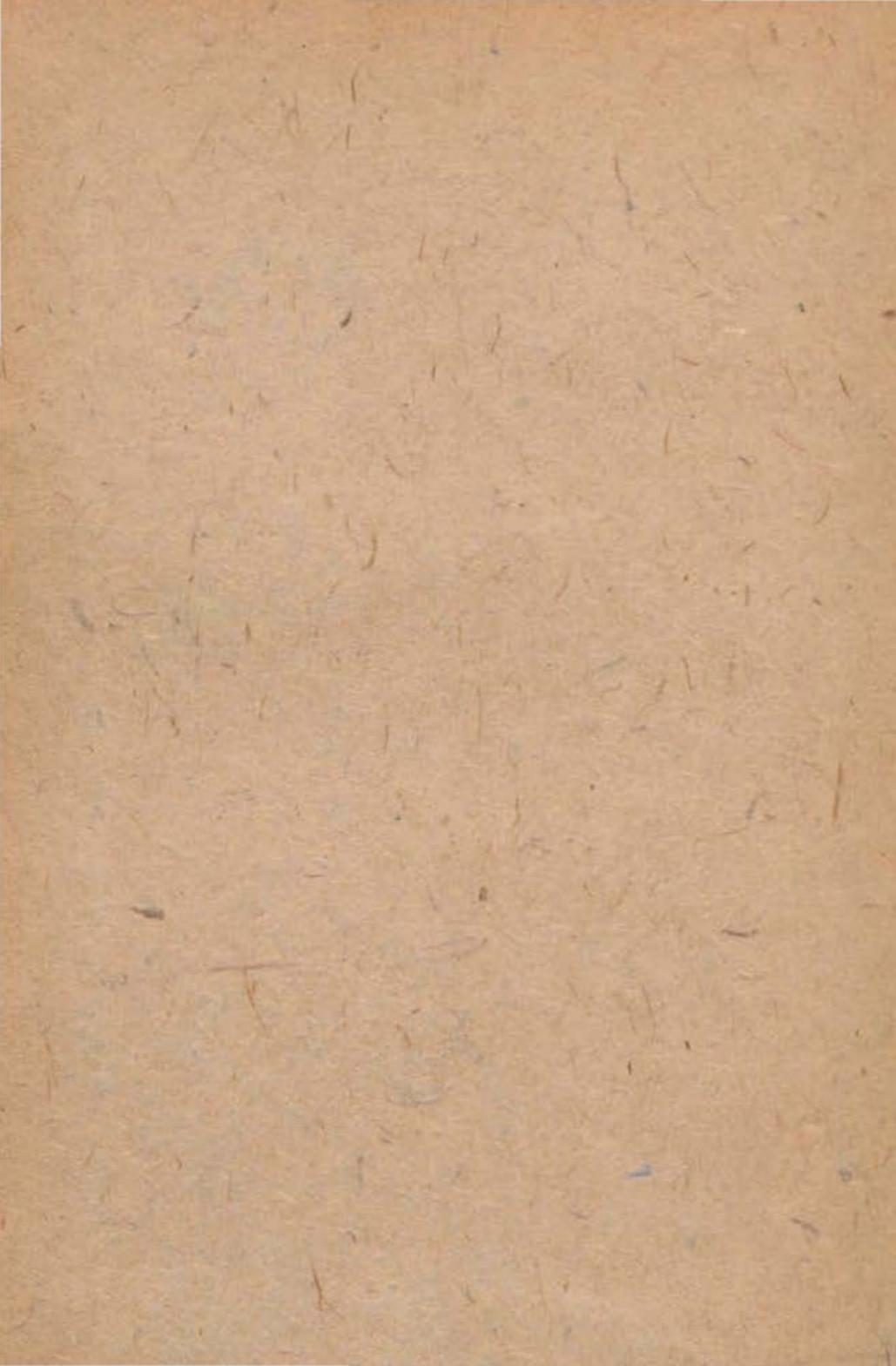
45 ДНЕЙ СРЕДИ
МОЛОДЕЖИ

У $\frac{68}{209}$

25-68

209

А. К А Г А Н

У 68
209

45
ДНЕЙ

СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

П Р И Б О Й

30 коп.

А. КАГАН

768
209

45 ДНЕЙ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

81³/V111.34 D

29-34183

П Р И В О Й

1 9 2 9

ЧИТАТЕЛЫ!

*Отзыв об этой книге пошли
по адресу: Москва, Ильинка 3,
Госиздат, в редакцию журнала
„Книга и революция“*

2010517394

Ленинградский Областлит № 36217.
12 л. Тираж 10 000. (А, 18. 12808/Пр)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Записки врача бытовика, предлагаемые вниманию читателя, прежде всего есть подлинный документ, показывающий нам лицо рабочей молодежи. Изодня в день тщательно, как полагается опытному наблюдателю, автор заносил все мельчайшие детали из жизни и быта рабочей молодежи, очутившейся на летнем отдыхе в колонии.

Автор ничего не прикрашивает и ничего не искажает. Он рисует нам молодежь такой, какой она есть на самом деле, со всеми ее отрицательными и положительными сторонами. В качестве объекта наблюдения взят целый коллектив, но от этого записки не теряют своей ценности, — как документ о новом формирующемся на наших глазах человеке, о новом типе взаимоотношений, складывающихся в коллективе и укрепляющихся всей системой нашей воспитательной работы. Отдельные типы молодежи с их чувствами, горестями, радостями и переживаниями даны в этих записках и обрисованы если не целиком, то во всяком случае полно.

Мы еще недостаточно фиксируем и показываем те изменения, подчас и незаметные, которые происходят в характере, взглядах и идеалах молодежи нашего времени.

В стремительном беге времени, нам часто нет возможности оторваться от гигантской строительной работы и посмотреть поглубже на то, как под влиянием революции изменилась наша молодежь, какие глубокие борозды провела революция в сознании рабочих и рабочей молодежи.

Но много и много еще нитей соединяют эту в основном сознательную, с возросшими запросами молодежь со старым, темным прошлым. Тут и гибельная страсть к водке — «меня так с детства учили», — и грубое, скотское отношение к женщине, и привязанность к картам, и еще много и много других скверных черт, черточек и привычек.

Но борьба нового со старым все же кончается победой и торжеством нового. Сознание своей ответственности, как представителей рабочего класса, класса, утверждающего новую жизнь, стремление к коллективу и дисциплине, к организованному труду и отдыху побеждает в конце концов даже в среде наиболее отсталой и несознательной части молодежи.

Автору удастся обрисовать и вскрыть в этих своих записках то глубокое и затаенное, что есть у нашей рабочей молодежи, то второстепенное в ее поведении, мимо чего мы часто проходим, но что иногда вдруг неожиданно раскрывает и показывает нам всю картину изменения ее мышления, мировоззрения и стремлений за эти годы переплавки общественных отношений и характеров людей.

Записки интересны еще и тем, что они показывают то, как некоторые специалисты и ученые, интересующиеся нашей молодежью и работающие с ней, могут многое дать нам для правильной постановки воспитательной работы среди молодежи. Автор принадлежит как раз к числу тех специалистов-общественников, которые живо откликнулись на призыв комсомола и пошли с ним в самую гущу молодежи не только ради интересных наблюдений над ней, но и ради перевоспитания, переделки быта и жизни рабочей молодежи. Автор знает молодежь, он умеет подойти к той благодарной аудитории, которая не только слушает и не только загорается желанием перестроить свой быт, но и, под соответствующим руководством партии и комсомола, на самом деле перестраивает, переделывает свой быт, объявляя борьбу не на живот, а на

смерть всем темным проявлениям старого в быту. Внешне, по форме — записки незамысловаты и бесхитростны. Когда их читаешь, то радуешься или горюешь вместе с автором — не потому, что автор дал тот или иной сильный, художественный образ, а именно потому, что в этой простоте чувствуешь жизнь, доподлинный быт нашей молодежи, чувствуешь, что мы идем вперед, что мы движемся.

У самых широких масс молодежи сейчас быстрее, чем когда бы то ни было, растут культурные запросы, повышаются требования к самому себе, к своей работе, к своему поведению. Все это было известно и до книжки Кагана, но здесь все это показано на конкретном материале. Книжка эта имеет еще и тот интерес, что она есть блестящее доказательство того положения, что рабочая молодежь, в случае хорошо проведенной подготовки, может провести свой отпуск с большой пользой для своего физического развития и для культурного самообразования.

Все дело в соответствующем подходе и в соответствующих руководителях, а последних-то у нас как раз и не хватает.

Доктор Каган один из первых стал на этот путь, и в этом его большая заслуга.

Само собой разумеется, что «сорок пять дней» — это срок формальный, по существу же говоря — все описанное здесь есть результат долголетнего наблюдения и работы автора над молодежью и с молодежью. Автор как педагог и общественник может быть доволен: его наблюдения и зарисовки о молодежи дают очень многое тем, кто собирается применить свои силы на работе среди молодежи. Однако с одинаковым интересом книжка будет прочитана и самой молодежью. Она в этих записках сможет многое почерпнуть для себя.

Поведение и настроения отдельных «героев» этой «бытовой повести» заставят многих задуматься над самим собою и над своими поступками.

Будем надеяться, что опубликование этих записок вызовет широкий отклик со стороны врачей и педагогов-общественников и со стороны самой молодежи и даст нам в свою очередь не одну и не две книжки подобного рода, — книжки, показывающие истинное лицо рабочей молодежи, ее интересы, ее запросы и путь, по которому она идет в своем развитии.

Н. Слепнев.

Ленинград, 15 мая 1929 г.

45 ДНЕЙ СРЕДИ
МОЛОДЕЖИ

СУДЬБА ОДНОЙ ЗАГОРОДНОЙ ВИЛЛЫ

ОЧЕРЕДНОЙ СЧАСТЛИВЕЦ». — ШТАБ КОЛОНИИ. — ПРОСЛАВЛЕННЫЙ
БУЗОТЕР. — МЕХАНИЗМ СОБРАН

Кабинет весь под красное дерево. И стены и потолок. Великолепная резная работа, особенно по карнизам. Вдоль оконных рам — цветные стекла и вообще вся комната отделана с большим вкусом и изяществом.

В этом кабинете повесился купец Русанов...

История для его времени обычная.

Владелец крупных богатств, в том числе и прекрасной загородной виллы.

«Все бы, кажись, хорошо, но... горазд он был весело пожить...» повествует мне седой крестьянин, местный старожил, про судьбу купца Русанова: «Французенка была у Русанова, черная-пречерная... Частенько мы видали их. На тройке... Вот на том шассе...»

Но французенка, — что?... Кроме нее, были еще и скачки...

Безудержный азарт... один проигрыш за другим... И — наконец — разорение...

Вилла переходит к очередному «счастливцу» — придворному повару Максимову, а бывший ее владелец купец Русанов кончает жизнь самоубийством вот здесь, в этом же кабинете...

Такова краткая историческая «справка» о прежних владельцах замечательной виллы, которую окрестные крестьяне именуют теперь «Максимовской дачей».

Но... это все в далеком прошлом: нынче все по-иному. Нынче здесь

Летняя колония молодежи

И оба этажа этой дачи с самого утра кишмя-кишат рабочими—юношами и девушками, которым предстоит провести здесь целых сорок пять дней.

★

А устроились мы здесь неплохо.

В красном русановском кабинете — «штаб» колонии — Дачный Совет. Тут секретарь Совета Федя Стоумов (он же секретарь коллектива комсомола), завхоз Володя Розанов, я и сам зав-колонией Платонов. Мы четверо, конечно, только часть Дачного Совета. Кроме нас в него входит еще девять человек: четыре табачника, три пищевода и два печатника. Но они все разместились вместе с остальной молодежью.

Отдыхающие распределились в четырнадцать просторных комнатах, из которых некоторые еще сохранили былую красоту. В соседней комнате стены белые, с посеребренными рантами, разукрашенными углами и с красивой лепкой на потолке. В этой комнате поселились пищевики, а среди них Жиллов, известный бузотер, взятый в колонию условно, до первого проступка. Ему это соседство с комнатой Дачного Совета не особенно улыбается... Да что поделаешь?.. Пока он держит себя подчеркнуто степенно. Надолго ли?..

Девушек у нас больше пятидесяти. Они заняли рядом три комнаты во втором этаже.

Самая большая комната внизу. Она отделана под дуб, с вставками из цветной кожи, с большим камином в готическом стиле. Здесь мы расставили десять больших столов, накрыли их белыми клеенками и — «пожалуйте в столовую».

Вполне приспособлена и кухня. Странно как будто! Откуда в семейном особняке кухня на сто пятьдесят человек?.. Но такие уж были аппетиты этих пресыщенных жизнью людей, что кухня, которая в былые времена предназначалась для питания одной

только семьи, оказалась приспособленной для обслуживания ста пятидесяти...

И обслужит!.. Должна обслужить! Ведь речь идет о насыщении энергией не прожигателей жизни, — а молодых рабочих-комсомольцев, у которых впереди напряженный труд на производстве.

Итак, все в порядке! Каждый занял свое место.

Механизм собран.

Как-то он будет работать?

День в торой

БЕЗ СОЛНЦА

ГЛУБОКАЯ РАЗВЕДКА. — куда девалась столовая? — о мелочах

Работа пока идет более или менее гладко. Я говорю о хозяйственной стороне и — главным образом — о питании.

Но одного этого для культурного и разумного отдыха далеко недостаточно. Самое трудное еще впереди — предстоит наладить культпросветработу и здоровые интересные развлечения.

Но как?.. С чего начать?.. Тем более, что идут беспрерывные дожди.

★

После обеда обход комнат.

Дождь держит всех в помещении. Одни спят, другие читают, некоторые играют в карты, большинство же бессмысленно бродят по коридорам и лестницам... В комнате у девушек застал группу парней: скопом

пришли «в гости». Расселись на кроватях (некоторые — даже в пальто) и «треплются...»

С кроватей попросил сойти. Завязываю разговор:

— Что же вы здесь делаете?

Вместо ответа — вопрос:

— А что посоветуете делать? Сами видите — дождь...

Куда пойдешь?...

Вышел в коридор. У окна «пара». Тихо беседуют.

При виде меня смущенно улыбнулись...

По боковому флигелю поднялся на вышку, выглянул из окна. Все кругом покрыто серой дождевой завесой. И берег, и залив, и Кронштадт... Тускло, холодно, сыро...

Вот и попробуй, развертывай тут культурабиту...

★

Вечером — культкомиссия.

— Вот что, — говорю я, — нужно подумать о развлечениях... При солнце можно загорать, купаться, гулять, экскурсировать... А сейчас дождит без конца... Обсерватория тоже не предвещает ничего хорошего. Ребятам — понятно — скучно. Многие уже жалуются... А ну, кто из вас спец по культуработе?

Улыбаются.

— Что ж придумаешь? Ничего и не придумаешь...

Это меланхоличный Долин. Он всегда такой...

Не то Вера Певцова. Она человек живой, веселый и решительный.

— Надо танцы устроить...

— Танцы? Хорошо. Ну, а еще что?

Молчание.

— Не сошлась же культуработа клином на одних танцах?

Начинают раскачиваться.

— Надо игр побольше. Шахмат, шашек. Хорошо бы, например, конкурс шахматный провести. Шахматный и шашечный.

— Это правильно. Ну, еще?

— Книги для чтения, свежие газеты, журналы...

— Уже есть. Еще что?

Слово берет член Дачного Совета Леонова. Она скромна и идеологически всегда выдержана.

— Я предлагаю проводить лекции.

Дружный протест: ску-у-чно!..

Тут неожиданно у меня явилась мысль:

— Давайте вместо лекций проведем игру в Викторину. Тему выберем самую боевую: как надо отдыхать? И проведем мы ее так...

Ребята насторожились.

— Сначала я, как врач, проведу несколько бесед о лучшем использовании своего отдыха, а потом вывесим вопросы викторины. Вот вам начало игры. За лучшие ответы дадим призы. А польза тут будет двойная. Во-первых, ребята получают знания по вопросам гигиены отдыха; во-вторых, это будет все же игра, которая займет не только свободные часы, но и внимание. Тут и польза и развлечение одновременно. Хорошо это будет? Как вы думаете?..

— Очень!..

Одобрят. Оживились. Засыпали вопросами. А кто будет оценивать ответы? А кто будет присуждать призы? А какие призы будут?

— Выберем комиссию, которая все и решит.

— Вот это правильно!

Подвожу итог.

— Итак, товарищи, книги, журналы, газеты, настольные игры, шашечный и шахматный конкурс, игра в сан-викторину и — время от времени — танцы. Это — пока. Если будем думать, то придумаем еще. А танцы, Певцова, давайте проведем сегодня же вечером...

Тут ребята уж совсем развеселились и разошлись в полном сознании, что оружие против скуки найти хоть и трудно, но возможно.

Не успели поужинать, — работа закипела. Столы

вытащили в коридоры. Вдоль стен расставили скамейки. Помещение осветили лампами. И минут через пятнадцать, когда в углу заблестели инструменты духового оркестра, столовая исчезла. Вместо нее — самый настоящий танцевальный зал...

Для начала оркестр, как бы приглашая собираться, грянул марш. Но собрались пока одни только подростки, те, которые танцевать еще не умеют. Настоящие танцоры придут немного погодя: так требует «этикет»... Понемногу комната начинает заполняться. Сначала приходят девушки. Несколько приодетые, прихорошенные. Не в одиночку, а каждая со своей подругой. За ними — парни. Те, которые постарше, переоделись, у многих галстучки, но — что интересно — почти у всех фуражки на головах. Некоторые же для пущей «важности» приподняли воротники своих пиджаков.

Плавные ритмические звуки вальса. Танцевать, однако, еще не начинают. Никто, видите ли, не решается быть первым. Но... вот пошла первая пара, две девушки... Вот — еще две девушки... Так уж всегда... Парни, между тем, « совещаются»: какую пару «разбить» и кому какую пригласить танцевать. Наконец Крючков и Ерофеев как признанные «заслуженные кавалеры» разбили первую девичью пару, другие парни — разбили вторую, и к концу вальса танцы были налажены вполне, всерьез и — если не остановить — надолго...

Убедившись в полном благополучии вечера, я ушел в нашу комнату и там — под шум и музыку, доносившиеся из столовой, много думал о привычках нашей молодежи, о привычках часто едва примечаемых и — казалось бы — мало значащих, но в конечном итоге имеющих огромное значение: сложенные вместе, они создают тип, определяют человека. И если мы хотим серьезно приняться за перевоспи-

тание молодежи, за изменение ее быта, то начать мы должны именно с «маленьких» этих привычек: со сквернословия, с неопрятности, грубости в отношениях и т. д.

Однако как трудно эти привычки устранять. Вот попробуйте, например, сказать «кавалеру» Ерофееву, чтобы, находясь в комнате, он снял фуражку. Он безусловно будет возражать, отказываться. Он, а с ним и большинство, считает, что фуражка это — необходимейшая часть внешнего «убранства» и что без нее самый стиль одежды будет коренным образом нарушен. И большинство рабочих ребят не могут и представить свою голову без... фуражки. А у многих она настолько «срослась» с головой, что, даже ложась в кровать (например, для «мертвого часа»), они забывают ее снять: так в фуражке и лежат... Многие даже раздеваются в таком порядке: сначала — пиджак, иногда еще и сапоги, а уж потом... фуражку.

Или вот еще: у некоторых ребят другая привычка — этот всегда поднятый воротник.

Кажется, одет парень чисто, аккуратно, даже с галстуком, а ворот сюртука поднят.

— Товарищ Лерский, опусти воротник, что за вид у тебя?

— А что?..

Он даже не понимает меня.

— А ты опусти. Лучше так. Приличнее. Тебе ведь не холодно.

Нет! Он не может! Он не привык! Вы понимаете, он будет себя плохо чувствовать, ему просто не по себе будет, если... на затылке он не будет чувствовать трения от поднятого воротника.

И когда, как будто в шутку, я воротник у него все-таки опустил, то он почувствовал себя действительно не совсем благополучно: походил, походил немного, пока наконец решительно не поднял его снова. И когда, вслед за этим, он опять наткнулся на меня,

то только улыбнулся и несколько виновато, как бы извиняясь, заявил:

— Не могу... вот... не выходит.

Да, трудно, очень трудно «вытравлять» установившиеся привычки.

Трудно, но не невозможно.

★

День третий

ПОЧЕМУ КУРГАНОВ ЛГАЛ

«БЕСЕДА» НА СОН ГРЯДУЩИЙ. — ЗА ЗАКРЫТОЙ ДВЕРЬЮ. — НЕ ХОТИТЕ ЛЕКЦИЙ — ДАВАЙТЕ ИГРАТЬ

Ровно за четверть часа до наступления полуночи корнетист Максимов выходит на угловое крыльцо дачи, и тогда далеко-далеко по всей окрестности разносится сигнал.

И хотя сигнал этот резко нарушает ночную тишину и покой, он все же зовет отдыхающих к полному прекращению всяких дел, к немедленному отходу ко сну. В двенадцать же часов дежурные члены Дачного Совета начинают обход комнат: все ли дома и в кроватях, тихо ли в комнатах, не горит ли где свет?

★

Вчера во время обхода из одной комнаты парней я еще издали услышал громкий разговор.

«Тема» — физические достоинства и недостатки девушек, живущих в колонии. «Форма изложения» — самая грубая, с такой обнаженной циничностью,

что она казалась невероятной и дикой в этом тихом, заснувшем доме.

Вот где грубость-то! Грубость не только к девушке, но к человеку вообще.

А ребята в общем не плохие. Мало этого. В «развернувшихся прениях» — кроме прочих — активно участвует и живущий в этой комнате Леня Курганов — член Дачного Совета.

Через минуту, в сопровождении другого члена Дачного Совета, Розанова, иду в комнату. Прежде чем войти, тихо постучали.

Разговоры вмиг оборвались. Дверь, однако, не открывается.

Стучим вторично.

Кто-то сполз наконец с кровати и медленно стал открывать.

Входим.

Гробовое молчание.

— Почему вы не спите?

Отвечает Курганов. За всех:

— А мы вот беседуем.

— О чем вы беседуете?

— О погоде...

— Больше ни о чем?

— Нет.

Наступает томительная пауза; наконец я не выдерживаю:

— Товарищи, это — сплошная неправда. Не о погоде говорили вы... Вы занимались гнусными разговорами о девушках.

Курганов перебивает меня:

— Что вы, доктор, что вы...

— Курганов, ты член Дачного Совета, ты не должен прикрывать мерзкое явление, тем более, что для этого тебе приходится лгать. Молчал бы лучше, как все молчат...

Не выдержал кто-то, хихикнул. И опять наступило молчание, напряженное, долгое. Его нарушил Розанов.

— Ребята! говорите правду. Это будет честнее.

И тут сдали.

Поговорили, убедили как будто их в том, что поступали они гадко.

.....
Это было вчера.

Сегодня с утра я снова пришел в эту комнату. Хотелось еще раз поговорить с ребятами. Не коротко, не сухо, как это было ночью, а что называется «по душам». Сел, разговорились. Теперь они откровенно сознались, что вчера действительно занимались сквернословием. Попутно встал другой вопрос: почему Курганов лгал?

Сам он объясняет «просто»:

— Нельзя же выдавать своих...

— Но ты ведь член Дачного Совета...

— А дружба?.. Ведь это мои товарищи.

— Плохо, Леня, ты понимаешь дружбу в комсомоле...

Ребята подсели ближе и насторожились.

— По-твоему дружба — это значит во всех случаях и всячески — даже прибегая к лжи — выгораживать своих?.. Но ведь это неверное и вредное представление о дружбе. По-моему, ты прежде всего комсомолец и больше всего должен думать об интересах организации. И если ты замечаешь, что кто-нибудь — пусть самый близкий твой товарищ — поступает плохо, во вред организации, — первая твоя обязанность не допускать этого, а если плохое все же совершилось, то твоя обязанность — не скрывать проступка товарища, а исправить его... Что касается дружбы, то ее ты поддерживай для совместной работы, для совместного культурного совершенствования. Вот для чего нужна дружба в комсомоле!

— Да, все это верно, — медленно и как бы нехотя соглашался Курганов: — но политически мы не ахти как развиты, чтобы разобраться во всем этом...

— Но теперь-то вы поняли?

Молчат. А Курганов задумчиво сквозь окно смотрит

куда-то вдаль и тихо, как бы про себя говорит:
— Как будто понял.

Вдруг поднялся, выпрямился и отрывисто бросил:
— Ладно же... В последний раз...

★

Сказал дежурному:

— Собирай всех на Викторину.

.....
Оживленно смеются. Что-то будет?

В виде вопросов и ответов я изложил им все, что относится к отдыху, к использованию солнца и воды. Вижу, что я заинтриговал их предстоящей игрой, формулируя вопросы, которые по содержанию немного сходны с будущими вопросами Викторины. Многие тут же пытаются дать ответ. Но — к общему удовольствию — я решительно сопротивляюсь этому напору.

— Ждите вопросов!

.....
Через час у камина большая группа.

Читают и переписывают.

САН-ВИКТОРИНА.

Правильный ответ — 2 очка.

Приблизительный ответ — 1 очко.

Набравшему большее количество очков будет выдан приз.

ВОПРОСЫ:

- 1) Чем полезен «строгий» режим во время отдыха?
- 2) Какую пользу приносит «мертвый час»?
- 3) Как действует солнце на организм человека?
- 4) Перечисли все правила пользования солнечными ваннами.
- 5) Может ли получиться солнечный ожог на снежных высотах гор (объясни почему)?
- 6) Какие цвета одежды рекомендуются летом и почему?
- 7) Объясни, чем полезно купанье для человека.

*

.....
Судя по всему ребята Викториной заинтересовались. Во всяком случае многие готовятся к соревнованию весьма серьезно.

★

Сегодня же после мертвого часа начался и шахматный турнир. Участвует тридцать человек. Растет уверенность, что в конце концов для каждого найдется какое-либо занятие. Смотришь, и проведем интересно время, даже при дождях!

День четвертый

ЛОВИ МОМЕНТ

ПЕРВАЯ ВЫЛАЗКА. — «КОВАРНЫЙ» ЗАМЫСЕЛ. — С БАРАВАНОМ В ПАРТЕР

К вечеру вдруг посветлело. Дождя не было. Тучи сгрудились только на горизонте, а над нами небо было совершенно чистым, нежно-голубого цвета.

Со стороны Кронштадта феерическим полукругом поднялась огромная радуга, переливающаяся всевозможными цветами и оттенками.

Ребята высыпали на крыльцо. Широко улыбаются. Глубоко дышат. И важно этак прохаживаются взад и вперед.

Вот бы сходить сегодня куда-нибудь, вечер бы использовать. А то уж больно засиделись в помещении...

.....
Тут же у крыльца состоялось летучее совещание культкомиссии.

— Собирайтесь... Выходи...

— Куда? В чем дело?

— В Ораниенбаум!.. В кино!..

Весело заиграл все тот же корнетист Максимов сбор. Через четверть часа дача была уже пуста.

Оркестр в стройном порядке занял свое место. За ним четырехугольником девушки, по пяти в ряд, дальше выстроились парни.

Марш, и — в путь!

Настроение у всех повышенное и бодрое. От одного того, что можно пройтись, поразмяться, побегать, общее оживление и смех. Ну, конечно, и музыка...

А главное — то, что небо голубое, что дождя нет...

Идем мы верхним парком, захватывая по пути Большой дворец. Сейчас в нем помещается Лесной техникум, где мы проектируем устроить вечер спайки.

Имея такие намерения, оркестр наш лихо грянул «Буденного», как только мы вошли в дворцовые ворота.

Студенты высыпали на дворцовую аллею. С любопытством поглядывают на нас. Но мы и вида не подаем, что этим своим посещением «закидываем удочку» насчет их помещения...

Чуть миновали дворец — затруднение: рано вышли, надо как-то заполнить полчаса... Вмиг меняем маршрут, спускаемся в нижний парк и там на широкой аллее устраиваем привал. Хочешь — отдохни, посиди, а не хочешь — танцуй, благо оркестр играет венгерку. А через двадцать минут — сигнал, — сбор и в путь, теперь уже прямым рейсом до самого кино.

.....
Немного все это необычно: с оркестром в кино. И было действительно странно видеть в разных местах зала посеребренные эти инструменты. Да что поделаешь, хорошо еще, что сели. Вот барабанщику, тому действительно плохо пришлось: ну, куда ты пойдешь в тесный партер с огромным [барабаном?.. Так и пришлось ему, бедному, превратить бара-

бан в сидение и занять место у самой двери, рядом с контролером...

Домой возвращались в одиннадцать. Дождя все не было, хотя тучи уже успели подсобраться, угрожая новым ливнем. Поэтому и ночь казалась темней обыкновенного.

Ребята были довольны. Они освежились, встряхнулись. Об этом говорили их песни, бодрые и стройные, звучащие далеко вокруг, — этими песнями был заполнен весь наш обратный путь.

День пятый.

КОМНАТА № 13

«ЧАСОВОЙ» у камина. — ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ «НА ВЫБОР». — КАРТЕЖНИКИ

Снова дождь. Снова серо и уныло.
Что бы придумать еще?

Выхожу в столовую.

Возле камина — как часовой на своем посту — Матвеев, молодой табачник. Он выдает книги.

Минуту я слежу за ним... Светловолосый, сероглазый, скромный, молчаливый. Такого, как он, трудно и заметить среди многих. Но какой это способный и активный парень, особенно на общественной работе: без всякого принуждения он согласился ежедневно с 10-ти до 11-ти часов утра выдавать книги и работать в библиотеке. Другие гуляют, делают, что хотят, будет солнце — пойдут загорать, купаться, гулять. А он, так же как сегодня, будет здесь на своем

посту. Никогда не бросит работу, доведет ее аккуратно до конца. И все это — скромно, без шума, незаметно.

Такие, как этот Матвеев, необходимы для коллектива.

Побольше бы таких... Как легко шла бы тогда работа!

★

В комнате № 13 живет восемь человек.

Крепкие ребята. Один в одного. Углубленный в себя, философствующий Долин, степенный, с сознанием собственного достоинства Птичкин, честный, но резкий Грачев, грубоватый Солдатов, упрямый, задорный Максимов.

Все они чувствуют себя вполне взрослыми, не под стать многим подросткам, живущим в колонии. Живут сплоченно и — в пределах своей комнаты — организовано. Врозь не делают ничего. Политическое их развитие весьма слабое, и подтверждается это тем, что общественных обязанностей они не чувствуют, не знают и знать не хотят, зато они до тонкостей изучили свои права, которые они отстаивают ультрар-р-революционно... Ох, я очень побаиваюсь, что с ними нам еще придется иметь дело...

Когда я вошел в их комнату, там шла картежная игра. Видимо, на деньги. Немного смутились, но не растерялись.

— Не надо играть в карты.

— А мы без денег...

— Все равно. Карты вообще вредная игра. К тому же вы играете на деньги. Знаете ведь, что Ерофеев уже проиграл около 30 рублей...

— Знаем. Кто не знает? Лукину он проиграл...

А Грачев тут же резко прибавил:

— Лукин — шулер. Он обирает ребят.

— Мы категорически запрещаем картежную игру. А теперь скажите, как вы себя чувствуете вообще?

— Ничего. Не плохо. Только все еще скучновато.

— Занялись бы каким-нибудь делом. Участвуйте в Викторине, в шахматном конкурсе, сегодня начинается и шашечный. Читайте что-нибудь. Вы же взрослые парни! Научитесь сами заполнять свой досуг так, чтобы не было скучно...

Улыбаются:

— Да-а. Но... как это сделать?..

★

Выйдя от них, я направился в погранотряд — договориться о постановке у нас их силами военных занятий. Пока идут дожди, можно заняться изучением и разборкой разных видов оружия, а при первой возможности развернуть практические военные занятия и на воздухе.

Договорились быстро. Заниматься с нами будет сам председатель ячейки Осо-Авиахима — пограничник Крамарчук.

★

Вечером, после заседания Дачного Совета, в столовой — приказ:

К СВЕДЕНИЮ ОТДЫХАЮЩИХ.

Дежурными членами Дачного Совета отмечены частые случаи игры в карты, к тому же на деньги. Один из отдыхающих уже проиграл значительную сумму денег

ПРЕДУПРЕЖДАЕМ:

Каждый отдыхающий, замеченный в картежной игре, поставит себя под угрозу немедленного исключения из колонии.

„А ВЫ УСТРОЙТЕ ЧТО-НИБУДЬ...“

«КУДА ДЕТЬСЯ?» — ОТ АМУРА К АМАНУЛЛЕ. — «А ТЕПЕРЬ С А М И...»

Обсерватория обнадеживает. Хорошую погоду надо встретить во всеоружии. Занялись подготовкой к большой маевке-экскурсии в Петергоф. И сегодня с утра я с Розановым три часа носились на велосипедах по разным направлениям, выбирая более удобный и красивый маршрут. Устали, как черти, зато маршрут «проработан». Теперь остается только — продумать план и содержание всего этого дня, заранее предусмотреть возможные затруднения, подобрать толковых помощников и — все готово. Дело за погодой.

★

Вечер сегодня был пасмурный, но теплый и без дождя. После ужина до сна — целых три часа.

И вот тут-то легко можно было наблюдать, насколько наша молодежь совершенно не умеет сама организовывать свой досуг. Она все еще привыкла к тому, что об этом должна позаботиться культкомиссия. Она же сама проявляет только иждивенческую «готовность»: вот я пришел и сел, посмотрим, что вы покажете...

И действительно, если в данный вечер что-нибудь происходит (скажем, диспут, танцы, спектакль или что-либо подобное), то ребята чувствуют себя удовлетворительно. Но стоит только какой-либо вечер оставить «пустым» — и ребята беспомощно бродят из угла в угол, бессмысленно переходят с места на место и буквально не знают, куда деваться...

Вот и сегодня. Группа сидит на крыльце и ноет, ноет

без конца: «устройте что-нибудь...» Другие (как м-дведи в клетке) то поднимутся по лестнице, то... сиустятся вниз. И общая жалоба, стон: «ску-у-чно!..» Я к ним:

— А вы придумайте сами что-нибудь...

— Нет, вы устройте что-нибудь...

ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРОГУЛКА

Я протестую:

— Нельзя же в самом деле вечно няньчиться с вами. Вы взрослые люди. Сами подумайте над тем, как бы лучше провести вечер...

Они свое:

— Да... но что же делать?... Что делать?..

Тут я решил показать им на практике, как можно провести свободный вечер без помощи культкомиссии, как можно и должно самим организовать свой досуг.

— Давайте, — говорю я, — пойдем в верхний парк, к Китайскому дворцу...

— А что мы там будем делать?..

— Во-первых, мы там будем вместе. Это уже приятно. Во-вторых, погуляем и побеседуем друг с другом. В-третьих: осмотрим великолепные уголки этого парка. Ведь там действительно очень красиво...

— Ну-у-у, — занули они снова: — мы уж там были, мы все уже видели...

— Это ничего не значит. Вы на все смотрели, но не все еще видели. Видеть надо уметь...

Согласились:

— Ну, пойдем...

Пошли-то пошли, но... лица их выражали большое сомнение насчет успеха предпринятой прогулки.

Набралось, однако, человек пятьдесят. Уже в парке мы разбились на несколько групп, и тогда вокруг меня осталось человек пятнадцать.

★

Идем и спокойно ведем беседу.

У дворца, осматривая аллеи, красиво убегающие от небольшого пруда, хитро улыбающегося амура, прячущегося в камыши, и интимные, красиво проложенные беседки, — мы молчали и только время от времени кто-нибудь из нас делал небольшие замечания с целью обратить общее внимание на новую подробность этого живописного уголка.

И совершенно незаметно ребята увлеклись настолько, что каждую архитектурную деталь стали разглядывать с интересом...

— А ведь правда, — сознался один из моих спутников: — когда вместе смотришь и друг с другом делишься впечатлением, иначе все понимаешь...

Незаметно разговор перешел на искусство (в частности на архитектуру). Мы заговорили о влиянии искусства и красоты на человека. Потом о быте и нравах

царей, князей и прочих обитателей дворцов. Потом — перешли к обсуждению причин и оснований для приема Амануллы-хана нашим правительством, а — в связи с этим — заговорили о роли таких восточных стран, как Афганистан, в случае нападения Англии или другой европейской державы на Советский Союз... Вон как размахнулись: от влияния искусства на человека до влияния Востока на военные замыслы против СССР...

★

Домой вернулись часа через два. И участники этой прогулки-беседы не только остались довольны, но просили почаще ходить с ними.

— Нет уж, — заупрямился я, — теперь сами. Без вожатых... Чем «топать» бесцельно на месте и ныть по поводу скуки, собрались бы группой и — на прогулку... Как сегодня...

И пусть в ответ они неуверенно покачивали головами, этот урок, урок самодеятельного культурного проведения своего досуга — я уверен — даром для них не пройдет.

День седьмой

ВСЕГДА ЛИ ТОЛЬКО КОНЕЦ ВЕНЧАЕТ ДЕЛО?...

БЕЗ «БУТЫЛКИ». — «ВЫСОКИЙ» ПОКРОВИТЕЛЬ. — ВЕЧЕР У КОСТРА.

Солнце!.. В первый раз за все время! За ночь немного подсохло — и вот — пожалуйста — настоящий, хороший, летний день.

За завтраком было шумно, тараторили без конца. —

Большинство — в трусах и майках, от чего вся столовая кажется более светлой и живой.

Покушали быстрее обыкновенного — надо торопиться! — и тотчас после завтрака разбрелись по разным направлениям, но к одной цели: загорать и купаться.

Я обошел все комнаты, «выковырял» всех, кто еще не ушел и отправился вслед за ними.

★

Только теперь я заметил, как богата и красива местность, в которой мы живем.

Какое обилие густой, пышной зелени, сколько разных ее оттенков вокруг! Вот бархатистые темно-зеленые пихты, стройные, гордые, с заостренной верхушкой. Между ними — ряды светлозеленых елей и тополей. А в разных местах, красиво оттененные, огромным серебряным букетом — плакучие ивы.

Вот стою я на высокой равнине, над которой раскинут наш дом. В пяти шагах от меня — крутой спуск, а там — опять равнина, как зеленый ковер в цветах, и так до самого залива. Тут земля от залива идет террасами, все выше и выше. Вот почему так пышно разросшиеся здесь лиственные леса кажутся еще более величественными. И вот почему многие места вокруг образуют как бы естественные залы и коридоры, огромные, с высокими лиственными стенами со всех сторон и великолепным зеленым «паркетом» внизу... Здесь уют, тишина, здесь отдых, покой... А там — вдалеке — безбрежная голубая гладь залива, старый, суровый Кронштадт и форты, таящие ненависть и огонь

Простор! Ширь! Есть чем дышать! Есть о чем думать: такая свобода мыслям... И везде солнце, солнце, творящее чудеса.

★

На нижней поляне, вокруг развесистой ивы, группа наших ребят принимала солнечные ванны. Я спустился к ним, лег рядом и мысленно стал подводить итоги первой недели отдыха.

Самое главное, самое важное это то, что в течение этой первой недели не было ни одного случая пьянства, этого жестокого бича почти всех молодежных домов отдыха, летних колоний, коллективных дач и т. д. Мне скажут: «Погодите, конец венчает дело, прошла только одна неделя, впереди еще пять...» Но это не совсем так. Там, где надо организовать и воспитывать массы, где надо наладить работу, где надо создать определенную обстановку, там, пожалуй, «венчает» дело не конец, а начало.

Вот почему я придаю такое решающее значение именно первой неделе. И то, что начало нашего отдыха не было омрачено тенью «зеленого змия», что никто из ребят — несмотря на дожди — не решился все же взяться «за бутылочку», — говорит о том, что вся обстановка вокруг оказалась «неподходящей» для выпивки.

Но если это так, то мы обеспечены и на будущее время, обеспечены по крайней мере от массового пьянства.

В чем же секрет создания такой именно обстановки, которая могла бы сохранить колонию в «сухом» виде?

Во-первых, многое здесь зависит от организации различных игр, культурных занятий и массовых развлечений. И все это коллективно, дружной семьей. Это для того, чтобы не было скучно, чтобы был «здоровый «сток» для избытка энергии, чтобы каждый был на учете и на виду у всех и — наконец — чтобы отвлекать, просто отвлекать, от пьянства.

Во вторых, надо разнообразить методы нашего воспитания, методы нашего воздействия как на отдельную личность («индивидуальная обработка»), так и на группу лиц, равно — и на многочисленный коллектив.

От словесного замечания до исключения из колонии, такова амплитуда этих методов воздействия.

И — наконец — третья сторона — это руководство. От руководства зависит умелое проведение в жизнь всего указанного выше. Но само руководство, в свою очередь, его качество, его идейный уровень, само собой зависит от качества отдельных руководящих работников, от их ценности, способностей, такта и т. д. В вопросах борьбы за трезвый быт первое условие — чтобы руководящая головка (в условиях колонии — Дачный Совет) сама бы была не пьющей. Только при таком условии они будут иметь авторитет и силу для борьбы с пьянством среди других.

И я думаю, что тут-то и кроется главный секрет того, что у нас на даче в это лето совершенно нет пьянства. И Федя Стоумов и Володя Розанов, и другие руководящие работники колонии — убежденные трезвенники, которые в праве требовать полной трезвости и от других.

.....

Невольно вспоминается прошлогодняя колония в Тарховке. Там массового пьянства не было, и отдых прошел в общем хорошо и организованно. Но отдельные случаи пьянства отмечались нередко.

Почему же это так было? Ведь и солнце было, и озеро, и спорт, и развлечения. А было это потому, что не весь состав Дачного Совета был трезвый, что в нем было одно (всего лишь одно) пьяное звено. Это был заместитель председателя Дачного Совета, секретарь коллектива ВЛКСМ, Вася Ленихин. Лицо, как видите, не простое, а занимающее большой пост. Руководитель, организатор — «вождь».

Вокруг него создалась небольшая группа («личная гвардия»), некоторые из них — члены бюро комсомольского коллектива, которые нарочно поселились в одной с Ленихиным комнате, чтобы вместе с ним, время от времени, выпивать. А глядя на них и чувствуя в лице Ленихина «высокого» покровителя, вы-

пивали и другие ребята. И так уж получилось, что одно только гнилое звено в руководстве развело гниль и среди других неустойчивых групп молодежи.

Да, руководство это много. А поскольку речь идет о молодежи, руководство это почти все.

★

Саша Крючков не только признанный «кавалер» и хороший танцор, он, кроме того, — еще и спортсмен и вообще хороший малый.

В виду всех этих его качеств ему поручили быть организатором баскет-бола в колонии. И сегодня — после мертвого часа — уже состоялся первый матч с комсомольцами Лесного техникума.

Вернулись ребята разгоряченные, красные, довольные. Пришли и заявили:

— Сегодня день хороший, и к вечеру ко многим придут гости. Надо устроить танцы.

И вот к семи часам вся колония собралась на вольном воздухе возле дачи.

Солнце садилось в тучах, края которых горели огненно-красной каймой. От залива дул небольшой ветерок, но был он теплый и приятный.

Оркестр разместился на круглой выпуклой полянке, а самые танцы происходили на широкой аллее, огибающей эту полянку. Нетанцующие расселись на специальных скамьях, расставленных по краям аллеи. Когда несколько стемнело, мы танцы прекратили, а взамен их развели костер, расселись вокруг него и под звон гитары пели песни...

Так мы и не заметили, как наступила ночь, нахмуренная, в тучах, чем-то явно недовольная... Нашими песнями, что ли?... Тогда давай бодрее, дружнее и громче: пусть не портит нам настроения угрозами непогоды...

И лились песни над потемневшей землей. И хотелось думать, что в эту ночь на земле было одно лишь светлое

место, это — шалящий, от ветра беспокойный костер и облепившая его бодрая, поющая молодежь. Костер медленно догорал, пока не превратился в кучу раскаленных, красных углей. Ребятам не хотелось расходиться... Но, что поделаешь? Сигнал, значит — умывайся и иди спать...

Утомление за весь этот первый солнечный день дало себя знать: ребята заснули скоро и крепко.

★

День восьмой

КТО ПЕРВЫЙ ПОЛУЧИТ „ВТОРОЕ“

БЕЗ ЗАВА. — «А мы то что, рыжие?» — озорство или барство?

Ночь хмурилась не напрасно: с утра опять зарядил противный дождь. Что-ж, отсидимся в помещении еще немного, а там снова вылезем на воздух.

★

«Интересное» дело, наша колония не имеет зава... Кажется собрался человек выехать вместе со всеми. Для него даже и кровать поставили в красную комнату. Но вот уже неделя, а Платонова все нет... Ходят слухи, что врачи предписали ему отдых и — в последнюю минуту, чуть ли не на вокзале, он заявил об отказе и... куда-то укатил... Может быть...

Но, разве такой ответственный работник, как секретарь коллектива партии, может поступать так неорганизованно, так безответственно?..

Этот случай возмутителен не столько оставлением колонии без руководства (оно налажено и без него), сколько отрицательным влиянием на молодежь. Ведь она о поступке своего секретаря не только знает, но втихомолку (да и открыто) над этим зло посмеивается. Нечего, мол, учить других, коль сам не делаешь того, чему учишь...

И, наконец, — живой пример страшно заразителен... И совершенно нельзя быть гарантированным, что кто-то из ребят в будущем не станет подражать той «тактике» безответственности и неорганизованности, какую допустил сей неудачливый секретарь...

.....

★

За обедом и ужином постоянно споры: с какого конца раздавать «второе». «Первое» все получают одновременно, оно подается на стол еще до сигнала. Но вот, как разносить «второе»?.. В каком порядке, с какого конца, какой стол получит «второе» раньше, какой — позже?

Таковы в общем те «жизненно-важные» вопросы, над разрешением которых ребята бьются вот уже несколько дней...

Спорили, спорили и — наконец — решили: один день начинать «от окна», другой день — «от двери».

Казалось — что теперь уж будут все удовлетворены. Увы, так только казалось... Сегодня с утра начались новые протесты. На этот раз со стороны... середины,

«А мы то что, — рыжие?.. Мы тоже хотим первыми получить «второе».

Дежурный призывал к благоразумию. Но «середины» ничего и слышать не хотела. Шумела, требовала, возмущалась. И неизвестно чем бы все это кончилось, если бы случайно не нашли выхода из «создавшегося» положения. Пронумеровали столы и теперь каждый день начнут раздачу с очередного стола...

Наблюдая за этим происшествием, я никак не мог понять: что это — озорство или что-либо другое? Во всяком случае не только озорство... Не было того добродушного, веселого настроения, которое характерно для озорников. Наоборот: ребята глубоко переживали этот «непорядок», они искренно возмущались им и — поднимая шум и споры — верили, глубоко верили в полную свою правоту.

★

День девятый

БЕЛОГО, ТОЛЬКО БЕЛОГО...

«ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ». — КРАСНОЗНАМЕНЕЦ КРАМАРЧУК. — ПЕРСПЕКТИВЫ ЯСНЫ

Я проснулся от криков. Они доносились из столовой.

— Хле-е-ба!.. Дайте белый хлеб!..

— Что там происходит? — спросил я, несколько изумленный.

— «Февральская революция!..» Ты разве не слышишь, какие там выброшены лозунги?.. — пошутил Розанов. А сам выскочил туда «наводить порядок». Оказалось следующее. На утренний завтрак дали хлеб с маслом, с сыром и какао. Но, хлеб — о, ужас! — был черный, а не белый...

Как так? До сих пор утром получали хлеб белый, и вдруг — черный... И — понесло:

— Где Роза-а-нов?.. Дайте белый хлеб!..

Хлеб теперь отпускается по норме. Это — вследствие

*

общих затруднений с хлебом в стране. Но, хоть и с трудом, наша колония все же достает и черный и белый хлеб в достаточном количестве. Ребята же совершенно не ценят этой их привилегированности, а о хлебных затруднениях они вообще не думают. И хлеб за столом они не только едят, но еще и раскидывают...

Несмотря на все это, стоило один только раз, к одному только завтраку, не достать белого хлеба, как поднялся шум и возмущение.

.....
И опять я не могу понять. Откуда это?

Думается, однако, что инцидент с «белым хлебом» и вчерашний скандал с «вторым» родственны между собой... по бессмысленной, неуместной и ничем неоправдываемой требовательности.

.....
.....
Посмотрим, что будет дальше.

★

Сегодня после дневного чая состоялось первое военное занятие. Проводил его Крамарчук из погранотряда. Интересный человек. В прошлом рабочий, в настоящем красный командир — партиец. Герой гражданской войны, краснознаменец, теперь он работает в пограничной полосе, на заставах, где контрабандным путем провозят в нашу страну не только прибыльные товары, но и огонь для взрывов, поджогов и убийств.

Крамарчук крепкий, загорелый, спокойный, скуден на слова, с серыми, пронизывающими глазами и четкими движениями. Он весь — воплощение дисциплины и строгости. Кажется, что он насквозь пропах порохов фронт.

На ребят он производит неотразимое впечатление. И действительно, такой как он может внушить к себе глубокое уважение.

Комната, где происходят военные занятия, битком набита молодежью.

— Мы будем говорить о револьверах разных систем...

И тут же, вынимает их один за другим и кладет перед собой.

— Наган...

— Маузер...

И — между прочим:

— Вот те, которые попадают в наши руки — тут, на заставах — те, все с маузерами, вот с такими...»

Ребята настораживаются: ждут интересного рассказа. Но, суровый Крамарчук делает дело, ему не до рассказов...

После теории — разбор нагана и маузера, а потом — проверка их на практике. Вышли из помещения и начали стрельбу.

Первым стреляет сам Крамарчук. Какая меткая стрельба! Оказывается, он — снайпер. И самый этот маузер — второй приз, полученный им на всесоюзном стрелковом состязании.

Ребята в восторге не столько от занятий, сколько от руководителя...

.....

★

Вечером работники культкомиссии — Леонова, Певцова, Стоумов и я — отправились «в разведку». Намечали маршрут до Красного пруда, изъездили вдоль и поперек самый пруд для намеченного большого лодочного катания.

Итак, подготовлены уже две экскурсии — в Петергоф и на Красный пруд.

Скорее бы прояснилась погода!..

АРИЯ ИЗ ТОЙ ЖЕ ОПЕРЫ

«ХОЧУ КУЛЕБЯКИ». — БЫКОВ НАДУЛСЯ. — «ВЫ ИХ БАЛУЕТЕ». — УРОКИ ПРОШЛОГО.

Сегодня за ужином еще одно происшествие и опять из числа тех, что были накануне.

На ужин дали по два яйца и по стакану простокваши. В столовой, как обычно во время еды, довольно шумно. Вдруг слышу меня кто-то зовет к себе. Зовет настойчиво, с явным раздражением в голосе.

Передо мной комсомолец Быков. Лицо рассерженное, с злыми огоньками в глазах.

— Это ты меня звал?

— Я! Да! да!.. — кричит он надо мной, чтобы в общем шуме быть услышанным.

— В чем дело? Что случилось? Что ты так взволнован?

Он, наконец, высказался:

— Я не хочу простокваши...

— И это все?.. А интересно знать, чего бы ты хотел?.. — сказал я с подчеркнутой иронией.

Но ему не до шуток, и он ответил весьма убежденно:

— Я хотел бы кулебяки...

С минуту я помолчал... Мне стало как-то не по себе. Поднять такой шум. Так разволноваться... Так требовать и все из-за чего?.. «Не хочу простокваши, хочу кулебяки...» Поступать так может только избалованный, капризный ребенок в семье, полной всяческого довольства. Но не рабочий парень, не комсомолец... И это при условии вполне достаточного, хорошего питания... Нет, надо забыть про все: и кто ты, и где ты, а главное — какой ценой все это до-

быто, чтобы вести себя так разнузданно, не по-рабочему.

Я молчал и только смотрел ему в глаза, упорно смотрел, в надежде, что он очухается, что он поймет всю неуместность подобных требований... Напрасно: выражение возмущения не сходило с его лица.

Тогда я спросил его:

— А что было вчера?

— Вот вчера была кулебяка, — вспомнил он.

— Вот видишь? вчера была кулебяка. Невозможно же давать ее каждый вечер...

Но он стоял на своем:

— А если я не люблю простокваши...

— Но ты ведь не в ресторане. Только в ресторане можно заказывать себе то, что вздумается...

Сказал и резко отошел прочь.

Быков пошел на свое место, сел против простокваши и надулся...

★

Перед сном в нашей комнате разгорелась дискуссия. Эта Быковская «кулебяка» была ярким завершением всех тех происшествий с «белым хлебом», «вторым» и других, менее резких, которые произошли у нас в колонии за последнее время. И теперь каждому из нас естественно хотелось во всех этих происшествиях основательно разобраться.

В ходе спора я вспомнил мнение на этот счет заведующего фабзавучем Торопова.

«Мы их слишком балуем», говаривал он не раз: «ну, чего только для них не делают? Вот тебе фабзавуч, учись и немного подзарабатывай. Вот тебе общежитие, вот тебе столовая... А каждое лето — обязательно на дачу... А культработа, а всякие там вечера, чего только для них не придумаешь!..»

Тут Торопов немного «выходил из себя» и — глубоко негодуя — обычно заканчивал так:

— Ну, скажите пожалуйста, — где и в какие времена

рабочая молодежь жила и получала квалификацию в таких условиях, как наши табачники?.. Нет, нет, мы их просто-напросто избаловали...

И со стороны Торопова это не казалось странным. Выходец из рабочей семьи, сам рабочий, он прошел суровую школу капиталистической фабрики. Ему трудно забыть каторжные условия труда, и когда он был еще «в учении», и позже, когда он стал уже квалифицированным слесарем. Он хорошо еще помнит и долгий до изнеможения рабочий день и низкую оплату труда.

В те времена трудно было заниматься общественной работой, «политикой», таких живо свертывали... И может ли теперь Торопов забыть те преследования, аресты и тюрьмы, которые ему пришлось перенести не раз, ему — большевику с 1904 года!.. Совершенно понятно, что, сравнивая условия жизни и труда рабочей молодежи тогда и теперь, и наблюдая, насколько сама молодежь этого не понимает, не ценит, — ему, старому рабочему, кажется это чудовищно-обидным.

С другой стороны, нельзя не считаться с тем, что основная масса нынешней молодежи не испытала на себе всех ужасов и лишений капиталистической фабрики и царского режима. Они тогда были еще детьми. Не прошли они и через закаливающий огонь гражданской войны. А если говорить о наших ребятах, то они не побыли еще как следует и на фабрике, которая сама по себе — со всей своей дисциплиной, производственной, общественной и товарищеской — является подлинной кузницей пролетарского сознания и стойкости.

Старого не испытал и мало о нем зная, а новое, хорошее получив легко, — они делаются требовательными, постоянно чувствуют себя обиженными и — в конце концов — получается впечатление просто избалованности. Той избалованности, о которой го-

ворил товарищ Торопов и которую время от времени мы наблюдаем и в нашей колонии.

И все это потому, что большинство нынешней нашей молодежи во всем исходит не из того, сколько — в результате революции — она уже получила, а из того, сколько и чего ей еще не хватает. А так как не хватает ей еще многого, то отсюда и капризность, и «вечная» ее неудовлетворенность...

.....
— Но, в таком случае, — спохватился разгорячившийся Федя Стоумов, — все наши инциденты являются следствием простой политической отсталости наших ребят...

Да, конечно! И тут нам надо признаться, что политическое воспитание нашей молодежи вообще слишком мало увязывается с нашим прошлым, а между тем изучение условий жизни рабочих до революции во многом помогло бы молодежи осознать свое место в жизни и в революции.

Мне кажется, что это верно, и поэтому я думаю, что будни нашей работы среди молодежи и ее учебу надо увязывать не только с грядущей мировой революцией, но и со всем пережитым прошлым. Ненависть и отвращение к этому прошлому есть фактор, поднимающий общественную активность и революционную готовность не в меньшей степени, чем перспективы борьбы за социализм. Мало того, самая эта борьба может получить колоссальную зарядку именно в ужасах и тяжести этого проклятого прошлого... Вот почему политико-воспитательную работу следовало бы вести также и в этом направлении.

Особенно среди молодежи и особенно среди той новой — советской — молодежи, которая в настоящее время все более и более выступает на первый план...

.....
Этими выводами мы наш маленький диспут заключили и принялись раздеваться, готовясь ко сну. И

только тогда, когда мы уже легли, все время молчавший Сережа Беляев вдруг вспомнил:

Ну, какого можно ждать политического развития у наших ребят, когда секретарем нашего коллектива в течение двух с лишним лет был этот самый... Вася Ленихин...

Я невольно вспомнил тут про «пьяное звено» в Тарховской колонии. А Володя Розанов даже вздохнул... Но что поделаешь?... Среди вождей молодежи встречаются и Ленихины...

.....

День одиннадцатый

ПОД ВИДОМ ТАНЦА.

«ЛЮБОВЬ — ГОЛАЯ ФИЗИОЛОГИЯ». — ТУСТЕП В КАВЫЧКАХ, ПОЧЕМУ НЕТ ШУРЫ?

Погода проясняется. Во всяком случае нет дождя, и земля несколько подсохла. Нет и солнца, зато есть надежда на него: не сегодня так завтра... Подсушенная земля была немедленно использована нашей футбольной командой, которая провела матч с командой Ораниенбаума. Культкомиссия же — в свою очередь — стала готовиться к проведению намеченного лодочного катания.

★

Как-то сидели мы в столовой. Я и два наших комсомольца — Витя Девин и Боря Мамушин. Девин считает себя уже взрослым человеком. И не потому, что ему двадцать лет, а потому, что он работает

уже на фабрике. Впрочем, если судить по его похождениям, то можно думать, что взрослым он считает себя уже давно, не первый год. Я имею в виду его отношения, его — «дела», с девушками...

Девин парень талантливый. Он — музыкант, играет на гитаре, на корнете и даже на скрипке. Кроме того довольно приятно поет и имеет недурную наружность. Ясно, после всего этого, что у него «все» данные, чтобы иметь успех у девушек, чтобы — во всяком случае — «поражать» их сердца. К сожалению, интересует его не «сердце» девушки, совсем не сердце. Вы удивлены: ведь он так еще молод... Ну, а то, что он пьет с шестнадцати лет, разве менее удивительно? А между тем это так.

В настоящее время он уже бледен, с утомленным выражением лица. Двадцатилетний «пожилой человек».

Любовь? Глубокое серьезное чувство? Что вы, что вы! Он даже не понимает этих слов. Для него женщина только «способ» удовлетворить себя... Вы говорите, она тоже человек...? Но об этом он как-то еще не задумывался...

Девин не один «такой». Он только более «выдающийся». По стопам его идет немало ребят, особенно те, которые по каким-либо признакам определили, что им уже пора «начать».

— Вот возьмите нашу комнату, — рассказывает сам Девин, — выпускники там. И что же? Они все уже имели половую связь. Один только Ключков еще сохранился. Ухаживает-ухаживает, а как только доходит до «этого»... боится.

— А чего он боится? — спрашиваю я.

— Ну, знаете, всякие бывают неприятности...

Сказал, подмигнув в сторону Бори Мамушина (ему — мол — это уже известно) и фыркнул.

Мамушин невольно покраснел, но в знак «солидарности» улыбнулся, стараясь тоже быть «храбрым».

— Неужели это так? — искренно удивился я, — вы все такие еще молодые...

И я уставился на Мамушина. Еще в прошлое лето он был совсем наивным юношей. Помню он тогда краснел по каждому пустяку. Ему было всего семнадцать лет... Но в то лето он жил в одной комнате с этим Девиным. И вот Девин-то видимо — и «просветил» его.

Девин, которого звали «маэстро», организовывал тогда джаз-банд. Попал в оркестр и Мамушин. А там уже, под «благосклонным» руководством Девина, хороший и еще нетронутый, юный Мамушин узнал сразу все секреты: и музыкальный секрет джаз-банды и секрет «правильного подхода» к девушкам.

И «успехи», как видите, налицо: юнец Мамушин уже тоже против «всякой там любви и прочей плести»... «Любовь — голая физиология, а все остальное е-рунда!..»

.....
Вот как распространяется оно — это вредное влияние с Девиных на Мамушиных, как один заражает гнилью другого... И одного ли Мамушина испортил такой Девин?..

★

Вечером, возвращаясь с вокзала, я еще издали услышал музыку. «Это у нас», подумал я: «вероятно — танцы...»

Вот, наконец, дача и наши дорожки. Навстречу «пара»: скромный Белов и вульгарная Оля Станкевич. Под руку и за руки... Оба несколько возбужденные прохаживаются после горячего танца...

.....
Тустеп... Так, как будто?.. На самом деле — фокстротт, к тому же — в «вольном подражании».

Одна пара выделяется особенно: Баранов и та же Оля Станкевич. Они не идут в общем кругу, там им тесно, там негде развернуться. Кружатся на середине, в углах, шумным вихрем проносятся сквозь другие

пары... Главное же, что прямо подавляет, это — их движения, обнаженно-эротические, вульгарные и — все это — без малейшего стеснения...

Я смотрю на них и испытываю неприятное чувство. Под видом танца — разнузданная пошлость, легализованная похабность... И как только не стыдно им? Кругом все обращают на них внимание и всем как-то неловко...

Наконец музыка замолкла, и танец кончился. В азарте возбуждения Баранов как-то неуклюже все еще держит свою «партнершу», и так не выпуская ее из рук, выносит на веранду...

.....
Я подошел к группе ребят, сидевших в углу комнаты. — Вот вам и танцы!..

Ребята молчали. Они понимали меня.

.....
Перед обходом комнат в одной из них, где находились более взрослые парни, мы в этот вечер много говорили о «пустепе», о танцах вообще, а главное — о грубом подходе ребят к девушкам.

Окно перед нами было раскрыто. Мы смотрели на стальную гладь залива, на темный силуэт Кронштадта, на мигающий маяк вдали и шепотом вели свою беседу. Вдруг — идея, у Власова.

— Не плохо бы провести у нас диспут... О любви, хотя бы о том нужна ли она и какая она должна быть».

— Нет, лучше — о танцах, — предлагает Долин.

— А можно о том, и о другом, — вышел я из положения.

— Так и назовем, — говорит Власов: — Любовь и танцы. Это ребят заинтересует. Кстати и погода располагает к диспутам.

★

При обходе комнат не оказалось Шуры Михайловой. Странно. Где же она?..

Шура умная хорошая девушка. Такой, по крайней мере, она была в прошлое лето. Вспоминается мне один бытовой диспут, на котором ребята «крыли» Сашу Подкопаева, что других он учит быть нравственными, сам же ночью, уже после сигнала, часами просиживает на веранде с Женей Орловой. Бедный Саша явно попался и смутился, что вызвало общий смех. Тут попросила слово Шура Михайлова и самым серьезным тоном заметила:

— «Что же вы смеетесь? Может ведь быть, что Саша и Женя вели беседы только о... литературе».

Смеху тогда не обобраться было. Но Шура с недоумением глядела по сторонам и не понимала, почему все смеются.

Да, в то лето Шура была еще наивным подростком. Тем более странно: уже половина первого, а ее все нет...

День двенадцатый

В БОРЬБЕ ЗА ДИСЦИПЛИНУ

Красный пруд. — шатающиеся фигуры. — как поступить с восковым? — «я гуляла одна»

Состоялась, наконец, вторая массовая вылазка из помещения. Сегодня провели прогулку на лодках.

Вышли стройными рядами, с музыкой. Для маршрута выбрали самые красивые аллеи верхнего парка.

Минут через сорок ходьбы мы у цели. Вот он Красный пруд, тихий, красивый, в зеленой оправе из старого густого леса.

Половина ребят, которая — из-за недостатка лодок — осталась на вторую смену, вместе с оркестром разместились на земляном выступе у самой воды. Все остальные с шумом рассаживались в лодки.

Когда, наконец, все сели, работники культкомиссии, на командорской лодке, выехали вперед, на середину пруда. Все другие лодки последовали за нами.

ОТДЫХ В ПУТИ

Скоро перед нами открылся узкий канал, в который мы вошли гуськом, длинной вытянувшейся лентой. А канал весь в прохладной тени. Солнечным лучам трудно пробиться через густую зелень дремучего леса. Здесь стоит глубокая тишина.

Но вот по озеру далеко, далеко разнесся фанфарный сигнал и все лодки — медленно — стали съезжаться к пристани.

Теперь очередь второй смены. За время нашего катания они успели уж покупаться и погреться на солнце и теперь заполняют лодки с явным нетерпением.

Так часа четыре мы пробыли здесь на воде.

И хотя назад шли с музыкой и песнями, однако торопились: уж проголодались все.

★

Развлечения развлечениями, а дисциплина быть должна.

После ужина — Дачный совет.

Докладывают: вчера в коридоре видели две шатающиеся фигуры, которые направлялись в комнату № 4. Дежурный немедленно направился туда и «зарегистрировал» табачников Лерского и Батынского...

Вот те и на: первый случай пьянства... Надо бить тревогу и именно потому, что он первый.

Но где провинившиеся? Почему не явились они на заседание? Оказывается — они в городе. В предчувствии этого заседания у них у обоих — и одновременно — оказались «неотложные» дела и — отпросившись у дежурного — они уехали.

Как же с ними поступить?

Первое предложение: исключить...

По моему, это неправильно. На первый раз можно и не так жестко, только, конечно, с предупреждением, что следующий случай — с кем бы он ни произошел — поставит провинившегося вне колонии.

Большинство с этим соглашается и решение принято.

Второй вопрос — о картежной игре.

Несмотря на запрещение, картежная игра в колонии все-таки процветает. В картежной игре замечены Федоров, Восков, Ерофеев, Коротков и Лукин. Последние два, — злостные картежники, о которых ребята говорят прямо, как о шулерах.

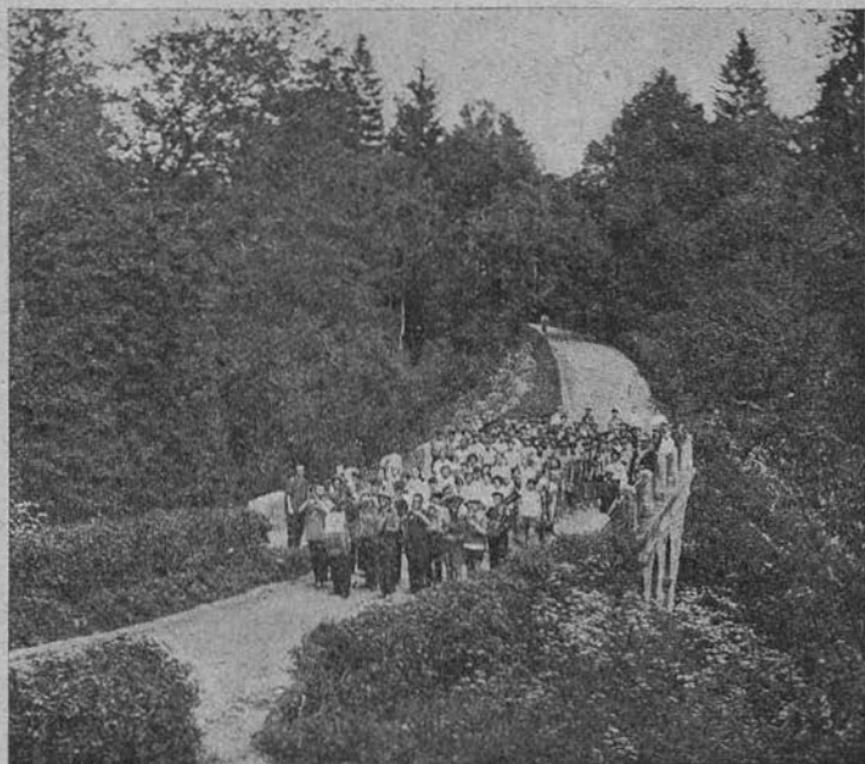
Эти последние на заседание явились. Сидят молча, совершенно спокойно и вины своей не отрицают.

— Да. Играли...

Наше постановление: за упорную картежную игру Лукина, Короткова, Ерофеева и Воскова из колонии условно исключить.

Тут в комнату вваливается Восков. Возбужденный, смотрит злыми глазами.

— Это ошибка! Я играл, но не на деньги. Я прошу смягчить решение в отношении меня,— и добавляет:— не можете вы равнять меня с шуллером Лукиным... Этого никогда не будет!..

ПРОГУЛКА С ОРКЕСТРОМ

Обвинение против него выдвинул Розанов. Это он уверяет, что Восков играл на деньги. Восков же утверждает, что это ошибка, на деньги он не играл и — если нужно — он выставит свидетелей. Розанов, однако, спокойно и твердо стоит на своем; члены совета — в полном замешательстве...

Как поступить? Что делать? Решение уже принято. Но человек так уверяет, так взволнован, что невольно задумываешься: а что если Володя Розанов действительно ошибается? Ошибки ведь возможны.

Пока идет спор, и Восков сыплет новыми и новыми доказательствами своей невиновности, я размышляю о самом Воскове.

Три года тому назад он был еще учеником фабзавуча. Тихий, вежливый, правдивый, активный член санитарной комиссии, деятельный помощник в проведении вечеров самодеятельности. Потом начал понемногу выпивать и играть в карты. Огрубел, стал дерзким и потерял интерес к общественной работе.

Его волнение теперь говорит мне о том, что хорошее в нем еще тлеет, а — значит — его надо поддержать, надо помочь ему стать снова таким, каким он был прежде. И мне кажется, что если мы теперь пойдем ему навстречу и приговор в отношении его несколько смягчим, — то польза от этого будет большая, нежели в том случае, если мы из амбиции («стыдно перерешать») будем настаивать на его столь суровом осуждении.

Я прошу слова и обо всем этом говорю. Федя Стоумов упрекает Дачный Совет в мягкости и настаивает на сохранении раз принятого решения. Его поддерживает Розанов. Где же выход?

Голосуем. Пять за, пять — против. Тут председательствовавший Розанов делает благородный жест: он отдает свой голос за то, чтобы приговор Воскову все-таки смягчить.

.....
С вопросами о нарушении дисциплины в колонии закончено, и мы переходим к докладу о дальнейшей массовой культработе. По существу это только продолжение того же вопроса — о способах сохранения и укрепления в колонии дисциплины и порядка...

★

Уже перед сном, когда я прохаживался возле крыльца, беседуя с ребятами, я заметил, что Шура Михайлова настойчиво ходит все время за нами. Ждет, видимо, когда я останусь один.

Наконец подошла.

— Вы не думайте, доктор, что-либо плохое. Я гуляла одна, я люблю гулять одна...

— Гуляешь ты одна, вдвоем или втроем, это не имеет особенного значения. Я знаю, что ты ничего плохого не совершишь. Только надо во-время быть дома. Опаздывать нельзя ни в коем случае.

— Больше этого уж не будет.

— Смотри...

— Хорошо...

★

День тринадцатый

„ТАК ВСЕ ГОВОРЯТ“.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НЕВЕСТ. — ПРИКАЗ № 2. — ВНИМАНИЕ! — ЗАВТРА ДИСПУТ

Ну и народ! Только недавно имели столкновение с кургановской компанией по поводу пошлых разговоров о девушках, а вчера ночью второй, почти такой же случай. На этот раз — у наших соседей.

Как и следовало ожидать, заводилой и коноводом оказался Жиллов. Ему, видимо, трудно стало себя сдерживать и понемногу он начинает «развертываться».

Они — видите ли — тоже «беседовали». И тоже о девушках. Тема с другим заглавием: «Кто какую из на-

*

ших девушек взял бы себе в невесты», — но с тем же гнусным содержанием.

Я с Стоумовым — к ним в комнату.

— Это что такое?..

— А что?.. — Они не понимают, чего собственно от них хотят.

— Как можете вы так говорить о девушках, о комсомолках?..

Тут Ефимов, который имел кличку «дипломат», присел на кровать и сказал:

— Ничего особенного мы тут и не говорили. Говорили так, как все ребята говорят, когда собираются вместе. Несчастье наше только в том, что мы в соседстве с вами. Слова не выговоришь. Хоть замок на рот повесь... .

С утра вывешено принятое вчера постановление:

1) За упорную картежную игру на деньги, несмотря на запрещение, условно исключаются из колонии Лукин и Коротков.

2) За появление на даче в пьяном виде условно исключаются из колонии Лерский и Батынский.

3) За картежную игру Воскову, Ерофееву и Федорову объявляется строгий выговор.

Дач. ый Совет предупреждает в последний раз: каждый замеченный в картежной игре, а также и выпивке, будет исключен из колонии.

Толпятся вокруг. Обсуждают. Спорят. Соглашаются. Но долго здесь не задерживаются.

Рядом с этим висит другое объявление, которое, видимо, заинтересовывает их гораздо более.

Ф

ВНИМАНИЕ!

Ф

Завтра 29 июня

состоится

ДИСПУТ

на тему:

«ЛЮБОВЬ И ТАНЦЫ»

— начало в 4 часа —

День четырнадцатый

НАВСТРЕЧУ ЛЮБВИ!

«ЗА» или «ПРОТИВ». — К ЧЕМУ ПРИВОДИТ УПРОЩЕНЧЕСТВО. — ЧЕЛОВЕК НЕ ЖИВОТНОЕ. — ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ЛЮБОВЬ?

Скамьи все заняты. Не только вся наша молодежь, но даже работники колонии, и те собрались. Вы скажете, это дождь загнал их. Но я не соглашусь. Дождь только помог, но собрались бы и без него. Вопрос об отношениях между юношами и девушками, вопрос о любви глухо, неясно, но все же волнует молодежь, тревожит ее. Таков уж возраст. — Спокойствие, товарищи! Диспут начинается!..

... Я молодежь знаю уже давно. И не первый уже год я внимательно наблюдаю за ее поведением и — между прочим — за взаимоотношениями между ребятами и девушками. И что же? Очень редко мне приходилось отмечать, чтобы парень относился к девушке

мягко, благородно, чисто, — не говоря уже о какой-то там нежности. Еще реже встречал я случаи любви, настоящей большой любви, о которой наша молодежь не имеет и представления, или же имеет, но в очень искаженном виде.

Вместо всего этого — хорошего, нужного, многозначимого — я видел, что отношения между юношами и девушками среди рабочей молодежи пока еще очень жестки, грубоваты, а в отдельных случаях даже резко грубы и пошлы (главным образом, конечно, со стороны парней).

Вот и в нашей колонии за две только недели мы имели «определение физических качеств и недостатков» наших девушек в кургановской комнате, «распределение невест» в жиловской комнате и, наконец, «задушевный» разговор с Девиным, который, не стесняясь, цинично рассказывал нам о своих отношениях с девушками. Барановская грубая пошлость под прикрытием тустепа есть явление того же порядка — невероятной, ненужной, вредной грубости в отношении молодежи. И, несмотря на то, что все мы прекрасно понимаем и сознаем необходимость самой суровой и беспощадной борьбы с этими пережитками старого представления о женщине, многие ребята к уродливым таким фактам настроены примиренчески.

Возьмем примеры из жизни.

Как у нас будут относиться к тому юноше, отношения которого к девушке будут чисты, ласковы?.. Определенно — засмеют. Заметят и пойдут «разыгрывать». А если узнают, что парень девушку любит, крепко, серьезно любит, так уж ему места не будет среди ребят. Над ним будут глумиться, на него обрушатся с «идеологической критикой»: мол, это мещанство, мелкобуржуазный предрассудок и т. п. . .

Зато с удовольствием и одобрением будут слушать рассказы Девина, как надо добиваться «своего» и — развесив уши — будут впитывать в себя всякую новую подробность, относящуюся к этим похождениям.

«Вот это — да-а!.. Ай да Девин!..»

Девин — герой! Девин — наш! И частенько Девин пользуется даже авторитетом...

А о чем говорят эти факты? О том, что общественное мнение молодежи пока что «за» такие огрубелые и опошленные отношения. К сожалению, это так.

Но все это не может не привести к той вакханалии неожиданных сближений и трагических разводов, при которых «он» от всякой ответственности норовит «смыться», чтобы всю тяжесть последствий оставить почти целиком на «ней».

Таковы неизбежные последствия таких отношений между юношами и девушками. И это явление будет уродовать быт молодежи и впредь, если только мы не спохватимся во-время и коренным образом не изменим своего прохладного отношения к таким взглядам и поступкам.

Главной причиной, создающей почву для таких отношений к девушке, к женщине, является более низкая их профессиональная квалификация. Она приводит к экономическому неравенству, от чего у ребят появляется чувство своего превосходства над женщиной, а в результате этого — отношения к женщинам делаются нетоварищескими и в конце концов становятся грубыми и пошлыми.

Это огрубение отношений проявляется во многих бытовых безобразиях — пошлости, разврате и — между прочим — в отсутствии любви, в отрицании ее и осмеивании.

Ведь очень часто приходится наблюдать, что рабочий парень от любви к девушке буквально отмахивается, считая ее для себя недостойной, чуждой и даже компрометирующей...

И лично я думаю, что отталкивает его от этого чувства любви та «репутация», которою издавна «славится» так называемая идеалистическая любовь

буржуа. Репутация — надо прямо сказать — чрезвычайно плохая...

И правда, любовь «по-идеалистически», это — «все!» это — ось, вокруг которой вертятся все интересы, стремления, в ней — цель и смысл самой жизни. Соответственно такой «установке» самый «предмет» любви — юноша или девушка — уж, конечно, не такой человек, как все другие, а нечто «неземное», «недостижимое». Но если любовь это все, а возлюбленный или возлюбленная это «божество», ради которого можно все сделать, на все решиться, то и получалось так, что во имя этой любви совершалось много нелепостей, вплоть до самоубийств.

К тому же идеалистическая любовь вообще фантазия, которая может существовать только в воображении мечтателей. Как же тут быть? И буржуа находит следующий «выход»: «душой» он любит только «ее», всех же прочих — ... «телом». А это и приводило к тому, что рядом и одновременно с любовью идеалистической, вернее — с бесплодными о ней мечтаниями — в среде буржуазной молодежи процветали разврат и пошлость.

И получалось: «в идеале» — одно, а в жизни — совершенно другое.

После всего этого будет ли удивительно, что от такой «любви» рабочая, революционная молодежь отмахнулась и отмахивается обеими руками?

Нет, это не удивительно и ... очень даже хорошо.

Но, отказавшись от идеалистической любви, рабочая молодежь заодно отказалась и от любви вообще, от всякой любви. Вместе с грязной водой буржуазного идеализма она выплеснула и ребенка, прекрасного ребенка любви, любви естественной, здоровой и нужной...

А это уже скверно! Тем более, что взамен ее появилось то «упрощение» отношений, певцом которого является «маэстро» Девин.

.....

Что же такое любовь и какой она должна быть на самом деле?

Давайте разберемся во всем этом, давайте глубже проникнем в это явление. Но только — без всяких предвзятых о ней мнений.

Так вот. Что же такое любовь?..

В основе ее — половое влечение (биологический смысл и назначение которого — размножение вида, для человека — рождение ребенка). Такова физиологическая основа любви. Для животных этим исчерпывается и вся «любовь»: половое влечение, удовлетворение — и все.

Но человек — не животное. Он — во всяком случае — не должен быть животным... И действительно, у человека культурного из многих нитей, протянутых от него к любимому, — половое влечение только одна из них. И пусть половая эта нить — основная, важно то, что кроме нее есть и другие, связывающие людей не менее крепко, чем эта основная.

Что же это за другие нити?

Чуткое и глубокое понимание друг друга, общность взглядов, интересов и стремлений в жизни, сходство наклонностей, желаний, характера. Многосторонние и сложные эти чувства у человека можно представить себе в виде высокого красивого здания, фундаментом которого является половое влечение, а надстройкой будет — все то, что выше мы назвали общностью интересов и стремлений. И, чем человек культурнее и благороднее, чем чувство его и отношения более глубоки, тем это здание любви будет все прочнее, все ярче, и... тем меньше значения будет придавать человек «фундаменту» этого здания.

Значит ли это, что лучше «жить» только в верхних этажах, что от радостей физической близости надо совершенно отказаться? Нет и нет! Уже потому, что это неестественно. Полноценная любовь включает в себя и все радости физической близости, от

которой сама любовь только крепнет и любимый делается еще более близким, еще более родным. Настоящая любовь здоровых и культурных людей пронизывает своими лучами все «этажи», все уголки этого прекрасного здания, светясь не только в его «высотах». Любовь одинаково нужна и одинаково прекрасна во всех своих проявлениях. И пусть физические порывы будут пламенны подобно стихии, — тем ярче, тем полнее будут отношения после них, тем плодотворней будет совместный труд, тем радостнее — совместная жизнь...

Вот что такое любовь и какую она должна быть.

И только так мы можем говорить о любви, как об украшении жизни, только так мы можем сказать, что она будет способна разбудить в человеке хорошее, сильное, все творческие его силы. Пример германской комсомолки Бенарио лучше всего подтверждает это. Она же показала, насколько в любви человека, осознавшего свои задачи в жизни, личное переплетено с общественным, личные радости — с революционной борьбой.

Но разве такая любовь не нужна молодежи, рабочей, революционной молодежи? Разве личная, да и общественная, жизнь этой молодежи и взаимоотношения между рабочими юношами и девушками не станут от этого лучше, ровнее, ярче?.. И разве благодаря этому не повысится во много раз и ответственность за всякие возможные последствия этих отношений, последствия, которые всегда требуют не столько материальной, сколько моральной поддержки?..

И разве после всего сказанного мыслимо себе представить половое сближение без любви, равняющее человека с животным? И разве не ясно теперь, каким вредным типом в нашем быту является этот Девин и ему подобные, как тяжело — иногда и непоправимо — они ранят здоровые нормальные отношения между юношами и девушками?..

И разве станет теперь кто-либо спорить против того, что п о р а, давно уже пора перестать отрицать любовь, а тем более — осыпать ее грязью и насмешками?..

Любовь надо принять! Надо пойти ей навстречу!..

.....
Так, шаг за шагом, я развертывал перед аудиторией свои мысли о любви. Говорил я и о танцах, об их роли и месте в системе развлечений и половых взаимоотношений, — но о них — вскользь, только попутно.

Наконец я кончил.

Аудитория, скованная бездвижностью и молчанием — после минутной паузы — зашевелилась и глухо зашумела. Председатель, однако, прервал этот неорганизованный, многоголосый разговор и объявил прения открытыми.

— Кто хочет слова?

Никто!

Поговорить обо всем этом между собой, в своей группе — другое дело, а открыто выступать — нет, на это не решаются. Причина все та же: о любви говорить неудобно, даже — «стыдно». И еще что? — Об этом сказала Шура Михайлова:

— Сейчас ты слово скажешь, а там пойдут тебя разыгрывать... —

Все же аудитория раскачалась. Не сразу. Сначала — груда записок, потом стали и выступать.

О мещанстве (чего я опасался больше всего) — ни звука. Ни один! Несмело, затуманенно, все еще не договаривая до конца, ребята говорили о своих стремлениях жить иначе, лучше, относиться друг к другу честнее, чище... При этом чувствовалось, что многие об этом думают и говорят в п е р в ы е...

И только теперь они глубоко почувствовали, что все это может быть и иначе. Не только может, но и должно.

Три часа продолжался диспут, но он далеко еще не кончен. Наоборот — только теперь он развернется по-

настоящему. По отдельным комнатам, среди отдельных групп молодежи развернутся настоящие прения, там ребята поговорят обо всем откровенно и «на чистоту».

Так или иначе — слово сказано. Оно выслушано внимательно и серьезно. А теперь пусть думают, пусть размышляют, пусть спорят между собой. Это невольно приведет каждого из них к проверке себя и других, приведет к критическому анализу существующих отношений, вслед за чем кое у кого последует и внесение поправок в эти отношения, что в конце концов сделает их подлинно товарищескими и честными.

День пятнадцатый

СВОИ ИЛИ ЧУЖИЕ?

НОВАЯ ГРУППА. — «ЖИВАЯ ГАЗЕТА». — ВОСКОВ СЖЕГ КАРТЫ

Чез день к нам на отдых приезжает еще одна группа комсомольцев. Печатники. Ребята с другого производства, другого союза, более взрослые, более развитые.

Может получиться так, что печатники окажутся обособленными от общей массы наших комсомольцев. Тем более, что к их приезду у одних — холодное, у других — явно недружелюбное отношение.

.....
Вызвал к себе Власова, старосту оркестра. Это серьезный и солидный парень.

— Вот, Миша, послезавтра к нам на отдых приезжает коллектив печатников...

— Ну?..

— Так вот надо бы устроить на вокзале товарищескую встречу...

Он помолчал немного, а потом спросил:

— За что же им такие почести?..

— Дело не в почестях, товарищ Власов. Ты ведь знаешь, что у нас у всех один принцип — дружба; сплоченность, коллективизм... А они для нас люди новые. Пока будем привыкать друг к другу — и отдых кончится. Надо поэтому встретить их так радушно и тепло, чтобы ребята с р а з у же почувствовали в нас своих товарищей. Ты понял?.. —

Улыбнулся:

— Я-то понял...

— Так в чем же дело? —

— Оркестранты все-таки откажутся. Скажут: чужие ребята, что их встречать...

— Вот видишь, — ухватился я: — ты говоришь, что они чужие... А надо, чтобы с первой же минуты они стали с о в о и м и.

— Ну, ла-а-дно... — согласился наконец Власов и медленно отошел от меня, обдумывая, видимо, план действий.

Через несколько минут ко мне подошел Розанов.

И у него затруднение. Не знает, куда разместить печатниц. Для печатников комната есть, а вот печатниц можно поместить только среди наших девушек...

— Так в чем же тут затруднение? — не понимаю я.

— А в том, что девчата наши отказываются их выпускать к себе...

Помолчал немного, а потом произнес, как бы про себя:

— А ты вот говоришь...

Это обычная его поговорка.

Я улыбаясь спрашиваю:

— А что я говорю?..

— А ты говоришь — дружба в комсомоле...

Да, плохо обстоит дело с этой самой дружбой... Где надо выгородить хулигана, где гадость какую укрыть, там — «дружба», а где надо помочь товарищу, где

действительно надо проявить внимание, — там дружбы нет... Как будто ее и в природе не существует...

★

Но — день сегодня для меня все-таки, несмотря на шероховатости, радостный.

Я стою возле крыльца и поглядываю на ребят, которые небольшими группами прохаживаются по дорожкам и аллеям вокруг дачи. Ко мне подошел Никитин, наша «живая газета». Странности имеет каждый, есть они и у Никитина: он очень любит «разносить» новости... Как что узнает, сейчас же с лихорадочной торопливостью начинает «передавать» — сначала руководителям, а потом уже — в «массы»...

Сегодня он что-то очень возбужден. Вероятно, и новость у него какая-то совершенно сногшибательная. — Вы слыхали?..

Я широко открыл глаза.

— Ведь Восков сжег свои карты...

— Ну-у-у?..

Я не поверил сразу.

— Да-да, представьте себе...

Сказал и торопливо пошел дальше, направляясь к гуляющим ребятам.

Я торжествовал. Восков сжег карты!.. Ведь это значит, что Дачный Совет поступил правильно, заменив ему условное исключение, так ужасавшее его — строгим выговором!.. А сжег ли бы он карты, если бы тогда Дачный Совет настоял на прежнем своем решении? Не встретились ли бы мы в этом случае с упрямством со стороны Воскова в отношении картежной игры, с тем упрямством, которое часто является результатом отчаяния?..

ДИСКУССИЯ О ДРУЖБЕ

«ОНИ НЕ НАШИ ТОВАРИЩИ». — БУДНИ КОЛОНИИ. — «ДЕДУШКА». —
«ОНИ ВЛЮБИЛИСЬ... НЕ ШУТЯ».

Еще с утра Власов сообщил мне, что оркестр согласился принять участие в встрече вновь прибывающих к нам печатников. Настроение сразу приподнялось: оркестр — это почти все на вокзал пойдут с музыкой, а это значит, что встреча выйдет удачной.

С одним делом, таким образом, покончено. Остается самое трудное: разместить девушек-печатниц по комнатам, но так, чтобы наши девушки приняли их к себе добровольно. Выполнять эту тяжелую миссию «угловора» отправились я и Розанов.

Вот комната, где живут табачницы.

— Можете уйти, — встречают они нас: — мы знаем, зачем пришли.

Но мы делаем вид, что не обращаем на это внимания, и молча производим свои расчеты. Насторожившись, те следят за каждым нашим движением.

— Одну бы сюда можно, — говорит наконец Розанов.

— Но мы не хотим, — разволновались табачницы, — у нас и так тесно.

Среди протестующих между прочим и Вера Певцова, член Дачного Совета (своеобразное понимание своих обязанностей!).

Пошли дальше. Вот комната вторая. Тут живут пищевички. Из шести человек здесь не одна, а две — члены Дачного Совета.

Встретили, как и ожидали, негодующим протестом.

Как мы даже пришли сюда? Нет! Ни за что, никого, ни одной печатницы к себе они не пустят! Попробовал было я воздействовать через членов Дачного Совета. Но те и глазом не моргнули.

— Не пустим и — все! Скандальить будем!

— Насчет скандала мы еще посмотрим, — говорит Розанов: — а ведете вы себя совсем не как комсомолки...

— Ну и ладно.

Пошли дальше — в последнюю комнату, самую большую. Тут также пищевички.

При нашем появлении раздается гул:

— И смотреть нечего! Все равно ничего не выйдет!

А одна из них отрезала «почище»:

— Они не наши товарищи...

Ого! Вот до чего договорились!

При общем молчании я приблизился к той, которая сказала это, и, глядя на нее в упор, резко спросил:

— Ты так думаешь?

Да, — твердо ответила она.

— Ты комсомолка?

— Ну, так что?

— Печатницы — те же комсомолки. Значит, вы — товарищи. И очень даже близкие...

Она ничего не ответила. Кто-то из девушек глухо стал возмущаться ее словами. Я с Розановым тут же покинули комнату, вслед за чем там открылось «экстренное совещание».

Минуты возбуждения стали проходить:

— Все это Оля... Если б не она...

— Ну, и ты хороша...

— Не отрицаю. И я...

Спорили долго, пока наконец не стало совершенно очевидным, что ошибку тут допустили все девушки и — главное — что эту ошибку необходимо исправить.

Первыми «смягчились» табачницы.

— Одну печатницу мы к себе берем...

И тут же побежали, принесли нары и поставили их возле окна. Вслед за табачницами — пищевички.

— Можете поместить и к нам...

И как бы оправдываясь, одна из них:

— Мы только думали, что им будет скучно с нами.

А так ничего... Пускай живут.

.....
.....
Ну теперь, наконец, все сделано! Теперь все хорошо! Еще вчера к приезду печатников был холод, было нежелание, непонимание. Не то сегодня. Будто и не те люди, другие, новые. Но, конечно, это все те же ребята, те же девушки, но только... с чуточку прояснившимся сознанием.

.....
.....
Теперь, товарищи-печатники, можете уже приезжать! Для вас все приготовлено, вам все обеспечено: и теплая встреча, и отдых и дружба!

★

Чувствовал я себя хорошо, даже несколько приподнято, но вместе с тем я был утомлен. День как на редкость был сухой, солнечный. Вокруг колонии было шумно и весело. Я опустил на мягкую траву и занялся наблюдениями за окружающим.

И только тут, отдыхая, я впервые ясно представил себе все величие будней колонии.

Да, будни... Есть дни большие, когда происходит массовое катание на лодках или большой диспут, или коллективное посещение кино и т. п. Эти дни как бы праздничные. Кроме них есть еще будни.

Вот вижу я... Перед домом три большие группы отдыхающих ребят. В одной — играют в аэробол. Эта группа наиболее многочисленная, и наиболее веселая. Игра завлекательная, здоровая, и в ней принимают участие даже такие девушки, которые кроме танцев «не признают» ничего.

Рядом какая-то другая игра в мяч, модификация фут-

бола. Немного поодаль, на дорожке, игра в городки. А там что, внизу на дороге? Оказывается и там — городки.

Здорово...

Перевожу глаза на дом, заглядываю в окна. Вот у одного из них стоит задумавшись Шура Михайлова. Вот еще двое. Эти, судя по их лицам и движениям, ведут какой-то веселый разговор. Пять девушек проводят время на балконе: двое шьют, трое следят за играми внизу. Из окон парней также видны небольшие группы. Больше всего из окна Киселева. Он болен и товарищи дежурят возле него.

Нет, не усидеть мне на одном месте. Тянет в дом, внутрь, посмотреть, что там происходит.

В одной комнате — человек 6 — 7 со струнными инструментами — идет сыгровка. В другой — турнирная партия шахматной игры, в третьей — пишут ответы на «Викторину», в четвертой — подбирают шумовой оркестр. Особенно было приятно отметить отсутствие картежной игры. Как-будто бы ее и не было никогда.

Машина коллективного отдыха, хитрая и сложная эта машина, налажена и работает исправно. Но проделана еще только треть работы, тридцать дней отдыха еще впереди.

Рано почивать на коврах.

★

Направляясь к себе, я увидел «бюллетень», синюю бумагу с красивым и многоговорящим заголовком: «Муравейник», Он был почти пуст.

Чистая беда с этим бюллетенем. Выпускать его взялся Федя Стоумов. Но что-то у него не клеится.

Подойдя к нашей двери, я услышал мандолину. Это, конечно, Федя. Вероятно, опять хандрит.

Интересный и странный он.

Секретарь Коллектива ВЛКСМ. Талантливый парень.

Хорошо рисует, пишет стихи и вообще мастер на все руки. К тому же он честный, хороший, простой. Но у него туберкулез легких. В прошлом были даже каверны. От этого он слаб и бледен. Сутулится, неповоротлив.

Его прозвали у нас «дедушкой».

Мне его очень жалко; он очень одинок, у него нет ничего личного. Хотя он безусловно и испытывает потребность в этом и прекрасно сознает, что всего

„КАК ЛУЧШЕ ОТДЫХАТЬ“ — БЕСЕДА НА ВОЗДУХЕ

этого в силу своей болезни он лишен. Жизнь кругом бурлит, переливается на все лады. Тут и кипучая работа и любовь и другие увлечения и переживания. У каждого есть что-нибудь «свое», Федя же имеет только общественную работу, только много всяких общественных обязанностей и нагрузок. Это, конечно, хорошо, а для него — единственное спасение. Но... не целиком, не на все минуты жизни!

И временами его одолевает тоска. Тогда он начинает искать чуткого товарища, все держится возле дру-

гих, ходит вокруг ребят, вернее — ковыляет, и при этом все старается острить. Получается впечатление, что других он развлекает, в то время как для себя самого развлечений не находит.

Как-то пожалели его ребята. Стали «сватать». Вернее, уверять, что — есть одна, которой он нравится. «Твоя жена», как шутили они.

И он поверил...

Стал возбужден более чем обычно. И из комнаты стал пропадать — все чаще. Ищешь его, а он — перед балконом девушек, стоит, переговаривается и все острит. Ну, одним словом, парень, не скажу, что влюблен, но — во всяком случае — сильно чем-то растревожен. А известно, что каждый человек, находящийся в таком состоянии, все старается проявить себя, таланты свои показать. И тут, как на зло, у него оказался фотографический аппарат. Девушки узнали об этом и взяли его, что называется, в работу.

— Сними меня, дедушка.

— Нет меня...

— Сними, дедушка, твою жену.

Его обступают. Просят. А он растерян, радостно взволнован и... не может отказать.

В конце концов парень совсем «засыпался». Все время, целые дни напролет он или снимает, или проявляет, или печатает, или показывает уже готовую работу...

Он так увлекся фотографированием, что забросил даже наш бюллетень. Все обещает, уверяет, что выпустит. А бюллетень все пустует. И получается впечатление, что он искренно хотел бы приняться за работу, но... не может. Таково уж его состояние, что лучше тренькать часами на мандолине, бессмысленно этак глядя в одну точку, чем делать то, что ему не по душе.

Но причем тут работа? Бюллетень должен быть! И я «сердито» говорю ему:

— Федя, ты взялся, ты должен сделать. Больше ждать немислимо.

Ему стало стыдно, и он решительно и торжественно заявил:

— Слово! Сегодня же вывешу все, что есть!

Тут же отложил мандолину и принялся за чернила и клей.

Зная, однако, насколько в настоящий момент ему трудно заниматься этим, я попросил Устанина, одного из наших отдыхающих, помочь ему. И, действительно, через два часа все имеющиеся заметки уже красовались в бюллетене.

Но сделал бюллетень все-таки не Стоумов, а Устанин. «Дедушки» не было даже в комнате.

— Где же Федя, — спрашиваю я.

— Вот он где..., с улыбкой ответил Устанин, указывая на дверь уборной.

— Что он там делает.

— Он проявляет свою «жену».

★

А Шура слова своего не сдержала: при очередном обходе ее снова не оказалось.

— Где Шура?

Девушки посмеиваются.

— Вот вы ей верите, что она одна гуляет?..

— Верю.

— Ну и верьте...

Хихикают.

— А разве она врет? Тогда с кем же она гуляет?

Ответ тонкий, дипломатический.

— Вот обойдите комнаты и вы кого-то не найдете...

— Значит, это наш парень?

Многозначительно посмеиваются:

— Там увидите...

— Но дело то в том, — говорю я, — что ничего нет плохого, если Шура с кем-либо гуляет. Пусть. Плохо только, что она опаздывает.

Меня прервала Вера:

— А зачем скрывать?..

— Вы же сами скрывать и заставляете...

— То есть, как это?..

— А очень просто: если Шура стала бы вам рассказывать, то на нее со всех сторон посыпались бы насмешки...

Замолчали. Смутились.

Продолжаю обход. Кто же «он» избранник Шуры?

Ага, из Кургановской комнаты.

— Чья эта кровать? Кого здесь нет? — спрашиваю я у старосты.

— Воскова...

.....
Минут через пять явились. Он прошел через кухню, она через главный ход.

Быстро один за другим умылись, а потом разошлись, каждый в свою комнату.

День семнадцатый

ТОЛЬКО НЕ ГОВОРИТЕ ОБ ЭТОМ

ВСТРЕЧА ПЕЧАТНИКОВ. — «ЦЫПЛЕНКИ ТОЖЕ ХОЧУТ ЖИТЬ». — «У МЕНЯ НЕТ ПАРЬ»

Встреча печатников вышла действительно дружеской, несмотря на дождь, который заставил нас перенести встречу с вокзальной площади в самый вестибюль дачи.

Вестибюль, так вестибюль. Оркестр разместился на скамейках в углу перед широко распахнутыми дверьми и для начала грянул марш «легкой кавалерии». Ребята выползли из своих комнат и заполнили как ве-

стибюль, так и всю лестницу, ведущую во второй этаж. Особенно много народу собралось вокруг «дедушки», который с аппаратом устроился у открытого окна.

Вдруг:

— Идут!.. Иду-у-т!..

Но в каком виде? Мы так и ахнули.

Тесной группой, держась друг за друга, приближались печатники. Некоторые сидели на телеге. Остальные шли сзади и с боков телеги. — Вид же у всех был не только «мокрый», но и весьма жалкий...

Оркестр заиграл туш, и в наступившей тишине Володя сказал:

«Дорогие товарищи, от имени всех отдыхающих я приветствую вас. Совместный отдых трех комсомольских коллективов есть лучшее доказательство того, что лозунг дружбы в комсомоле — лозунг жизненный и важный. Я, товарищи, выражаю надежду, что дальнейший отдых с вами это только подтвердит...»

Аплодисменты. Провожаемые нашими ребятами, печатники поднимаются во второй этаж, в свои комнаты. Уже за обедом, когда столовая наполнилась ребятами и всем было очень весело, мы выслушали ответное приветствие от печатников. При общем напряженном внимании секретарь их коллектива поблагодарил за радушный прием и добавил: «Мы, комсомольцы, понимаем отдых по-пролетарски, без пьянства и без разврата. Перед отъездом мы своему коллективу дали обещание именно так провести наш отдых. Обещание свое мы выполним...»

Это заявление было покрыто долгими и шумными аплодисментами всей колонии.

Перед ужином в медпункт явились два ученика и с таинственным видом заявили, что им нужно о чем-то со мной поговорить. Мы оставили помещение и вышли на ближайшую аллею.

— Скажите, доктор, как передается триппер?..

— А в чем дело? Что случилось?..

Они сначала переглянулись, потом осмотрелись кругом, и наконец один из них тихо сказал:

— Среди наших ребят есть два больных... Они живут с нами в одной комнате. И мы боимся... Как бы не заразиться...

— Кто же это? Неужели ученики фабзавуча?..

— Теперь они уже на фабрике. Но месяца два тому назад они были еще в школе. Да и заразились-то они как раз после выпускного вечера... Их выпуск был...

— Но, кто это? — напирал я.

— Девин и Мамушин...

.....
На выпускном вечере в своем клубе они встретились с двумя комсомолками, с которыми когда-то учились в трудовой школе. Решили закончить этот клубный вечер на квартире одной из девушек. Там будет лучше, свободнее, там — кроме того — можно будет и выпить и «вообще» повеселиться. Девин согласился, Мамушин — верный его ученик — тоже долго не упорствовал. На третий день после этой вечеринки у обоих открылась течь из мочеиспускательного канала. И врач, к которому они обратились, констатировал острый триппер...

.....
Подробно объяснив ребятам, как себя вести и какие соблюдать правила личной гигиены, чтобы избежать заражения, я вышел в столовую.

Потянуло меня туда — взглянуть на этих двух. Мне хотелось уловить, какая все же произошла перемена в их внешности, в их поведении. Но ее не было. Ни в чем... Такие же, как были. И такие же, как все другие. Они и теперь переглядываются с девушками, а те как ни в чем ни бывало посылают им ответные улыбки...

.....
После ужина вызвал их к себе.

— У вас триппер...

Молчат.

— Правда это или нет?..

— Правда... — ответил Девин.

— Ну, что вы скажете теперь? Теперь, надеюсь, уж поняли, к чему приводит такое поведение...

Молчат. Не шелохнутся.

— Как у вас лечение?

Отвечает Девин:

— Мы лечились. Мы и сейчас лечимся. Выделений больше нет...

— Но это еще не значит, что вы уже незаразны...

— Мы ничего не делаем...

— Ручаться за вас трудно. Вчера я видел тебя, Девин, с Олей Станкевич... Обнявшись, вы шли по аллее и настолько были увлечены, что даже не заметили, как я прошел мимо вас... Что же теперь прикажешь мне делать?.. Сказать Оле о твоём триппере?.. Этого, что ли, ты хочешь?..

Мамушин густо покраснел и стыдливо опустил голову.

Девин молчал и был растерян. Наконец, он сказал:

— Но, доктор, у меня ничего с ней нет и... не будет.

— Вот об этом и помни. Хорошо запомните оба. Вы еще больны и девушке, с которой вы сойдётесь, вы принесете тяжелое горе...

Ребята дали слово быть «очень и очень» осторожными.

А меня они — заметно волнуясь — просили об одном, только об одном: никому, никогда об болезни не говорить... Иначе... иначе — куда им деться?..

— Если вы будете честны и никого не будете подвергать опасности заражения, то я буду молчать...

С этим я их отпустил.

★

Сегодня вечером — по случаю приезда печатников — состоялись танцы.

Развернулись танцы — как по обыкновению — друж-

но, и участвующие были вполне удовлетворены. Но... только участвующие. Всем же остальным — тоже, как по обыкновению, было скучно.

Тут вот оно и началось.

— Танцы и танцы, — запротестовали нетанцующие, — надоело. Устройте игры...

А надо сказать, что таких довольно много, чуть ли не половина. По преимуществу, это — ребята более младшего возраста, но ведь уж давно сказано: «цыпленки тоже хотят жить»... И вот сегодня они забузили:

— Надоело... — И все...

Опять таки и танцующие тоже за что-то «боролись». И ответ они дали вполне обстоятельный:

— С вашими играми катитесь подальше...

Одни требуют игр, другие — танцев... «Цыпленки» — на своем. Танцующие не уступают... Поднялся необычайный шум.

Из «создавшегося» положения я решил выйти следующим образом: два танца, две игры и т. д., — вперемежку.

И объявляю:

— А сейчас мы будем играть. Руководит играми тов. Ерофеев. Ну, давайте — давайте, шевелитесь...

Но шевелиться никто и не собирается. Танцоры, те «принципиально». Другие же — потому, что «без старших все равно ничего не выйдет»...

— Что за чепуха! Хотели играть, а теперь сами же отказываются.

Я пошел по рядам:

— Идите играть.

— У меня нога болит...

— Идите играть.

— У меня нет пары...

— Идите играть.

— Я не хочу...

— Почему?

— А так...

Я обошел всех. Бойкот играм.

И хотя — с большим трудом — кое-какие игры и провели, но участвовали в них только «идейные» противники танцев и некоторые подростки. Прошли игры натянуто, вяло и скучно.

Но вот пришла очередь танцам. И когда раздалась музыка, двинулись уж дружно: и те, у которых не было пары, и те, у которых только что болели ноги, и те, которые «просто не хотели играть»...

В чем тут дело? Не в том же, что молодежь вообще не любит игр? И не в том даже, что нет хороших игр... Суть здесь — кажется мне — в том, что для игр у нас не было соответствующей обстановки, не было к тому и предварительной подготовки. Вклинивание же игр в танцы механическим путем никогда ни к чему не приведет: танцы будут омрачены, а игры все равно не выйдут.

Хорошо, если в распоряжении имеется несколько комнат. Одну тогда готовят специально для танцев, другую специально для игр. Но если, как у нас, всего одна комната, тогда лучше поступать так: одни вечера отдавать танцам, другие — играм.

С этими мыслями я пришел к себе в комнату, куда собрались и другие члены культкомиссии, и там — после недолгого совещания — мы решили завтра же провести первый такой вечер без танцев. Тут же вывесили большущий плакат:

⊙ ЗАВТРА СОСТОИТСЯ ⊙
ВЕЧЕР
ИГР,
ПЕСЕН,
РАЗВЛЕЧЕНИЙ.

★

КОЛОНИЯ ЗАПЕЛА

ДИСЦИПЛИНА «КУБРИКА». — НОВЫЙ ЗАВ. — «ХОЧУ РЯВКАТЬ». — БЕЗ ТАНЦЕВ

Сегодня день богат событиями.

После завтрака я провел беседу с печатниками на тему о лучшем использовании дней отдыха. Ребята — «что надо». У них чувствуется большая — по сравнению с нашими ребятами — дисциплинированность и сознательность.

Комнату свою они назвали «кубриком». Соответственно этому и ведут себя дисциплинированно, подобно матросам на корабле. Кроме общих правил внутреннего распорядка, они установили еще и свои, для своего «кубрика», которые строго проводят в жизнь. Но, главное, что я отметил у печатников, это — их сплоченность, и дружбу, которая выражается в чутком друг к другу отношении, оказании возможной помощи, да и во всех их действиях и поступках.

Если все это действительно так, как мне кажется, то печатники, как более крепкое ядро, принесут колонии много пользы. И не только примерным своим поведением, но и активным участием в общем руководстве колонии.

Посмотрим...

★

Военные занятия, так хорошо начатые, уже два раза сорвались.

В Москве в отделе пропусков ГПУ — белобандиты, проникшие к нам через границу, бросили бомбу... В связи с этим — тревога и более напряженная работа на пограничных заставах и... Крамарчук не может

уделить нам время для занятий. Так, взрыв в Москве отдаленным своим отголоском отозвался на работе нашей колонии.

Все же нам обещают, что занятия будут. Для поддержания же интереса к военным вопросам, возбужденного первым занятием, будем проводить конкурс на лучшего стрелка.

Организатором конкурса выбрали печатника Костю Иванова.

★

У нас событие... Федя Стоумов назначен заведующим колонией. Верно, с запозданием на две недели, но — право же — «лучше поздно, чем никогда».

Выбор Феде нельзя все же признать удачным.

Федя руководить не умеет, а администрировать и подавно. Для этого у него нет ни настойчивости, ни авторитета. Общее мнение о нем, что он — лентяй, размазня, тряпка.

Такое создавшееся представление о Феде объясняется его болезненностью, которая на все его действия накладывает отпечаток вялости, принимаемую многими за лень. К тому же, Федя — по натуре художник. Его очень увлекает стихосложение, рисование, фотография. И этим занятиям он отдает всего себя. Ясно, что на другие обязанности и работы его уже «нехватает».

Значит ли все это, что Федя лентяй? Конечно, нет! Это только значит, что он не может заниматься тем делом, на которое он не способен. Ему бы учиться, развивать свои таланты, вот что ему надо. Да и сам он только об учебе и мечтает. И если б он учился, то пользы он принес бы немало.

Но, использовать людей мы еще не научились. Пример Феде — лишнее этому доказательство. Федя — секретарь коллектива... Хоть парень он — и честный, и хороший, и идейный, — для секретаря он все же не подходит. Для этого у него не хватает энергии, орга-

низаторских способностей, твердости. Тем менее подходит он для заведующего колонией, где — ко всем перечисленным качествам — требуется еще одно, — качество крепкого администратора, которого у Федя нет и в помине.

Небольшой, но характерный пример.

Вчера вечером, когда мы собирали из комнат все лампы для столовой, я говорю ему:

— Зайди, Федя, в седьмую комнату и возьми у них лампу.

— А я уж был там...

— И что же?.. — Они не дают... — произнес он смиренно и прибавил: — зайдите вы...

— Но, милый, так ведь не годится. Ты теперь — зав, и лампу дать тебе они обязаны. Ты можешь их заставить...

— Ладно, — сказал он: — но... пойдете вместе.

Нет, не годен он быть администратором. А жаль талантливой «дедушки», очень жаль. При умелом использовании он мог бы играть большую роль и был бы всеми уважаем. При настоящем же его положении, вокруг него — насмешки, непонимание и ко всему этому — полная, внутренняя неудовлетворенность его самого.

★

Задуманный нами «вечер» сегодня состоялся.

Не без трудностей, не без шероховатостей. Но в общем он прошел удачно.

Объявили мы о нем еще во время ужина.

— Сегодняшний вечер все мы проведем в столовой...

— А, что будем делать?..

— Играть, петь... что захотите...

— А мы хотим танцы...

— Будет сегодня весело и без танцев...

И вот — тотчас после ужина — убрали столовую, расставили столы и скамьи (так именно, чтоб танцевать

нельзя было), на столах разложили разные игры, свежие газеты, журналы, расставили лампы.

Шахматисты уселись сразу. У них как раз идет конкурс. Некоторые принялись за чтение. И столовая, приняла уютный и культурный вид.

Но всего этого далеко еще недостаточно. Нехватает людей, а главное — веселья. Ребята же — и как раз наиболее веселые — засели по своим комнатам, и никак их оттуда не выцарапать. Вот завлечь бы в столовую человек восемь — десять из наиболее подвижных и вслед за ними в столовую потянулись бы и все остальные.

Я зашел в комнату № 13 и говорю:

— Сами-то вы веселитесь, а другим скучно... Пошли бы все в столовую...

— Ну, нет, — дудки....

— Почему?..

— Здесь мы чувствуем себя свободнее, делаем, что хотим...

— Делайте и там, что хотите...

Тут на середину комнаты, с огромной трубой через плечо, вышел Михайлов и в упор поставил вопрос:

— А если я хочу рявкать на трубе?..

— Ладно. Рявкай... только иди в столовую.

— Ах, так?.. Хорошо! И Михайлов, а за одно с ним и его товарищи, решили «проучить» меня.

В сопровождении шумной свиты, Михайлов вышел в столовую, остановился и изо всех сил, ка-а-к рявкнет... Переполох, шум... Опомнившись, ребята обступили Михайлова, но видя рядом с ним и меня, спокойно этак улыбающегося, пришли в полное недоумение. Михайлов же, между тем, продолжал реветь, привлекая своим ревом и всей этой сценой все новые и новые группы ребят...

— Но, в чем же тут дело?.. — не выдержал, наконец, один из них.

— Ни в чем особенно... Просто Михайлов решил по-

казать нам, какой он остроумный... Нам остается только проверить, так это или не так...

Ребята меня поняли и молча вперили в «ревуна» насмешливые глаза... Такого оборота Михайлов уж не ожидал. Он считал себя героем, а проделку свою «остроумной шуткой», вышло же совсем не остроумно, а сам он стоит дурак-дураком перед своими же товарищами... Смутился, покраснел и... стал подвигаться к двери. Не выдержали ребята и вдогонку ему дружно захохотали.

Все же Михайлов принес большую пользу: в результате его «бузы» столовую нельзя было и узнать. Ребят хоть отбавляй. Кругом шумно, весело, смеются и настроение у всех приподнятое.

Девушки заняли две скамьи и решили петь. Парням не хотелось оставаться в долгу. Они сбили свою группу, еще большую чем у девушек, и — пригласив дирижером «героя дня» Михайлова — стали их перебивать.

Чтобы предупредить опасность организованного шума, я посоветовал девушкам «не состязаться», а петь с ребятами.

И вот тут-то колония запела. Хором, человек в сорок. Впервые запела! Да так хорошо, что увлекла не только самих певцов, но и слушателей.

Пение вытянуло из комнат и остальных ребят. Явился старый наш знакомый Девин и — неизменно рядом с ним — Мамушин. И «тустепист» Баранов, и Митя Смирнов, здорово выпивавший в Тарховской колонии, но присмиривший почему-то в это лето, а возле них — закадычные друзья — прославленные картежники Лукин и Коротков. В уголке с группой ребят расположился «оригинал» Павлов, парень умный, развитой, но ленивый. И наш скромный тихий библиотекарь Матвеев, и ребята просто приятные и хорошие — Кириллов и Цыганков, и еще, и еще... всех не перечислишь.

В этот вечер колония жила полной жизнью. Ребята и

пели, и играли, и просто отдыхали. Все были вместе и всем было весело и все это... без единого танца.

День девятнадцатый

БУДЕТ... НЕ БУДЕТ...

«ножки промочим». — ТАКТИКА ВЕЛИКОЕ ДЕЛО. — «А ЧТО, ЕСЛИ...»

Полоса дождей все еще продолжается и необходимость развлечений чувствуется всеми.

После обеда установилась спокойная и теплая погода и в сознании многих всплыл план проведения маевки в Петергофе завтра же. Небо, однако, было в облаках и план этот встретил много возражений.

— Промокнем. Лучше дома сидеть...

Сторонники экскурсии ссылались на то, что солнца нам все равно не дожждаться. Было б сухо и то хорошо. При этом они указывали, что и сейчас обнажаются участки чистейшего голубого неба, а один разок... блеснуло даже солнце.

Противники экскурсии все же не сдавались. Дело, оказывается, не только в погоде, но и в том еще, что за один вечер кухне не справиться с заготовкой пищи на 150 человек, на весь день. Я, однако, чувствовал, что все эти возражения неосновательны: чего только нельзя добиться при большом желании. Учитывал я и другое. Наиболее активные, живые, были за экскурсию. Они уже горели этой идеей, требуя ее осуществления «во что бы то ни стало». А при такой «конъюнктуре» надо было действовать смело и решительно.

.....

На широком совещании культкомиссии горячие споры «за» и «против». Против меня двинули «тяжелую артиллерию». «Бомбардир» — степенная Леонова. Экскурсия сама может пройдет и ничего. Но после нее будет много больных...

— Это мне — врачу колонии — об этом напоминают...

— Но я не сдаюсь и ставлю вопрос еще резче.

— Мы говорим о военизации молодежи, о физическом ее закаливании. А тут... «ножки промочим», «насморк будет»... Промочим, так промочим, эка важность! Будет дождь, ну и пускай. Вы молоды и здоровы и ничего с вами не случится. Таково мое личное мнение, с которым вы можете и не согласиться. Перед вами я ставлю вопрос так: если земля будет достаточно суха, идти н а д о! Пусть не будет солнца, пусть даже немного моросит, идти — все равно — надо...

Голосование и — наша взяла. Даже заплодировали. Теперь надо сделать так, чтобы бодрое и приподнятое настроение было не только у ребят нашей группы, но у всех. Между тем, наш спор и разногласия с этого совещания перекинулись и в комнаты.

Чтобы устранить это я с двумя другими членами культкомиссии стал обходить комнаты.

Вот первая.

— Кто из вас в Петергоф идет, кто остается?

Большинство записывается охотно, но некоторые все же отказываются.

Нет — нет, это не годится! Идти, так всем идти! Иначе остающиеся испортят настроение тем, которые идти готовы. Что же делать, чтобы этих отказывающихся стало меньше? Ага! Изменить тактику опроса.

Мы идем во вторую комнату.

— Ребята, кто из вас будет осматривать Большой дворец, кто — Монплеизр и Эрмитаж. Знать это нам нужно для того, чтобы каждую группу обеспечить хорошими руководителями...

Тут уж зашевелились все, без исключения,

— Я в Большой! Я в Монплезир! А какая разница? А, что там? А что тут?..

Едва сдерживая улыбку, с нахмуренным лбом быстро записываю фамилии.

— Значит, все идут?..

— Конечно, все...

И то же повторилось почти во всех комнатах.

Наконец, вошли в ту первую комнату, где часть отказалась.

— Мы забыли записать, кто какой дворец выбирает для осмотра...

— А какие есть?..

Заинтересовались, стали спрашивать. В результате — и тут идут все.

.....
Походное настроение охватило всю колонию. Но на этом успокаиваться еще нельзя. Во-первых — необходимо следить за тем, чтобы настроение это не понижалось. Во-вторых, предстоит еще много всякой работы по обеспечению экскурсантов продовольствием. Володя Розанов помчался за продуктами в город. И не один, а с группой помощников из ребят. В это время в самой колонии по комнатам девушек шла вербовка добровольцев на помощь кухне: вернуть «индивидуальные» пищевые пакеты на 150 человек — работа большая, требующая многих рук. Миша Власов «формировал» оркестр. Одним словом, все нужные колесики были пущены в ход и весело вертелись.

.....
Перед сном, удовлетворенные результатами дня, мы много шутили и смеялись. Но, чувствуя на себе всю ответственность за удачу предстоящей маевки, мы снова и снова, уже в который раз, друг друга допрашивали, контролируя правильность нашей тактики.

— А что если дождь будет?..

— Если будет, не пойдем...

— Тогда для чего же сборы?..

— А это на случай, если дождя не будет...

Это Стоумов допрашивает меня.

Потом я его:

— А представь, Федя, что погода будет хорошая...

— Тогда пойдём.

— Но, если ничего не будет подготовлено, то и при хорошей погоде — останемся дома. Ведь, подготовиться, дорогой Федя, надо не только пакеты с пищей, но еще — и соответствующее настроение...

— Тогда отложим на другой день...

— А ты ручаешься, что в тот день дождя не будет, ведь мы из дождей не вылезаем.

Молчание.

— Так не лучше ли, — продолжаю я, — подготовиться и при малейшей только возможности все же... пойти.

— Да-а-а, — тянет Федя: — выходит, что так...

Выходит, что так? Но, на душе у каждого из нас было далеко не «так» и засыпали мы медленно и тяжело.

День двадцатый

ПЕТЕРГОФ

БАРАБАН В РОЛИ ОРГАНИЗАТОРА. — «Чья взяла?». — МАРТЫШКИНО. ПЕТЕРГОФ. — УРОК ТОВАРИЩЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ. — БОЛЬШОЙ ДЕНЬ

Волнения, сомнения и борьба вокруг маевки вчерашним днем не ограничились. Чуть проснулись — а было это в пять утра — как тревожившие нас вчера вопросы всплыли вновь. И было с чего: погода хмурилась, не предвещая ничего хорошего.

Что делать? Итти — не итти? Будить ребят в семь, как условились, или же — в обычный час, в восемь? Пришел повар Мартын Степаныч.

— Кухня готовит во-всю, — сообщил он и прибавил: — я думаю — погода должна разгуляться...

Это он судит по приметам: «птицы летят высоко». Но, приметы — вещь ненадежная. Оделись. Вышли. Тепло и безветренно, но солища и в помине нету. Розанов — на велосипед и — шмыг на станцию: что говорит обсерватория?.. Вернулся и «утешил»:

— Будет дождь!..

Но мы все же решили, единогласно и окончательно: — И д е м!!!

.....
Сигнал. Звонкий, резкий. Ребята удивлены:

— Разве идем?..

— А как же? Раз решили, значит идем...

Радости ребят не было границ. Живо повскакали, засуетились, понеслись по всем направлениям.

Через двадцать минут — второй сигнал: завтрак. После завтрака закипела работа по упаковке пищи. Два пакета и каждый снабжен дневным пайком.

Дали третий и последний сигнал: с б о р.

Но разве быстро соберешь всех? А надо поскорее. Есть выход и тут. И как раз очень простой. Вынести большой барабан. Барабан вытянет оркестрантов, а оркестр — одним уж видом своих инструментов — вытянет и всех остальных...

Собрались, построились, оркестр заиграл марш и мы двинулись.

Только вышли на шоссе, как неожиданно ярким светом блеснуло солнце... Да, солнце, самое настоящее ослепительное солнце на ярко голубом небе!.. Куда ж девались облака?.. А вон они где — за лесом...

— Ура-а-а!!!

И шутки:

— Чья взяла?..

Это по адресу вчерашних противников маевки.

— Даешь солнце!..

— Даешь песню!..

«Репертуар» небогат. Для начала — «попова кобыла». За ней уже другие песни.

Идем по шоссе. Вот Ораниенбаум. И — опять шоссе. Справа высокий, густой лес, слева — железнодорожное полотно. Пересекли его и теперь — железная дорога уже справа, слева же — залив, спокойный, ласковый, голубой.

Мартышкино. Вот тут-то выкупаемся и отдохнем. Но где же пляж? Впрочем, это дело разведчика велосипедиста, едущего впереди. Наконец, свернули. Редкий лесок, а за ним — пляж.

И рассыпались по мягкому, теплomu песку.

.....
Тем временем на велосипеде я произвел глубокую разведку, чтобы найти более красивые места и более интересный путь для нашего дальнейшего движения. Обозначив всякие «повороты» условными знаками, я вернулся к ребятам.

.....
Сбор и продолжение пути. Вот первый условный знак. Мы сворачиваем с шоссе направо и подходим к крутому склону, по которому вверх ведет только узенькая тропинка.

Колонна остановилась.

— Ребята, с прямой дороги в Петергоф мы свернули только для того, чтобы пройти красивый и дикий заповедный парк. Этим путь мы удлиним... Но наш поход сегодня — поход в дворцы и парки, поход в искусство. Станем ли мы жалеть, что пройти придется немного больше?

— Нет!.. Нет!..

И с радостным гулом, растянувшись цепью, ребята стали взбираться наверх.

.....
Красивые, старинные аллеи. Крутые спуски, полные поэтического очарования... Рваная лента ручейка,

„ПЕТЕРГОФ“.

извивающегося вокруг огромных каменных глыб внизу и маленький живописный мостик через него... Вот первый дворец: «собственная дача» Александра II.

— Хотите отдохнуть?

— Нет. Не устали!..

— Шагаем дальше!

Вот, наконец, на большой дороге, возле ручья, мы поровнялись с исторической кузницей Петра, и вступили в аллеи Нового Петергофа. Вдали засеребрился первый фонтан.

Ребята изумлены... Чтобы замедлить шаг и сменить «маршевое» настроение на «прогулочное», оркестр заиграл медленный и плавный вальс.

По этим сказочно-красивым аллеям мы передвигались тихо и медленно, стараясь как бы вдохнуть в себя всю красоту, окружившую нас...

Вот величественный «Львиный каскад» и чарующе-нежная Данаида, с кувшином льющейся оттуда воды. Вот стройный, вдохновенный Адам, в окружении блистающей водяной пелены. А вот и титанический Самсон, со спокойной уверенностью раздирающий львиную пасть, из которой уносится ввысь высокая, и мощная струя воды. И дворец этот, возвышающий мысли человека торжественностью своей красоты, и все-все здесь настолько чудесно, что не веришь глазам... И хочется долго так стоять без движения, без слов, стараясь обнять всю эту пышность и величие своею мыслью и чувством, стараясь уловить всю музыку журчащих струй и стрекочущих фонтанов, музыку, доносящуюся со всех сторон...

Осмотрев дворцы и парки и отдохнув, как следует, мы собрались снова и под музыку направились к вокзалу.

День проходил незаметно, но в конце своем он нес нам новое испытание.

Оркестранты еще с утра заявили:

— Играть будем, но в перерывах помогите носить инструменты.

— Что, ребята, поможем? — спросил я еще в колонии.

Они обещали. Но, когда дошло до дела, охотников оказалось мало. Попробовал было я «заразить» их примером. Сговорился с группой ребят и дружно все мы взялись за носку инструментов. Но эта группа наконец, устала, а «зараза» не подействовала. И вот теперь, по пути уже к вокзалу, нужно было взять хотя бы барабан...

— Товарищи, нужен о д и н, всего лишь один мужчина... Кто согласен?..»

Н-и-к-т-о!.. Ни один!..

— Стыдно!.. — бросил я.

Подействовало. Получаю заявление: «печатники организовали группу для помощи оркестру». И тут же — двумя рядами, во главе с своим секретарем вышли и направились к оркестру.

Этот урок товарищеских отношений, данный более сознательными печатниками не прошел даром. В следующий раз, молчаливо улыбаясь вышли уже и табачники, и пищевики...

.....
Вокзал. Поезд. Три вагона шумной жизнерадостной молодежи. Хочется петь, но... не разрешают. Да ладно: ехать-то всего минут восемь...

.....
... Пришли мы домой бодрые, возбужденные и довольные. На пищу набросились, как голодные волки: ведь завтрак-то свой мы уничтожили еще на пляже... Покушали, отдохнули немного, умылись и — по комнатам.

В одиннадцать часов все уже спали крепким здоровым сном.

... Только в красной комнате, утомленные за день Розанов, Стоумов и я долго еще ворочались на своих постелях, в ожидании сна.

Нелегко, совсем нелегко дался нам этот день... Зато, провели мы его, как большой праздник, который надолго у всех нас останется в памяти.

День двадцать первый

„РЕВИЗОРЫ“.

ВАСИЛИЙ ЛЕНИХИН. — МУРОЧКА ПОПАЛАСЬ. — ФОРМАЛЬНО ПРАВИЛЬНО, А ПО СУЩЕСТВУ...

Проснулся сегодня поздно, уже после завтрака. За окном — серое небо и мелкий дождь. Вспомнил споры и тысячи сомнений вокруг вчерашней маевки и невольно улыбнулся...

★

А у нас, оказывается, гости, да еще какие! Один — председатель месткома фабзавуча, другой — секретарь месткома! Приехали познакомиться с постановкой работы и дать руководящие указания. Это формально, а по существу...

.....
Председатель месткома никто иной, как Василий Ленихин, старый наш знакомый. В наших записях мы вспоминали его уже не раз.

Так кто же он, наконец? Что он собою представляет? Старый комсомолец, участник гражданской войны, член губкома ВЛКСМ, позже — член Ленинградского Совета и ответственный секретарь крупнейшего комсомольского коллектива, и еще что-то, и еще, — много больших постов занимал он, умный этот и складный парень Василий Ленихин.

Но все это было... было, пока не запил. А запил, постепенно стал катиться вниз! С губернского масштаба до районного. С секретаря крупнейшего коллектива — до секретаря коллектива среднего, коллектива школы ФЗУ...

Вот тут-то впервые я с ним и познакомился. И в первые же месяцы убедился, что падение его не только не приостановилось, но наоборот — только ускори-лось.

Из среды руководимых им же комсомольцев, он подобрал себе «теплую» компанию, с которой и стал пить при всяком удобном и неудобном случае. В получку — «сам бог велел», на домашних вечеринках — «как же иначе?» Но, всего этого мало. И он — секретарь коллектива — бывал пьян почти на всех школьных вечерах самодеятельности. Кроме этих выпивок, ставших «обычными», были и другие — эпизодические, зато и более безобразные. Так, однажды, он и еще несколько членов бюро отпра-вились коллективно в театр. Культурное дело?... Но, с собой в ложу захватили они «бутылку»... Где уж тут до спектакля?... Ушли с третьего акта, а «на закуску» устроили скандал и драку у подъезда. Случай-но здесь обошлось без милиции. Зато в другой раз, после скандала в Баре, на них был уже составлен протокол, о чем из милиции в школу пришло соответ-ствующее извещение. . .

Это по части пьянства. Но, это еще не все. Кроме пьян-ства, как неизбежное следствие его, Василий был «не-равнодушен» и к «женскому полу».

Случайно сорванный поцелуй, объятие в темном коридоре — представляли для него значительный интерес. С кем? Это уж не важно. Кто подвернется... Есть у него жена. Но об этом только говорили, точ-ных же сведений не было ни у кого. А когда об этом спрашивали у него самого, он неопределенно улы-бался, оставляя вопрос «открытым»... Так никто твердо и не знал, есть у него жена или нет. Вопрос

запутывался еще и тем, что отдельных девушек, он убеждал в том, что жены у него нет и он свободен. Удивительно ли после всего этого, что он менял свои привязанности так же часто, как места для выпивки? Однажды он совершил такой поступок. Во время одного вечера в школе он обратился ко мне с «маленькой» просьбой:

— Дайте мне ключи от медпункта...

Был он пьян и возбужден и поэтому я спросил:

— А что случилось? Для чего тебе ключи?..

Он многозначительно подмигнул и, «спотыкаясь» языком, объяснил мне, что среди присутствующих есть одна «девочка», с которой он хотел бы побыть наедине.

— Вы понимаете, не больше чем на полчаса!.. — разъяснял он мне.

— Да я понимаю, — ответил я, — и потому, что я понимаю, — ключа я тебе не дам...

Вот каким был Ленихин...

Можно ли было ждать от него какой бы то ни было работы? Конечно, нет. Водка расслабила его нервную систему. Он стал ленив до невозможного, до одури. Сидит по целым дням, опустив на колени коротенькие свои ручки и с выражением спокойной грусти в глазах — бессмысленно смотрит перед собой... Волна самокритики «смыла» его с руководящей работы среди молодежи. Его лишили звания члена райкома и сняли с работы в коллективе.

.....
Последняя общественная позиция, еще занимаемая Ленихиным, это пост предместкома. И с этой позиции он ведет скрытую войну с теми, которые не только не дают ему вернуться к прежнему величию, но считают, что он должен уйти и с этого поста. Эти люди, к которым относятся и некоторые работники колонии, считают, что Ленихина нужно снять со всякой руководящей работы и отправить на производство, где честным и упорным трудом при большом желании —

он сумел бы вновь обрести общественное доверие. И именно по этим соображениям его отвели от работы в колонии.

.....
Трудно ли теперь догадаться, каковы действительные намерения у Ленихина, в связи с этой ревизией?.. Вы недоумеваете? Вас смущает, что Ленихин — ревизор?.. Простите! Формально — все правильно. Он председатель месткома и проверить нашу работу, не только его право, но и его обязанность. Само собой разумеется, что, если ему только удастся вскрыть те или иные недостатки в колонии, то он о них сообщит немедленно куда следует... Но и это опять таки святая его обязанность...

Может быть вы боитесь пристрастия? Но будьте вполне спокойны. Обследование его будет чисто объективным и все его «заключение» будет основано на «голых фактах». И именно в интересах объективности он приехал не один, а еще с одним ревизором, секретарем месткома, Колей Мурочкиным...

.....
А Мурочкин парень что надо...

Он не только секретарь месткома, но еще и секретарь школы, а на летнее время — даже заместитель секретаря коллектива партии.

У него же гоже не все гладко. Человек он немного ограниченный. Но это еще ничего. Гораздо хуже, что он типичный чинуша, сухой бездушный формалист, о котором говорят — и не без основания — что «вместо крови у него чернила». Но и не это главное в его жизни.

Главное в жизни Мурочкина это его жена, женщина красивая и столь же пустая, о которой он рассказывает всем много и охотно и фотографии которой — во многих позах, но с неизменно обнаженными плечами — показывает с гордостью и явным намерением вызвать зависть у окружающих.

Второе, что его очень интересует, это новые формы

учета в школе ФЗУ... Это носит у него характер навязчивой идеи, для признания которой он носится по разным учреждениям и постоянно говорит об этом с каждым, кто только попадает под руку... Немного только терпения с вашей стороны и он тут же выложит вам все свои схемы, предложения и пойдет доказывать, что и дисциплина, и воспитание, и производительность труда, и чуть ли не уменьшение числа больных, все это и многое еще другое может быть достигнуто только при том условии, если будет принят проект его «учетной карточки»... Вот она, пожалуйста, посмотрите!.. Может быть, у вас не хватит времени или терпения заняться этой работой сейчас же?.. Это ничего. Он «согласен» дать вам все его чертежи с собой, чтобы у себя дома на досуге вы занялись более глубоким их изучением... Людей Мурочкин делит на две категории: «умных», которые его проекты одобряют, и «глупых», которые с ними совсем согласны. Тех же, которые считают его проекты ненужными, он относит просто к дезорганизаторам и вредителям социалистического строительства...

Партийные свои дела Коля Мурочкин справляет столь же аккуратно, сколь и бездушно. Подлинную же его «идейность» я имел случай наблюдать, когда однажды его жена (кстати, тоже партийка) «выражалась» на счет «жидов», а он, учитывая, что это было при посторонних, самодовольно захихикал и добродушно-шутливо заметил:

— Что, Мусенька, хе-хе-хе, попа-а-лась?.. Что, Муруньчик, хе-хе-хе вырвалось?..

Мусенька смущенно улыбнулась, от чего он пришел в восторг, так как улыбка ее была очаровательна.

Таков Коля Мурочкин — второй ревизор...

.....
Немного, конечно, это странно. Здесь в колонии люди р а б о т а ю т. Может быть (и наверное даже) есть много недочетов, промахов и т. д. Но во всяком случае вкла-

дывают в свою работу весь свой пыл. А тут умный пьяница и чинуша-дурак образовали союз и, пользуясь только официальными своими званиями, приезжают к нам не для помощи или совета (чему могут они научить?) а исключительно для того, чтобы хоть кого-нибудь, хоть где-нибудь «закопать» или по меньшей мере «подковырнуть».

И не есть ли — в таком случае — их ревизия худший вид злостного бюрократизма? «Формально правильно, а по существу издевательство».

«Победит тот, за кем пойдет молодежь». И действительно, борьба за молодежь идет везде, и всюду. И буржуа, и сектант, и обыватель, всяк на свой лад, манит молодежь к себе. Нередко с успехом...

Бороться с этим можно только повышением политического и культурного уровня молодежи, непрерывным воспитательным воздействием, а также — помощью молодежи в организации всей ее жизни.

А как борются за молодежь Ленихины, Мурочкины?.. Культурно-политический регресс, — вот что сеют, что множат среди молодежи такие горе-руководители. И мы должны еще и еще раз сказать: такие руководители не годятся, сюда надо других, честнейших и наиболее стойких.

.....
Вот, над чем я долго думал, когда увидел «конкретных» носителей зла в качестве «высоких» ревизоров... Однако, мысли мои и переживания дела не меняли. И председатель месткома Василий Ленихин, а с ним и его секретарь Николай Мурочкин приступили к «обследованию».

„ДЕДУШКА“ ЗАБОЛЕЛ

РАЗНЫЕ БЫВАЮТ ЗАВЫ. — НА ОЧЕРЕДИ КРОНШТАДТ

У нас неприятность. Заболел Стоумов. О его туберкулезе все мы знали и раньше, но в сутолоке напряженной работы, мы не заметили, как с каждым днем наш «дедушка» все больше и больше худел и ослабевал. Сам же он о своей болезни не заикнулся, пока не слег.

Обследовав его, я обнаружил активный воспалительный процесс в левом легком.

Собрались. Решаем, что делать. Хоть Федя и завколонией, все же мы решили — немедленно устранить его от всякой работы и отправить в город для соответствующего лечения.

Но он не согласен... Как это он оставит колонию? Первый заведующий так и не показался к нам, через неделю после назначения — уедет и второй. Что же тут получится?

— Покорно благодарю, но отсюда я не уеду никуда...

— Но, Федя, ты ведь болен...

— Пройдет... Отдохну немного и пройдет...

Ну, что тут подделаешь? Посоветались и остановились на следующем. В колонии Федя останется только при том условии, если он согласится полностью соблюдать санаторный, а на первых порах и больничный режим.

— Согласен — оставим, нет — уедешь!..

В надежде, что это не надолго, Федя согласился.

Тут же перестелили кровать и «дедушка» лег в нее на положении и правах больного.

★

Володя Розанов уехал сегодня в Кронштадт.

Проведя экскурсию в Петергоф, мы наметили провести еще одну такую же прогулку в Кронштадт. Там военные корабли, крепость, — словом, там есть что посмотреть.

Выйдет ли? Туда ведь попасть не так просто.

★

День двадцать третий

„Я“ — ПОСЛЕДНЯЯ БУКВА...

«КОРСАР ПЬЕТРО». — ПОРА БУРИ И НАТИСКА. — НЕ ВЫДЕЛЯЙСЯ

После обеда мы проводили на вокзал Петю Иванова и Мишу Беляева. Они из фабзавуча решили уже целиком на производство и завтра им необходимо было явиться на работу.

Это первые, покидающие колонию. Уезжать им не очень-то хочется. Но, ничего, они все же отдохнули, отдохнули хорошо и уезжают довольными и бодрыми.

Еще в прошлом году оба они были в фабзавуче. И не мало было с ними возни. Особенно с Ивановым, этим «вождем корсаров», как его называли, который тогда много пил и немало бузил.

Вспоминаю... Вот идут они — «корсары» — в трусах и каких-то странных кофтах, с красными платками на головах. «Гардероб» достали, конечно, у наших девушек, свидетельством чему служит та добродушная брань, которая со всех сторон обрушивается на головы «корсаров» с веранд и окон дачи. На это... нуль внимания! «Маэстро» Девин поет, корсары подпевают. Шутки и остроты сыпятся со всех сторон,

как из рога изобилия. Смех и шельмование девушек «своих» и чужих... А впереди всех — «корсар Пьетро» а проще Петька Иванов...

Но это было в прошлое лето, когда им было по 17—18 лет, когда они переживали пору самую беспокойную в жизни человека, пору «бури и натиска». В эти годы энергия все растет, бродит в теле, волнует, а овладеть ею не всякий умеет и не так уж это легко. Но вот годам к 19—20 в состоянии организма наступает уже некоторое равновесие. После бурных лет полового созревания наступает, некоторое затишье, и это сказывается глубоким переломом и в поведении молодежи. «Вожди корсаров» превращаются тогда в спокойных, с оттенком взрослости, простых рабочих ребят, таких именно, какими в это лето были и Петя Иванов и большинство других из «бузливой когорты». По сему торжественному случаю мы решили проводить их с музыкой.

На платформе — перед поездом — веселый смех и неудержимый шум. Ораниенбаумцы уверены, что провожают каких-то «важных» людей, и все спрашивают «кто они?» и «где они?». Ну как же тут не смеяться?

Но я не только смеялся, но еще и восхищался, восхищался... скромностью рабочих ребят...

Ведь будь на их месте люди с интеллигентским «душком», они от оказываемой им почести пришли бы в умиление и были бы «растроганы» и пытались бы, наверное, произносить речи.

Ничего подобного, ничего похожего, ничего даже напоминающего что-либо подобное не было у наших ребят. И это только потому, что в своей массе рабочие ребята бесконечно скромны. Скромность — характерная отличительная черта пролетария. И, когда я наблюдаю наших ребят, то по одной уже скромности я узнаю в них пролетариев.

Так и т. Торопов говорил мне:

— У рабочего «я» — последняя буква алфавита...

И это правда. Вот лишнее доказательство. Когда кто-либо из ребят начинает «загибать нос», выделяться, — то скоро его делают мишенью для насмешек и издевательств. И у нас Петю Рудакова преследуют именно потому, что он все норовит выделяться, не идет он в ногу со всеми, а все как-то особо, иначе. А такое поведение пахнет чем угодно, только не скромностью. И ребята говорят:

— Не наш он... не рабочий парень...

Отсюда — насмешки и прочие «оргвыводы».

... Но что это, куда пропали наши «герои»? Ведь осталась одна минута до отхода поезда. Где же они? Где их вагон? Надо ведь все-таки сыграть им что-нибудь на прощание...

Смотрю. Их головы торчат из первого вагона, у самого конца платформы. А из нас никто и не заметил, когда они успели забраться туда.

Быстро — чтоб не опоздать, зову к их вагону ребят, тяну за собой и оркестр.

Вдруг... резкий свисток. Оркестр — уж на ходу — играет марш. И только нескольким ребятам удается еще добежать до первого вагона и попрощаться.

День двадцать четвертый

„МЕРТВАЯ ДУША“

БЕЗ ОБЯЗАННОСТЕЙ. — У ПОРОГА ОРГАНИЗАЦИИ. — НЕУМЕСТНОЕ АДМИНИСТРИРОВАНИЕ

Возвращаясь из города в колонию, я на дороге встретил Розанова. Он был расстроен.

— Что случилось?

Мы пошли рядом, и он стал рассказывать.

— Вышел скандал из-за простокваши. Ты ведь знаешь наших... Не понравилась простокваша, ну и давай шуметь. Я, значит, к ним, начинаю объяснять, почему мы ввели простоквашу. Тогда выступил Долин...

— Долин? — переспросил я, — член Дачного Совета?..

— Да, тот самый... Он, понимаешь ли, тоже возмущен и вступил со мной в спор. Ребята же только этого и ждали. Раз член Дачного Совета бузит, значит им и подавно можно. И пошли шуметь еще больше. А когда я указал ему на это и заметил, что вместо организации ребят он их дезорганизует, он швырнул стакан с простоквашей на пол и вышел из столовой..

— Вот это здорово! — вырвалось у меня, — как же вы думаете теперь поступить с ним?

Розанов сердито блеснул глазами и со спокойной категоричностью ответил:

— Надо сегодня же созвать Дачный Совет и вывести Долина из его состава...

Я ничего не ответил.

— А твое мнение как? — спросил он у меня.

— А я еще подумаю...

— Да тут и думать-то не над чем.

— Думать, Володя, всегда надо.

— Ну, ты можешь думать как хочешь, — раздраженно заметил он, — а выбросить Долина из Совета все же придется.

— Все это не так просто. Ты перестань сердиться, а лучше выслушай. Знаешь, Володя, в чем твоя ошибка? В том, что ты разрешаешь этот вопрос только, как администратор.

— А как же надо?

— Надо подумать о самом Долине и вопрос о нем решать не столько с точки зрения административной, сколько с педагогической. Долин — комсомолец, его надо воспитывать...

— При чем тут воспитание?.. Выгнать и все...

— Не волнуйся, не горячись, давай обмозгуем...
И я стал излагать ему свои соображения.

.....
Долин — натура сложная и незаурядная. Над путями его жизни я задумывался уже не раз. Года три тому назад он пришел в фабзавуч тихим вдумчивым подростком и прилежно засел за учебу. Долин был тогда примерным во всех отношениях — и в занятиях и в поведении, а на производственном конкурсе был даже премирован.

Через год он вступил в комсомол.

К этому времени он был уже хорошо развит, начитан и любил пофилософствовать. Среди прочих ребят он отличался своей вдумчивостью, которая свидетельствовала о сложных его переживаниях. Секретарь коллектива Ленихин даже и не думал о том, как лучше и целесообразнее использовать этого умного и развитого юношу. И когда в коллективе распределяли работу, Долина назначили... сборщиком членских взносов. Как и можно было ожидать, Долин остался недоволен:

— Работа эта меня не увлекает, она мало интересует меня...

Но Ленихин стоял на своем:

— Раз ты комсомолец, делай то, что указывают... В результате такого «подхода» к человеку, Долин, конечно, совершенно охладел к общественной работе. И не только к общественной, но и ко всякой иной. И однажды он признался мне:

— Теперь меня не интересует ничего...

— Но все же?..

— А вот так, — повторил он, — ничего... Только читаю много, запоем. И это единственное, к чему я еще имею охоту...

Еще через некоторое время смотрю — мой Долин отрастил длинные «волосья», стал почему-то носить лакированные сапоги и сделался еще более сосредоточенным, еще более молчаливым. В таком состоянии—

думал я тогда — неопытный человек легко может очутиться в какой-либо религиозной секте...

Своими опасениями я поделился с Лениным. Но он был занят делами «поважнее этих»...

— Но как же быть с Долиным?.. — недоумевал я.

— Ничего, — был ответ, — похандрит и перестанет...

Так эта «мертвая душа» и болталась в коллективе, на самом пороге организации, держа направление к выходу из нее.

В это время, в связи с выездом в колонию, Долина наметили в Дачный Совет. Он стал категорически отказываться:

— Не умею я распоряжаться, да и не хочу.

Но ребята настаивали.

Тогда он поставил условие, чтоб его освободили от дежурства по колонии (фактически — от самой ответственной работы). На этом согласились, и он стал членом Дачного Совета.

Все это, конечно, хорошо, плохо лишь, что он ускользнул от всяких обязанностей. Не участвуя в практической работе и не чувствуя трудностей руководства, он легко выступал против совета, сам не понимая, насколько это идет вразрез со званием руководителя колонии.

Но опять таки это не вина Долина, а ошибка, которую нужно исправить, но за которую наказывать его было бы неумно и слишком поспешно.

Как бы то ни было, — за умного, серьезного, честного Долина надо цепляться насколько только возможно. Надо поддержать его еще и еще раз, чтобы для организации он не был потерян, а остался бы активным ее членом...

— Вот почему, Володя, я думаю, что твой подход администратора тут не при чем, он может принести только вред...

— Как же поступить иначе? Что ты предлагаешь?..

— Убедить его в том, что он должен взять на

себя часть работы, наравне со всеми. Будет работать, почувствует и ответственность, а это поможет в свою очередь его дисциплинировать.

— А какую работу ему дать? — сдавался Володя.

— Пускай сам выберет... Что ему придется по душе...

— Ну ладно, сделаем так.

★

Вечером Дачный Совет. На повестке дня два вопроса: О предстоящей экскурсии в Кронштадт и о поступке Долина.

Докладывают. Были в Кронштадтском райкоме комсомола. Наметили маршруты и договорились обо всем. Ехать можно завтра же.

— Переходим ко второму вопросу — о поступке товарища Долина.

Розанов, волнуясь рассказал, что и как произошло. При полной тишине Долин признался, что поступил неправильно. Тогда я взял слово, чтобы вскрыть всю ненормальность такого положения, когда член Дачного Совета, как руководитель, пользующийся многими правами, не несет одновременно и обязанностей.

Долин согласился и с этим.

— Тогда работай наравне со всеми... — предложили ему.

— Но только не дежурить...

— Выбери сам, что тебе более по душе.

— Работа в стенгазете.

На этом единогласно и порешили.

А как я рад! Остался все же Долин на работе!.. Решением этим довольны и все остальные, в том числе — и сам Долин.

КРОНШТАДТ

СЛОВО «ЭККУРСИЯ» ВСЕ ГОВОРИТ. — ЗАЛИВ. — НА КАРУСЕЛИ. —
НЕТ ЛИ МИЛИЦИОНЕРА? — НА ПАЛУБЕ

Вся колония двигалась по шоссе под музыку и песни, держа направление к городу. Больной «дедушка» остался в постели, и руководили экскурсией Розанов, Костя Иванов и — любимец всей колонии — Тарасов, или, как дружелюбно его еще у нас называли — «батя».

Я тем временем на велосипеде несся к пристани: как бы там не вышло затора с пропусками, билетами, с местом для оркестра и т. д.

Все оказалось в порядке. Плохо обстояло дело только с местами. Палубы уже все заняты. Свободен только капитанский мостик. Но о том, чтобы предоставить его экскурсии, капитан и слышать не хочет.

— Почему? — недоумеваю я.

И он объяснил:

— Одно слово «экскурсия» все говорит. Только набезобразите или — как вчера было с одной экскурсией — начнете нырять с парохода... Нет-нет, размещайтесь врозь, только не вместе...

И лишь после того, как я взял на себя личную ответственность за поведение наших ребят, он, наконец, согласился и отдал распоряжение предоставить капитанский мостик в наше полное распоряжение. Между тем наша колония все приближалась. Тихий, утренний Ораниенбаум оглашался победной маршевой музыкой и многоголосым веселием.

Вот из-за поворота заблестели трубы, вслед за которыми прямо на пристань, веселой и шумною толпою, высыпали полторы сотни бодрых, свежих, разря-

нившихся, с веселым задором, подвижных и шумливых ребят и девушек.

Даже капитан, усиленно пытавшийся сохранить серьезность, и тот не выдержал — улыбнулся.

Разместились на центральном и самом высоком месте парохода. Выше нас — только капитанская будка да еще труба за ней.

Ребята очень довольны.

Наконец, отчаливаем.

— Играть, не играть?

Оркестрантам отвечают:

— Сейчас не стоит. Когда войдем в залив...

Пароход медленно и бесшумно ползет по узкому каналу. Через минут восемь канал внезапно обрывается, и перед глазами встает широкий простор залива, с блистающим на солнце Кронштадтом и далеким, но ясным горизонтом.

Машины заработали быстрее, корпус парохода задрожал. Поднимая шум, завертелись винты и мы пошли по заливу полным ходом, навстречу волнующей шири.

Тихо, очень тихо и задумчиво заиграл оркестр, и звуки его, рождаясь на вышке парохода, тут же по бортам сползали вниз, стлались по водной поверхности и где-то там далеко таяли: то ли ввысь поднимались, то ли тонули, то ли просто исчезали...

Неподвижно, тесными группами, стояли ребята у тонких белых перил. Их лица были повернуты к солнцу, а глаза восхищенно блуждали по сторонам... Это молодость шепталась с далью...

И вдруг — опять канал. И Кронштадт внезапно вырос перед нами и окружил нас со всех сторон.

Собрались, построились и потянулись по узкой аллее, ведущей от пристани в город. У конца ее остановились. Розанов отправился в райком за руководителями. Вернется через час. А что делать пока?.. Подумали и нашли выход:

С провожатым, местным пареньком, направились к крепостному валу. Там вдоль его стен — песчаный берег. Девушки заняли один участок, парни — на почтительном от них расстоянии, и скоро почти все уже были в воде.

Покончив с купанием, закусили и немного отдохнули.

А Розанова все нет и нет. Что же делать дальше? Надо двигаться. Может быть подоспеет.

Двинулись... А я тем временем упорно думаю, чем бы их занять, строю всякие планы, но ничего придумать не могу.

Смотрю — карусель...

— Сто о-й!

Остановились.

— Вот, ребята. Розанов задержался. Без него дальше двигаться нельзя. Давайте ждать его здесь. А чтобы не скучать, займемся каруселью.

Не успел я произнести это слово, как карусель была уже заполнена. И не только места для катания, но и колесо для верчения. В следующее мгновение она уже вертелась под веселый смех и победные возгласы ребят. Следующие «рейсы» шли уже под музыку оркестра. А под конец сами корнетисты сели «на коней», и карусель завертелась под лезгинку. Такт подавал все тот же барабан, под опытными ударами «Бати», который вместе со своим инструментом мчался «в коляске» вслед за корнетистами...

Ну и весело же было! Ребята даже и не заметили, что Розанов уже давно пришел.

.....
Через час ходьбы мы подошли к воротам адмиралтейства.

Осматриваем старинные доки, построенные еще при Петре. Ходим толпой по самым краям их, и страшно смотреть вниз. Под нами огромные котловины, сходящиеся в центре, с одряхлевшими уже кирпичными

стенами и железными воротами, за которыми — вода залива.

Здесь, в этих котловинах, строились мощные военные корабли, и, когда корпус гиганта был уже готов, открывались ворота... Док заливался бешеным водопадом, и бывшая только что сухой котловина превращалась в канал, на поверхности которого мягко покачивалось готовое к спуску судно...

Ребята слушают рассказ руководителя с затаенным вниманием. Время от времени рассказ прерывается тревожным окриком:

— Подальше от края... Верная смерть...

Отсюда вышли мы через другие ворота и направились прямо к набережной. Там долго разглядывали военные корабли. Вот учебное судно «Комсомолец», вот «Марат», а там позади стоит «Парижская Коммуна»... Стальная шеренга их — на страже.

.....
Дальше морской собор.

У входа председатель церковной «двадцатки». Увидев надвигающуюся на него резвую, шумную молодежь, он забеспокоился и засуетился. Стоит у входа, пустить не решается и только посматривает по сторонам...

— Что вас беспокоит? — спросил я.

— Нет ли милиционера поблизости...

— А для чего он вам понадобился?

— Боюсь, как бы чего не вышло...

Я вспомнил капитана парохода и улыбнулся.

— Вы вот улыбаетесь, но отвечать буду я, а не вы...

— Нет — и я. Я руководитель этой экскурсии, врач колонии...

— А, вы врач? — обрадовался он, найдя, наконец, какую-то «опору».

Тут он немного успокоился и, как часто бывает в таких случаях, от обороны перешел в наступление.

Он обратился к ребятам:

— Шапки снять. Между собой говорить нельзя. А у кого деньги есть, кидайте в кружки...

— Таких дураков у нас нет, — под ободрительный общий смех выкрикнул «Батя».

В глазах у старосты снова забегали огоньки беспокойства. Он опять глянул вдоль улиц и тихо, как бы про себя, вымолвил:

— А может быть милиционер все-таки найдется... Но ждать больше уже нельзя было, и волей-неволей он стал открывать тяжелую дверь собора.

Скоро, однако, спокойствие «духа его» было восстановлено полностью. Ребята окружили своего руководителя и занялись рассматриванием художественного убранства собора, впервые знакомясь с древним византийским стилем в архитектуре и живописи.

И только один вопрос чуть было вновь не нарушил душевного равновесия церковного старосты. Увидев в одной из ниш картину, изображавшую совершенно голую женщину, кто-то спросил:

— Это что?..

— Изгнание Евы и Адама из рая.

— Я не о том. Как допускают, чтобы и священники и прочие верующие разглядывали голую женщину, да еще в соборе...

Сдавленный смешок в сторону старосты, легкое замешательство руководителя и — все!

Был и другой момент, тоже весьма скользкий.

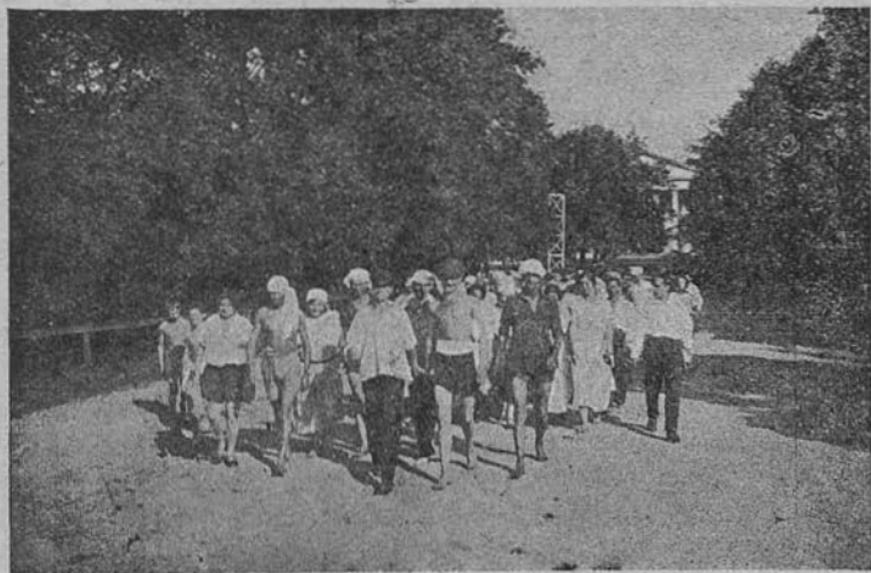
Прямо перед нами виднелись черные плиты, идущие вдоль стен собора. На них имелись имена погибших в морских боях. Но имена только офицеров, адмиралов и т. д., с указанием не только военного их чина, но и сословного, к тому же — с точным описанием, как и при каких обстоятельствах кто из них погиб.

— А где же имена погибших моряков?..

— А вот, — объяснил староста и стал читать выдержки: «При этом погибло 56 человек команды», «100», «240»... Имен тут нет, конечно. Только общее число погибших...

Ребята, естественно, стали «прохаживаться» насчет царского режима. Но это старосты уже не касалось. «Это — дела политические, — объяснил он, — и верующих они не касаются»...

— Ну, хорошо! А как же с голой женщиной в соборе?.. Это уж того... несовсем связно...
Когда мы уходили, староста жал мне руку.

НА ЭКСКУРСИЮ.

— Не ожидал, что так организованно. Умная молодежь... А я, признаться, боялся...

.....
Следующий этап и последний. «Машинная школа». Тут все совсем другое, свое, родное. Мастерские, станки, модели... краснофлотцы принимают хорошо, тепло, радушно. Целый час веселыми группами шмыгали по всем направлениям.

Наконец осмотрели все, собрались и вышли на улицу.

— Теперь куда? — спрашивает руководитель осмотра «Машинной школы», молодой краснофлотец.

— «На пристань. — А ну, проводите нас туда, «по-военному»...

Ребятам это понравилось. Зашумели. Засмеялись. — Смирно-о-о! равняйся!.. Без разговоров!..

И хотя смех едва сдерживают, но приказания выполняют в точности.

В несколько минут все готово.

— Шаго-о-о-м марш!

И под бодрые звуки марша, с целой ватагой детишек впереди и по бокам, довольные и бодрые зашагали мы по малолюдным улицам Кронштадта, держа направление к пристани.

... И вот мы снова въезжаем в залив.

Теперь капитанский мостик был уже «нашим». Капитан направил нас туда не только без разговоров, но с большой любезностью.

Солнце — большое и усталое — опускалось к горизонту, и небо пылало огнем. В этот час хорошо думать о прошлом и так легко строить планы на будущее. Ребята между собою говорят мало, больше молчат. Но песни зато наладить бывает легко. Только запоем один, и уж за ним другой, третий, смотришь — и поют все...

Потому ли это, что песня созвучна нашим переживаниям, потому ли просто, что в час заката мы песней невольно приобщаемся к волнующей его красоте, или потому еще, что восход и закат солнца знаменуют величие окружающей нас природы... я не знаю почему, но петь в эти часы бывает хорошо, петь хочется, и песня рвется наружу и долго звучит то порывом, то плавно, как те белые чайки, что кружат в пространстве вокруг и поодаль от нас.

... И мы пели. Пели все. Расселись на мостках, на ступеньках, тесно прижавшись друг к другу, и пели без дирижера, без лишних споров, пели потому, что было настроение.

А когда пароход был в середине залива, организовали и пляску. Кто мог и кто не мог: толкнут в спину и — пожалуйте на серединку — пляши, как хочешь... Так песня сменялась пляской, так думы сменялись весельем... И так, совершенно незаметно, мы подплыли к ориенибаумскому берегу.

И вот уже город, как на ладони, весь в зелени, в разных местах его белеют пышные дворцовые постройки.

... А и молодцы же оркестранты! Конец марша «тютелька в тютельку» совпал со стуком причалившего парохода.

.....
Большой день!

День двадцать шестой

„ПРИНЦИПИАЛЬНО ПРОТИВ“

ПРИЕХАЛ «НАПОЛЕОН». — ДЕМОСФЕН ИЗ ФАБЗАВУЧА. — «ВСЕ... САМ». — «ПОЛПРЕД ТРУДЯЩИХСЯ». — «НЕТ, НЕ ВОЗРАЖАЮ»

Вчера к нам в колонию приехал Саша Подкопаев. Это бывший ученик фабзавуча — табачник, теперь уже работает на производстве. Имея две недели отпуска, он желал бы провести их в колонии. И вот он приехал получить на это согласие Дачного Совета.

Сначала он обратился к Стоумову:

— Ты не возражаешь?

— Посовещаемся, подумаем.

Тогда он повернулся ко мне:

— А ваше мнение как?.. Вы ничего не будете иметь против?..

В ожидании моего ответа Саша заметно волнуется. Он, видимо, опасается отказа...

Но почему же Саша должен опасаться?..

.....
Саша Подкопаев страдает недугом: он неимоверно тщеславен. Такой диагноз впервые был поставлен им самим. И было это еще три года тому назад, когда мы лето проводили в Павловске.

Помню, лежали ребята на нарах, вели между собой беседу о самых интимных делах, мечтали вслух и, как это всегда бывало, при этом невольно высказывали самые затаенные мысли и желания.

Вдруг я слышу:

— А все-таки лучше быть первым в деревне, чем последним в городе...

Это Саша.

В тот момент мне показалось, что этой фразой он обнажил себя до конца. И я не ошибся. Насколько я его помню, это его идея стала для него неодолимой страстью, которая тяготеет над всей его жизнью.

Тогда он был еще фабзайченком, хотя и старшего класса, но уже и в то время он всегда и во всем старался выделяться.

Бывало идет, например, собрание. Выступают ребята, кто как умеет, безо всякой рисовки, скромно и деловито. Но вот «слово предоставляется Подкопаеву», и с деланным жестом и красивой позой, волнуясь и краснея, он не просто выступает, чтобы сказать свое мнение, как это делают другие, а старается во что бы то ни стало щегольнуть речью... Содержание ее само собой у него стоит на втором плане, о внутренней убежденности не может быть и речи. Вместо всего этого — набор пышных фраз, которые у молодых слушателей вызывают невольную улыбку, а иногда и острые шутки по адресу оратора. Но их Саша не слышит по той простой причине, что он следит только

за собой. И сходит он с трибуны с видом героя, которому не аплодировали или по недоразумению или же потому, что его — видите ли — «не поняли»...

Или вот другой случай. Несколько наших парней, в том числе и Саша, гуляли однажды с девушками, а вечером делились впечатлениями о проведенном времени. Забывая других, Саша говорит больше всех и лезет из кожи вон, чтобы доказать, что он понравился девушкам больше других, что одна в него уже влюбилась и что в этот вечер он был вообще очень остроумен, интересен и т. д.

И так — во всем, на каждом шагу.

А что делалось с ним, когда он, действительно, участвовал в каком-нибудь конкурсе? Тут его переживания бывали настолько остры, что он едва владел собой, а поражение он переносил как тяжелое горе.

Надо ли еще доказывать, что о себе самом он был самого лучшего мнения? Малейшие свои задатки он возводил в талант, малейшие знания — в ученость. Вот побыл немного на курсах техники речи и уже мнит себе Демосфеном, почитал 2-3 политические книжки и стал воображать себя чуть ли не Бухариным. Для подобного самовозвеличения требовалась только небольшая формальная зацепка. Остальное уже дополнялось фантазией и изрядной дозой бесстыдства... Мог ли Саша при таком самомнении допустить, чтобы кто-либо был его смышленнее и выше? Это было довольно трудно.

Но Саша ведь был все-таки в фабзавуче, где были старшие учителя. Как же оправдать такое свое положение? Умнейший Саша нашел и здесь выход.

— Собственно, — сказал он мне однажды, — меня никто не учит. Я учусь сам. И знания новые получаю... сам.

— Ну, а педагоги, их роль какова? — изумился я?

— Педагоги только мои советчики. Я же беру у них то, что нахожу нужным...

— Но берешь-то, все-таки, у них?..

— Да. Но это я делаю с а м . . .

Как он относился к своим товарищам, легко себе представить. К старшим ребятам — заносчиво и свысока, а младших он просто не замечал. Товарищей, естественно, у него не было: его мечты о славе и величии привели его только к тому, что он в конце концов остался совершенно одиноким.

В то время секретарем партколлектива был честный и преданный работник Алексей Бувевич. Одним из многих качеств этого работника было — чуткое отношение к человеку и желание ему помочь, чем только возможно.

Партколлектив был небольшой и вся работа Бувевича сводилась, главным образом, к руководству коллективом молодежи и особенно — к подбору и воспитанию из комсомольских активистов будущих членов партии. Так «выходил» он небольшую группу хороших ребят, честных, сознательных и прилежных работников, которые постепенно входили в общую партийную среду. Павел Радзевич, Сережа Тарасов, Шура Чукман, и другие, а среди них и Саша Подкопаев.

Бувевич, конечно, знал Сашу, но верил в то, что Саша исправим.

— Ничего, — говаривал он, — работа выпрямит его . . .

И вот Саша — член бюро коллектива, сначала комсомольского, потом и партийного и, наконец, — агитпроп . . . Но, тут-то, именно на работе, и выяснилось, что Саша мастер только «языком трепать» (благо он побывал на курсах техники речи), а работать-то его так никогда и не хватало.

И когда это было установлено, его сняли с агитпропской работы, потом вывели из бюро, после чего — о ужас! — он стал рядовым членом комсомола и партии. Саша — рядовой! Саша — как все! Может ли это быть! Нет и нет!.. И Саша добивается выставления своей кандидатуры в новый местком . . .

И хотя местком — организация профессиональная, но избиратели-то остались те же. Саше, как болтуну и самохвалу дают отвод, и кандидатуру его даже не голосуют.

Разбитый и подавленный, он уходит с этого собрания, еще до конца его.

С этого момента в поведении и «деятельности» Саши начинается какой-то новый период...

.....
Первые дни Саша чувствовал себя немного смущенным. Он заметно притих и держал себя в стороне от всех.

Через некоторое время, он, видимо, оправился и в конце концов успокоился совершенно. Он даже стал общительнее чем прежде, ровнее, спокойнее, проще, ну таким, как многие другие. И некоторым из нас уже начинало казаться, что парень совсем изменился.

Ближайшие же события показали, что все это нам только казалось...

.....
Сашу устранили из рядов актива, но так ли уж это важно?.. «Не лучше ль быть первым в деревне, чем последним в городе?» И Саша решил стать первым среди... рядовых.

Но как добиться этого?

Новый план его действий был «гениален» по замыслу и весьма прост по выполнению. Саша уходит «в массы», чутко прислушивается к ее нуждам, недовольству, а на общих собраниях выступает, как... защитник ее интересов.

Вы удивлены, конечно... Кто и когда выбирал Сашу своим полпредом? Но вы не правы. Защищать интересы трудящихся — святая обязанность каждого честного гражданина...

В недоумении вы — может быть — укажете на то, что совсем недавно эта же масса прогнала Сашу с руководства, как никчемного болтуна? Но, — опять-таки — вы должны согласиться, что так случилось только

потому, что эта масса «не поняла» Сашу... И пусть, пусть не поняли!.. Пусть его «отвергли»!. Он не мстителен — нет! — он выше этого... И теперь он будет бороться именно за их интересы, за интересы тех, которые его не признали и осмеяли... И тогда узнают уже все, что Саша — человек самоотверженный и благородный...

Таков был общий план.

И вот Саша, присутствуя на всех собраниях, с большим вниманием и с какой-то настороженностью, прислушивается ко всему тому, о чем говорят. Но сам он пока не выступает, он только слушает...

Бюро коллектива работает, верно, слабовато, в работе культкомиссии тоже не все гладко... Но, если он выступит, скажут еще, что он выставляет себя... Поэтому, выступать он и не думает. Сидит себе спокойно в последних рядах и только близ сидящим указывает на те промахи, ошибки и недочеты в работе, которые — если их не устранить — принесут молодежи не мало вреда...

— Так ты выступи и скажи! — просят его окружающие.

Нет-нет, этого он не хочет...

Но шум и движение вокруг него все усиливаются и скоро большинство ребят уже знает, что Саша имеет сказать что-то важное, но не хочет.

— Саша, выступи!.. — просят его уже со всех сторон.

И — в президиум крики с мест:

— Дайте слово Саше...

Ну, раз так настаивают?... Ладно! Саша поднимается с своего места. Все затихают. Саша начинает говорить.

Мягко и вежливо, не только без злобы, но даже с оттенком печали в голосе, он развертывает перед слушателями целый ряд ошибок, неправильностей и недостатков.

— Вот, например, предлагают нам организовать группу по изучению быта. Вещь хорошая. Но...

толку от нее, какого-нибудь облегчения для нас не будет. Засыпят нас анкетами, душу вывернут, а потом на общих собраниях копать станут в нашем грязном белье... Вместо этого дали бы кредитование, открыли бы столовую...

Гром аплодисментов.

Инициаторы бытовой работы растеряны.

С такой охотой принялись они за это новое живое дело. И вдруг...

Волнуясь, один за другим выступают работники и горячо доказывают, что ведение бытовой работы не только не мешает открытию столовой, но наоборот — может даже его ускорить...

Да, конечно, согласиться с этим можно... Многие и соглашаются и даже выражают желание участвовать в этой работе.

Но... прежнего вдохновения, прежнего творческого настроения у ребят уже нет. Оно снизилось после той струи холода и неверия, которую выдохнул из себя Саша.

Но он, конечно, не виноват в этом: интересы ребят для него в конце концов дороже, чем всякие там бытовые затеи...

И его не только не осуждают, но, наоборот, ему выражают признательность, а кой у кого, вероятно, зародилось уже сомнение: да стоило ли вообще снимать его с руководящей работы?

Так было раз, другой, третий. Уже и столовую открыли, и кредитование провели, но Саша все же не унимается. «Не так надо и совсем не это, надо по иному, совсем по иному»...

И Саша громит, Саша критикует, Саша возражает.

И хотя большинство и чувствовало, что в деятельности Саши есть что-то злокозненное, все же разоблачить его, «поймать» было делом весьма трудным: формально Саша был почти всегда прав, формально он был вполне логичен и даже справедлив...

А если кое-кто, несмотря на отсутствие формальных данных, не стерпев, против Саши и выступал, — то получал от него жестокий отпор плюс обвинение, что «это — личные счеты». Изобразив глазами «мировую скорбь», Саша начинал жаловаться на то, что его преследуют, преследуют за правду и только за то, что он один не скрывает наших недостатков... Ну, как же в таком случае не пожалеть его и как же не отвести от него грозящего ему удара?

И вот так Саша, этот «бузотер по убеждению», который во всех случаях был «принципиально против», своей демагогией и критикой против «вся и всех», — мешал всякой работе, осложнял проведение ее в жизнь, а иногда и просто срывал ее.

Вот каков был Саша.

.....

Неясно ли, после всего сказанного здесь о Саше, что для нашей колонии он был элементом далеко не желательным?

Но когда, несколько заискивая и неуверенно, он спросил меня о моем согласии на его приезд и теперь, безмолвный и притихший, стоял передо мной в ожидании ответа, я подумал:

— Ничего. Комсомольский котел нашей колонии варит неплохо. Переварили мы Ленихина, переварим и Подкопаева...

И ответил:

— Нет. Я возражать не буду...

Явно успокоенный, он быстро выскользнул из комнаты.

НЕУДАЧНАЯ СМЫЧКА

ЯПОНСКИЙ ЗАЛ. — НАШ ПЛАН. — БЕЗ СВЕТА. — ОШИБКИ УЧАТ.

Петровский дворец в Ораниенбауме — старый и обветшалый — особенного из себя ничего не представляет, ни как памятник старины, ни как произведение искусства.

Поэтому, в настоящее время в нем помещается Лесной институт, а боковые пристройки, служившие некогда для дворцовой прислуги, в настоящее время отведены под общежитие, для студентов.

Этот дворец привлек внимание нашей колонии по двум причинам. Во-первых, там живут и учатся комсомольцы — вузовцы, с которыми нам познакомиться было бы весьма интересно, во-вторых там имеется так называемый японский зал в круглом дворцовом флигеле, а зал мы мечтали использовать для нашего прощального вечера.

И вот сегодня Долин, Леонова и я отправились во дворец договариваться с вузовцами. Секретарь и агитпроп вузовского коллектива встретили нас весьма дружелюбно и минут через десять мы были уже в самом японском зале, прикидывая в голове всяческие планы по части его использования.

Наконец, решили. Первую встречу комсомольцев колонии и института провести сегодня же вечером. Вот как здорово получится! — Смычка рабочего и вузовского коллективов. И как это мы не догадались провести ее раньше? Но лучше поздно чем никогда. — Давайте, говорю я — решим, как мы будем проводить время. — Наметим план проведения вечера, порядок встречи и т. д.

Побеседовали и остановились на следующей программе: К семи часам вся наша колония, во главе с оркестром подходит к дворцу. Комсомольцы института встречают нас во дворе, у главного входа. После взаимных приветствий мы проходим в японский зал. Там знакомство друг с другом, потом игры, пение, танцы и самодеятельные выступления самих ребят...

— А часов в 11 мы уйдем, — говорю я.

— А мы, — предложил их агитпроп, проводим вас до самой колонии...

— Ого, — обрадовался я, — тогда у нас получится настоящее шествие. И знаете что? Можно и шествие это обставить очень торжественно. С музыкой, с факелами, с бенгальскими огнями... Это будет чудесно. Вы представляете себе?.. Летний вечер, темные аллеи, разноцветные огни... Это ребятам здорово понравится. Как вы думаете?..

— Ну, чего там думать. Все будут страшно рады.

— А как насчет порядка? — спрашиваю я. — Ведь мы все же чужие здесь и местные ваши условия плохо знаем...

— О, об этом и не беспокойтесь. Порядок будет полный. За это уж отвечаем мы...

— Коли так, — хорошо... Значит придем. К семи. Ждите, как условились...

— Есть!

.....
А наши-то, как были рады... Особенно — девушки. Шутка ли. Танцы в японском зале... Кое чего это стоит! А это шествие, с огнями и песнями...

Поужинали и тотчас же вывалили наружу.

И все пристают:

— Сегодня надо разрешить оставаться попозже?..—

— Надо разрешить хотя бы до часу... Ведь случай-то редкий.. —

— Ладно, успокаиваю я их — это мы решим там, на месте...

До дворца дошли довольно быстро. Перед воротами остановились: надо подтянуться и войти во двор всем в полном порядке. Ведь нас там встречать будут...

Оркестр заиграл «Старый товарищ» и в приподнятом праздничном настроении мы зашагали вперед.

Но... что это? Где же встречающие? Ни единого!.. Немного неловко, а ребята по этому поводу стали уж пускать разные шутки. Но ничего не поделаешь.

Я направляюсь к главному входу, у дверей которого, со связкой ключей, стоял немного смущенный вузовский агитпроп.

— Что такое? — изумился я — можно пройти?..

— Нет еще... Скоро откроем...

— Ну, и организаторы... — невольюно подумал я, начиная уже испытывать некоторое беспокойство за исход всей нашей затеи.

Но когда ребята прошли внутрь и круглый просторный зал быстро ими заполнился, я снова стал спокоен.

— Одно только было не совсем понятно: не было вузовцев... Оказалось, что они одеваются и скоро явятся.

Вот наконец и они. Парами и группами. Большинство в костюмах юнг-штурма, совсем по праздничному. Оркестр заиграл вальс и вечер начался.

Я тем временем занялся организацией хора, игр и подбором людей для сольных выступлений. И тут-то я сразу почувствовал, что вузовская молодежь очень отличается от нашей, рабочей. Наши ребята проще, понятнее, лучше. Те посложнее, пожеманнее. Вот просишь выступить. Наши быстро соглашаются, те — стесняются...

Так с наших и начали. Табачник Антонов исполнил соло на корнете, Кирилов сплясал лезгинку и, наконец, в одной из боковых ниш сбили небольшой хор. И получилось, что наши здесь чувствовали себя, как дома, а вузовцы — как в гостях. Зато, когда заиграл оркестр, студенты почти все пустились танцевать,

резко выделяясь от наших тем, что любой танец они легко превращали в фокстротг.

Но это еще не все. Через некоторое время я узнаю, что зал этот не имеет света.

— Что ж мы будем делать? — обратился я к вузовскому секретарю.

— Это ничего, — спокойно ответил он, свои вечера мы тоже проводим вот так, при естественном полумраке...

— То есть как это?..

— А вот увидите...

— Я лично с этим не могу согласиться, — возразил я, — руководить вечером в темноте и быть спокойным за порядок я отказываюсь. Не более чем через час нам придется уйти...

Но часа ждать не пришлось. Вскоре ко мне поступило новое известие. Через многочисленные окна и всякие другие ходы в зал пробрались разные типы, из которых большинство были пьяны. Пользуясь «полумраком», они приставали к девушкам и «задирали» наших ребят. Мало этого. Вслед за этим пополз слух, что кого-то там «задели», что кто-то уже собрал «своих» и теперь нас где-то уже ждут, чтобы как следует «рассчитаться» с нами.

В воздухе запахло дракой.

Я опять к секретарю:

— Что же вы наделали? Где ваш обещанный порядок? Зал переполнен пьяными. Вы даже контроль не поставили.

— Это все вам кажется... У нас всегда так...

Но больше я его уже не слушал, тем более, что и наши ребята, полные беспокойства, стали проситься домой.

Уже в темноте я поднялся на табурет и объявил, что вечер этот мы переносим на другой раз, когда в зале будет свет, а сейчас комсомольцы из колонии должны немедленно отправиться домой.

Поднялся невообразимый шум. Но я, Розанов, Лео-

нова и другие носились по всем углам, объясняя положение и торопя своих — скорее к выходу.

За дверьми в это время образовалась полная неразбериха. Наши и не наши все было перемешано и навести какой-либо порядок здесь было совершенно немыслимо. Я предложил оркестру играть, да только поскорее, и двинуться прочь отсюда.

— Кто из колонии — за оркестром!..

Чуть не бегом прошли двор, большую аллею и спустились на шоссе.

И только там, когда все чужие уже отсеялись, мы немного успокоились и облегченно вздохнули.

Дальше пошли уже медленнее. И давай острить.

— А как насчет бенгальских огней?..

Кто-то в ответ, басом:

— Остались бы там... были б и огни...

Смех.

А зал-то каков, я-пон-ский?..

— Скажи спасибо, что во-время оттуда убрались...

Хохот.

Девчата, те посерьезней. Не без некоторой гордости за свою колонию, кто-то из них отмечает:

— У нас бы этого не случилось...

И тут же «оргвывод»:

— Не надо нам японских зал. И не пойдём мы туда больше. И вечер прощальный проведем у себя.

Так и дошли до колонии, где начавшаяся в пути дискуссия развернулась еще шире.

.....

На нас ребята не сетовали. Знали, что вина не наша. Поругивали только за то, что зря доверились другим. И в этом они были правы.

Почему же мы доверились?

Нам казалось, что вечер этот было так легко провести, что с этой задачей легко мог бы справиться каждый, а тем более вузовцы, ответственные работники коллектива. Действительность же опровергла это поло-

жение и доказала, что — там, где участвует много людей, там даже самое маленькое мероприятие требует вдумчивого, серьезного руководства и тщательной подготовки.

Но если это так, то в таких случаях полагаться можно только на проверенных, испытанных работников. И в этом отношении вина падала не только на вузовцев, но и на нас.

Урок полезный; хотя он мог кончиться весьма печально.

.....
Разговоры и споры в этот вечер продолжались до самого сигнала. И пока ребята не заснули, из разных комнат все еще слышались шутки и смех по поводу злополучного вечера и «улыбнувшегося» факельного шествия...

День двадцать восьмой

КОЛОНИЯ ДЫБОМ

ЖИЛОВ И ЕГО ГВАРДИЯ. — НОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ. — «СИНЬОР» КАСПАРОВ. — ГОЛОДНЫЙ БУНТ. — СОСИСКИ В РОЛИ УСМИРИТЕЛЕЙ.

Еще два дня и нашей колонии исполнится ровно тридцать дней. Еще два дня и от нас уедет пятьдесят товарищей-пищевиков...

Ребята отдохнули, поразвлеклись, и нам предстояло только подвести итоги их отдыха и подготовить им прощальный вечер.

Два дня... И вдруг в последнюю минуту — буза...

Да что буза, целое «восстание»...

И кто зачинщик?!

Жилов... Конечно же Жилов! Выбрать для бузы самые напряженные дни, когда все это может нанести наиболее чувствительный урон, — на это способен только Жилов и никто другой.

Кто же он, этот «герой»?

Лет ему не более 19. Выглядит же еще моложе. Несмотря на все это, его манера держаться, рассуждения даже самая речь и походка, носят характер серьезности и подчеркнутой деловитости.

Жилов умный, он гораздо умнее, чем — например — Саша Подкопаев, с которым он вообще имеет немало общего. Впрочем общее у них только то, что оба они приносят вред работе. По характеру же своему, разница между ними большая.

Подкопаев любит говорить, он любит слова, дело его пугает, от дела он бежит. Жилов говорить вообще не любит. Словам он предпочитает действия. Подкопаев проводит свои планы о д и н, без чьей-либо помощи. Жилов же всегда кем-то руководит, у него всегда есть своя г р у п п а, на которую он опирается и через которую он осуществляет свои «замыслы». Подкопаева толкает на вредительство болезненное тщеславие. Совсем не то у Жилова. У него вредительство является с а м о ц е л ь ю. Навредить, испортить, помешать доставляет ему огромное удовлетворение. Если ко всему этому еще прибавить, что Жилов хороший организатор, то станет вполне ясным, насколько он вреден и опасен.

Первое мое знакомство с ним состоялось прошлым летом в Тарховской колонии:

Мы только что «выгрузились» из вагонов и под проливным дождем едва доползли до дач. Только мы пришли как узнаем, что обедать нам негде: в помещении места нет, снаружи же идет дождь. Думали, думали и решили приспособить для обеда большой амбар. Но предварительно его надо было как следует почистить. За помощью обратились к ребятам. Те — с охотой: надо, так надо. Один только человек отказался

наотрез и отказался не просто, не как-нибудь, а с мотивировкой.

— Я отдыхать сюда приехал, а не работать.

— Как его фамилия? — любопытствовал я.

— Жиллов...

Но вот амбар очищен, поставлены столы и можно уже итти обедать.

Кто же это так быстро помчался туда, чтоб занять лучшее место. Подхожу поближе — Жиллов.

Недельки через две новый факт:

Решили мы провести экскурсию по берегу Финского залива. К экскурсии готовились долго и много, потому что совсем нелегко и совсем непросто отправить 150 человек за 8 — 9 верст, обеспечив их питанием на целый день. Но поработали, напряглись и подготовили все честь-честью. В последнюю минуту вдруг узнаем, что некоторые итти отказываются.

— Кто же это?

— Жиллов и другие...

— Ах, Жиллов...

Немного я уже знал его.

— Почему ты не идешь?

— Мне не хочется. Настроения нет...

— Ты всегда выделяешься.

— Не один я, другие тоже остаются...

— А разве еще кто-нибудь не идет?

— Да. Вся наша комната...

— Как же это, почему вы не идете с нами?

Причины, конечно, нашлись: у одного нога «страшно болит», у другого ботинок нет, а в общем — не хотят, не могут и не идут. И хотя для меня было совершенно ясно, что это дело рук Жилова, но ни доказать этого, ни вообще что-либо предпринять против этого я не смог. Так и пришлось уходить без этой группы.

Вот идем мы с оркестром. Весело так, хорошо. Вдруг, откуда ни возьмись, Жиллов, а за ним — все оставшиеся дома. Минутное смущение и упрямое следование за своим «вождем».

Таков был Жиллов еще в прошлое лето. Нынче свою тактику Жиллов несколько изменил. Во-первых, он взят в колонию условно (до первого проступка), во-вторых — он стал старше и понял, что действовать надо не открыто, как делал он раньше, а по возможности скрыто. И вот он собирает свой актив, вдохновляет его, инструктирует и руководит. Но так, что сам он «остаётся в тени», открыто же выступают другие, ближайшие его соратники.

А соратников в это лето у него много. Туповатый Огарков, вечно угрюмый Привалов, изворотливый Самсонов. Это — личная его гвардия. Остальные же настолько запуганы этой «четверкой», что вынуждены прикрывать их действия и во всем поддерживать их «начинания». И получилось, что целая комната из двенадцати человек, почти с первых же дней нашего пребывания в колонии, превратилась в очаг хулиганства.

Начало было «скромное». Мат и просто сквернословие. Потом перешли к похабщине в «специальном» смысле этого слова, в частности — провели то самое «распределение невест», о котором мы уже говорили.

От слов дальше перешли к делу. Во время игр или танцев, кто-нибудь из их компании обливал из шприца водой мимо проходящих. Кто именно? А поймите-ка... Ах, не можете?... Значит, можно продолжать в том же духе... И они продолжали.

Мы вызывали их, увещевали, предупреждали, а они и не думали униматься. Тогда мы решили «расформировать» их комнату и расселить их самих. Но, узнав об этом, они пришли просить чтобы их простили, обещали исправиться, только... только «не расселяйте».

— Слово даем!..

— Ладно. Поверим в последний раз...

И было это только вчера, после злополучного вечера в японском зале. И вчера же, через час после этого разговора, они свое слово грубо нарушили.

До конца отдыха осталось всего-на-всего два дня... Тут уже стеснять себя не приходится... Выгонят, пускай, все равно уезжать. Зато, и нас попомнят... И Жилов нашептывал:

— Послезавтра будет вечер. Вот тут-то мы и тарахнем... И так, что все пойдет вверх дном...

Огарков при этом смачно ругался, а Привалов «перебирал» членов Дачного Совета под смех и свист всей комнаты.

Молча сидели мы — Стоумов, Розанов, Беляев и я — каждый на своей кровати, и внимательно выслушивали все, что говорилось и творилось в соседней комнате.

Час был поздний. Все уже спали. И мы решили — прождать до утра, а там принять нужные меры.

Решили и приготовились заснуть.

Вдруг послышался невероятный шум и возня.

Вскочили. Первое, что подумали: жиловцы «начали»...

Но, нет: шум идет со второго этажа. Послали туда Беляева. Вернулся с докладом коротким и ясным. «Каспаров и его комната... Сбросили нары, бегают по коридору, стучат к девочкам, спать никому не дают. А когда я вошел, Каспаров послал меня к...

Порядок был восстановлен уже Розановым, после чего — наконец — мы получили возможность заснуть.

.....

С утра, еще до завтрака, Совет. Заседали недолго. Вызвали Жилова.

— Ты готовишь срыв вечера?

Молчит.

— Мы все слышали...

Сидит, — ни слова.

— Что ты скажешь?

— А что мне с вами говорить?..

Поднялся и ушел.

Вызвали Каспарова.

Этот парень в общем неплохой. Молодой, достаточно развитой и способный малый. Но недавно он стал заниматься в ТРАМ'е и в связи, вероятно, с этим стал «воображать». Временами же ему просто чудится, что он на сцене и исполняет какую-то роль... А отсюда естественны и некоторые «неожиданности» в его поведении...

Вот даже теперь, когда ему предстоит держать ответ перед Дачным Советом за ночную бузу, даже теперь он не прекращает «игры»...

Его вызывают на Совет. А он — горделиво отвечает: «Передайте, что я еще не позавтракал»...

Вызывают вторично. Почувствовав неладное, он решил все же явиться. Но с каким фасоном! Он вошел медлительно и важно и с пренебрежительной усмешечкой спросил:

— Что, синьоры, вам угодно?..

Тут «синьор» Володя потребовал от него объяснений по поводу ночного хулиганства.

Выслушав его, Каспаров презрительно улыбнулся и невозмутимо спокойно ответил:

— А если этот синьор явится к нам вторично, я спущу его с лестницы...

— И это все, что ты можешь сказать? — спросил Володя.

— А что ж еще?

— Ну, ладно. Иди.

Вопрос был ясен. До сих пор Дачный Совет действовал мягко. Некоторые ребята расценили это, как слабость Совета, как неспособность действовать иначе.

И развинулись.

Надо, значит, продемонстрировать им нашу силу... Авось, подействует.

И решение было принято единодушно.

Через час, толпясь у камина, ребята читали:

Распоряжение.

1) За организацию срыва работы Дачного Совета, возмутительную грубость против руководящих товарищей, — *Жилов Андрей* (взятый в колонию условно) *исключается из колонии с сего числа, с 2-х часов дня.*

2) За нарушение порядка и тишины в ночь с 12-го на 13-ое Июля, недопустимую грубость по отношению к сотруднику колонии, комсомолец *Каспаров Борис* *увольняется из колонии, с сего числа, с 2-х часов дня.*

.....
По разным делам я уехал в Ленинград. Уехал довольный, что хулиганство в колонии пресечено в самом зародыше и что теперь уже можно будет заняться подготовкой к прощальному вечеру.

Вечером возвращаюсь: не тут-то было.

В колонии —

Б У Н Т,

Г О Л О Д О В К А...

Жилов давал бой по всем правилам стратегии и военного искусства.

По рукам пустили лист, на котором собирались подписи. Это был протест против исключения из колонии Жилова и Каспарова помимо общего собрания.

Сначала пошли к своим — пищикам. Те, за исключением только ребят из жиловской комнаты, почти все отказались. До единого отказались также и печатники. Совершенно неожиданно «клюнуло» с другой стороны. Раздосадованные судьбой Каспарова, часть табачников примкнула к этому протесту и не только

дали свои подписи, но даже взяли на себя общее руководство разворачивающейся борьбой.

Жилову же только этого и надо было. Чем бороться самому за себя, не лучше ли чтобы этим занялись другие... Жилов отошел в сторонку, а место вождя заняла комната табачников № 13. Те самые девять молодых ребят, которые по возрасту своему уже чувствуют переполняющий их избыток энергии, но которые еще не знают куда ее девать.

И они выбрасывают лозунг:

«Вернуть Каспарова и Жилова... Иначе — объявляем голодовку»...

И сорок пять человек не вышло к обеду, не вышло и к ужину.

И хотя за столами от этого было даже веселее, чем обычно, и ребята много острили насчет остающихся порций, мы — руководители колонии все же обеспокоились.

Нам была страшна, конечно не эта буза. Характер действия голодающих больше всего напоминал комедию. Но, несмотря на это, если этой бузе дать разрастись, то получится пренеприятнейшая история. Допустить до этого было нельзя ни в коем случае. Как же действовать?..

.....
Я отправился прямо в «штаб бунтовщиков», в комнату № 13. Открываю дверь и останавливаюсь в полнейшем изумлении. «Голодающие» дружно и довольно основательно улепетывают ситный, которым они благо-разумно запаслись еще до обеда...

— Но, — говорю я, — голодовка и... ситный, это... гм?! Комичность этого положения оказалась неожиданной и для них самих и многие с трудом сдерживали душивший их смех.

Тогда вмешались «вожди»:

— Тут смеяться нечего. Цель оправдывает средства!.. Мы боремся! Мы требуем!.. И будем бороться до конца!..

И для того чтобы прежнее боевое настроение — немного покачнувшееся из-за этого ситного — восстановить, было решено «выйти на улицу» с демонстрацией протеста против «диктатуры» Дачного Совета. Заправилы вмиг собрали «голодающих» и вышли. Но им и тут не повезло. Чуть только они поравнялись с окнами столовой, как сто сытых и бодрых молодых людей встретили их дружным смехом и едкими шутками.

— А где же флаг? Демонстрация, а флага нет...

— Подвесьте ситного к палке!..

— Зачем ситный?.. Уж лучше сосиску!..

— При чем тут сосиски?.. Люди борются, а ты — соси-и-ски!..

Этот смех точно ураганный ветер отбросил «демонстрантов» прочь от дачи. Они спустились к шоссе и оттуда по другой аллее, что-то распевая, направились вновь к колонии.

Они пели «Письмо матери».. И по тому, что они пели, и по физиономиям было видно, что настроение у них упало. Они думали, что эта демонстрация произведет эффект, а их подняли на-смех... И кто? Свои же товарищи... Тут уж каждый упадет духом, тем более, что и ужин — такой сытный ужин — терять было совсем не легко...

Нужно ли удивляться, что демонстранты пели именно Есенина? Какие другие слова могли бы лучше передать переживания человека... зря потерявшего теплые сосиски, как не эти:

«Я мечтаю только лишь о том,
чтоб скорее от тоски мятежной
воротиться...»

Воротиться!.. И чем скорее, тем лучше!.. Именно это и прозвучало в их пении и прозвучало отчетливо.

Для меня же это был сигнал, чтобы всю эту комедию

наконец прикончить, и прикончить как можно скорее.

.....
Спокойно улыбаясь, я пропустил их мимо себя.

Не удержались и они от ответной улыбки. Тогда я бросил им вдогонку:

— Когда вы немного еще подрастете, то поймете, как все это смешно...

Остановились, и один из них:

— Нет, не смешно... Мы добиваемся возвращения Жилова и Каспарова...

— А вы знаете, за что выгнали Жилова?

— Нет...

— Так вы бы спросили, Может, за него и воевать не стоит?..

Готовые слушать, они молча обступили меня, и тут, в настороженной тишине, я выложил им всю «жиловщину».

Молчат. Поняли и видимо согласны со мной.

— Ну, а Каспарова за что? — спрашивает Грачев. Окружили еще теснее, и я рассказал, почему Совет вынужден был вместе с Жиловым исключить и Каспарова. Но зная, что табачники «поднялись» именно из-за Каспарова, я, как бы вскользь, прибавил:

— Каспарова сравнить с Жиловым все же нельзя. Парень он в общем неплохой. Поэтому я лично думаю, что если он, осознав свою вину, чистосердечно раскается, то путь для возвращения в колонию для него будет открыт...

— А Каспаров уже раскаивается... — заметил кто-то.

— Значит, он сейчас же может подать заявление? — продолжил другой.

— Нет, нет. Ни в коем случае. Заявление от него мы примем только тогда, когда жизнь колонии вновь войдет в свои берега... Только тогда и только при этом условии.

— А вы верните его, тогда и мы прекратим свою бузу.

— Вашим бунтом вы никого не запугаете. Не будете кушать, снимем с довольствия... И все тут. Сто пятьдесят жизней и пятнадцать тысяч рублей доверены, товарищи, нам, а не вам, ответственность за них несем мы, а не вы, и поступать, значит, будем так, как найдем лучше и полезнее для всех, а не только для вас.

Тут ребята совсем растерялись. Еще четверть часа тому назад все они жили идеей борьбы для защиты товарищей. Но что же оказалось? Жиллов такой хулиган, что защищать его явно неприлично, Каспарова же и защищать не надо. Всего четверть часа тому назад были требования, была борьба и цель, которая «оправдывала все средства». Теперь же все это лопнуло как мыльный пузырь. И зря только потеряли ужин.

Томительную паузу нарушил, наконец, Михайлов: — А все-таки это подло со стороны наших ребят...

— Что подло?

— Что съели наши порции...

— Мы разрешили им... Впрочем, съели только сладкое. Сосиски пока что в целости...

Переглянулись. И один из них говорит тихим голосом:

— А можно бы их получить?..

— Нет.

— Почему?..

— Ужин кончился...

Пауза.

— А что вы с ними сделаете?..

— Выбросим.

— Отдайте их лучше нам...

— Ну, ладно, — согласился я, наконец, — пусть Михайлов, как ваш представитель, пойдет со мной на кухню, а вы все расходитесь по комнатам.

.....
Прошло не более пяти минут, как бывший «штаб восстания» комната № 13 превратилась в мирную комнату, а бывшие «мятежники» в повеселевших ребят, занятых уничтожением, во-время спасенных, сосисок.

Так табачники «свернули знамена».,

Лишившись всякой опоры, Жиллов — при наступлении сумерек — тихонечко покинул колонию. Исчез куда-то и Каспаров. Оставшиеся же «жилловцы» были расселены по другим комнатам.

Так быстро вспыхнул и так же быстро был потушен тот вид особого хулиганства, хулиганства хорошо организуемого и руководимого, хулиганства с «идейной» подкладкой, — которое мы в колонии называли «жилловщиной».

Теперь наша колония вздохнула снова полной грудью.

За работу!

Завтра — прощание с пиццевиками.

День двадцать девятый

ПРОЩАНИЕ С ПИЦЦЕВИКАМИ

ПЕРВЫЕ ИТОГИ. — ложка дегтя в бочку меда. — милый «разговор». — прощание в аллеях. — отдай бутылку

День сегодня солнечный. Пиццевики встали ранее обыкновенного, взвесились, позавтракали и рассыпались по полям. Такой уже у нас установился обычай — в город возвращаться с букетами.

Но сегодня цветы нужны и для другой цели — украсить те большие две комнаты, в которых вечером торжественное заседание и прощальный вечер по случаю отъезда пиццевиков.

Явился Каспаров, просит разрешения присутство-

вать на вечере. Ладно, — пускай погуляет с ребятами. От радости он принялся помогать убирать комнаты. Стемнело. Уж близок час, торжественный час товарищеского прощания. Настроение у всех взволнованное и приподнятое.

Две чисто убранные и украшенные комнаты осветились десятком керосиновых ламп, небольшой свет которых придал им домашний уют и теплоту. Позже явился оркестр. За оркестром из всех дверей посыпали ребята, аккуратно одетые, чистенькие, свежие, поздоровевшие и сияющие.

Раздался марш, и все скамьи густо заполнились молодежью. Вперемежку с ними расселись работники колонии и многочисленные гости из города.

Общая радость дополнялась еще и выздоровлением «дедушки». Он во всяком случае настолько оправился (установилась нормальная температура и стал прибавлять в весе), что мы разрешили ему председательствовать на торжественном собрании.

Стоя за столом он успокаивает присутствующих: — Сейчас, сейчас начнем. Еще только один марш... Наконец, Стоумов объявил: «торжественное заседание, посвященное отъезду пицеевиков считаю открытым».

Доклад об итогах отдыха прослушали с большим вниманием.

Говорилось и о значении отдыха трех коллективов и о культурной работе и об организации развлечений. Говорилось также о борьбе за подлинный отдых, за прибавку в весе, за бодрое самочувствие, — а вместе с тем — за дружбу в комсомоле, за товарищеские отношения... Все это промелькало в докладе, вызывая краткие воспоминания у слушателей.

Несколько раз доклад прерывался троекратным «тушем». Это «дедушка» вручал призы победителю санвикторины Ерофееву, стрелкового конкурса, Васильеву и шахматного турнира — Ложкину.

Хорошие итоги. И праздник, — подлинный празд-

ник, ощущаемый каждым, — естественно закончился пением «Интернационала».

На этом торжественное заседание было закрыто, после чего начался и самый «вечер».

Но разве все может проходить гладко?

Среди городских гостей находился некто Ляпунов, комсомолец, недавно кончивший фабзавуч, теперь слесарь-механик на производстве.

Недавний этот фабзайченочек вырос, стал большой и сильный. Только очень уж неразвит и в взаимоотношениях с людьми туповат и груб.

На праздник колонии он явился... с «бутылкой» в боковом кармане. Иначе он не привык. Для нас же эта «бутылка» изрядная ложка дегтя в бочку меда... Федя Стоумов, как секретарь коллектива и завколонией, поставил ему условие:

— Или сейчас же убирайся отсюда, или бутылку отдай...

— Я пить не буду, «комсомольское» — не буду...

Но «комсомольское» комсомольца с бутылкой за пазухой не вызывает доверия «дедушки».

— Или... Или...

— И Ляпунов отдает бутылку. Из рук «дедушки» она перекачивается ко мне, а я ее хороню на дно бельевой корзины. Тут ее никто не найдет.

После нескольких танцев, когда ночь вступила в свои права, мы высыпали наружу.

Там, в центре круглой клумбы готовили фейерверк. В ожидании его ребята поют песни. Наконец, к небу взвилась первая ракета — яркий огневой пучок, рассыпавшийся в поднебесьи множеством ярко-алых огоньков. За первой взвивается вторая и третья... кругом рукоплещут, галдят...

Но вот наступила томительная пауза: готовится ракета самая большая, самая эффектная. Все приготовления уже окончены, только никто не может сказать, как

эту ракету прикрепить: какой стороной вверх, какой вниз... Соображали - соображали и в конце концов разделились на два лагеря. Тогда Розанов, как администратор и завхоз, положил конец этой дискуссии, с большой самоуверенностью укрепил ракету синей стороной кверху и в напряженной тишине поднес огонь... Миг — и снап огня врезался в землю у самых ног обомлевших ребят...

Смех, раздавшийся кругом, вывел из оцепенения побледневшего и онемевшего Розанова.

— Ай да он!.. Качать его!...

И вместо неудачливой ракеты — летит к небу сам Розанов...

Возбужденные, повеселевшие ребята вновь вернулись в помещение.

Там в одной комнате идут танцы, а в другой — игры и пение.

Расселись в круг и завели самую любимую... «Разговор». Начала его всем известная «певица» Вера:

«Говорят, девченки дуры,
нет, мальчишки дураки,
провожают в дождь и слякоть,
не жалея сапоги...»

Эх, чай пила...

Лукин, «остряк-самоучка», не остается в долгу:

«Вы, девченки, не гордитесь,
Никуда вы не годитесь,
Ни в солдаты, ни в матросы,
Ни подмазывать колесы...»

И пошло. От песен к пляске, к шуткам, к смеху... Вдруг совсем неожиданный и приятный сюрприз: комната № 13, еще только вчера возглавлявшая «голодный бунт», сочинила песню о колонии. Ее пропел Максимов.

«Каждый что ни есть денечек
Волга матушка река
Дождик льет точно из бочек,
Заливает берега...»

И — хором:

И в лодке вода,
И под лодкой вода...

Вечер был в разгаре.

Выйдя наружу, я нашел там немало ребят. Прощанье, повидимому, шло не только в комнатах, но и в аллеях. Трамовец Каспаров и Вера Бадаева, табачник Крючков и, конечно, Маруся Хлопина... Всего семь пар. Впрочем не семь, а восемь. Восьмая — Ляпунов и Маша «с вешалки»...

«С вешалки» потому, что она работает в раздевалке, и еще потому, что она «вешается» на шею кому угодно, лишь бы с его стороны не было сопротивления... Из деревни она недавно, неразвитая, глуповатая. Но Ляпунов, человек нетребовательный. И вот она уже прохаживается по аллее в ожидании его.

Сам же Ляпунов усиленно чего-то добивается от «дедушки».

Подхожу поближе: оказывается речь идет о «бутылке». Отдай «бутылку»... Я больше не вернусь...

Но Федя неумолим:

— Не дам.

— Не дашь?..

— Нет...

— Ну, ладно... Мы с тобой еще встретимся на Лиговке...

Устал оркестр, устали и ребята. Два часа ночи. Погуляли вдоволь — пора отдохнуть, тем более, что ребятам надо собраться в дорогу.

Заключительный марш и сигнал для отхода ко сну.

Когда красный свет восходящего солнца залил восточный фасад остроконечного здания, колония уже спала безмятежным сном.

В ДОРОГУ...

ФИНАЛ С «БУТЫЛКОЙ». — У НАДМОГИЛЬНОЙ ПЛИТЫ. — ЖИВОЙ БУКЕТ

Встали сегодня позже обыкновенного. День был хороший, и уезжающие вместе с остающимися пошли бродить по местности, прощаясь с ней и друг с другом: ровно в три назначен отъезд...

За обедом разыгрался, наконец, финал с злополучной Ляпуновской бутылкой.

Пригласив всех выслушать меня, я — при полной тишине — рассказал ребятам о Ляпунове.

— Скажите сами. Сколько трудов было положено на то, чтобы колонию нашу сохранить «сухой», чтобы вы провели свой отдых совершенно без выпивки, культурно, по-комсомольски. И вдруг в день, когда мы хотим отпраздновать наши достижения, наш же товарищ, комсомолец Ляпунов, человек знакомый уже с нашими порядками, приезжает к нам на вечер... с «бутылкой». Разве это не гнусно?..

Прекратили есть, слушают.

— Я ставлю вопрос: что нам делать с Ляпуновым?

Ответ единодушный:

— Выгнать его вон...

— Хорошо. А как поступить с «бутылкой»...

Замаялись. Решить вопрос о самом Ляпунове им, оказывается, было куда легче, чем вопрос — о бутылке...

Выручили девушки. Они в один голос заявили:

— Разбить ее, и кончено...

— Дачный Совет держится тоже такого мнения. И эту операцию мы проделаем сейчас же...

Но ребята не верили, они не могли допустить и мысли, чтобы такую «жидкость» можно было «зря» выливать... Наверно, тут подвох. Может быть, там не водка, а просто вода? Может быть, ночью «сами они» уже росли?..

Чтобы положить конец таким «сображениям», я вынес бутылку и продемонстрировал перед всеми целостность сургучной печати. Тут уж крыть было нечем, и ребята замолчали.

После этого, в сопровождении десятка добровольных свидетелей, я вынес «бутылку» на крыльцо и там торжественно «опустил» ее на камень...

Все тотчас же разошлись. Только несколько парней все не могли оторваться от этого камня. Усиленно и часто вдыхая носом поднявшиеся испарения, они сокрушенно покачивали головами, причем вид у них был такой, будто перед ними был не обыкновенный камень, а... надгробная плита.

.....
Тотчас после обеда колония вся засуетилась, заторопилась.

— В дорогу!..

Все пришло в движение. Уезжавшие носили свои вещи. У крыльца эти вещи грузились на подводку. Перед домом собирался оркестр. Наконец, и все высыпали наружу. Нарядные, красивые, все с цветами. И все двигаются, смеются. У всех радостное, приподнятое настроение. Тут же присутствуют и родные, отцы и матери многих, не скрывающие своего удовлетворения от того, что их дети чувствуют здесь себя так хорошо и радостно.

Наконец, двинулись. Впереди оркестр, за ним — пестрой толпой — молодежь, издали напоминающая живой букет, а позади телега с сундуками, корзинами и подушками в три этажа.

Музыка и песни. Шутки и смех. Так— всю дорогу до самого вокзала.

Наш приход переполошил всю публику на перроне.

И не удивительно: кто захочет да и кто сможет померяться с отдохнувшей молодежью в звонком смехе и шумном весельи, бьющем могучим ключом энергии и бодрости.

Вот наш вагон. Он вмиг заполняется молодежью. Оркестр направляется к паровозу и туда же идут все провожающие.

Протяжный свисток кондуктора, ответный — паровоза. Последние приветствия, рукопожатия, слова прощания, искренние, остро переживаемые каждым, и — под плавную музыку — поезд медленно скользит мимо переполненной платформы... Вот он, и а ш вагон... Сколько сияющих лиц, сколько рук с платочками...

— Даешь прощальный марш! — это из вагона. Оркестр играет марш, но... поезд уже далеко, и они его не слышат...

.....
Солнце высоко стояло в небе, когда мы возвращались в колонию. На обратном пути — оживленная беседа о прошедшем месяце, об уехавших товарищах.

День тридцать первый

БЕЗ ДЕВУШЕК...

СОВМЕСТНО ИЛИ РАЗДЕЛЬНО. — ПРЕДЛОЖЕНИЕ, ОСТАВШЕЕСЯ БЕЗ ОТВЕТА. — А ГДЕ ЖЕ ВЫХОД?

Вопрос — что лучше?..

Дома отдыха и летние колонии молодежи устраивать отдельно мужские и отдельно женские или же делать их совместными...

Нам могут указать, что в интересах отдыха лучше,

чтобы девушки отдыхали отдельно, юноши — отдельно. Но есть одно соображение, которое такой взгляд опровергает. Соображение это следующее: массовый отдых рабочей молодежи может быть проведен хорошо и с пользой только в том случае, если в понятие правильной организации отдыха войдет и организация развлечений и создание у молодежи такого настроения, которое отвлекло бы ее и от всяких жизненных невзгод (которых у каждого немало), и от желания «выпить» от скуки, и от стремления немного «побузить».

Для молодежи вопрос о развлечениях невозможно отделить от вопроса об отдыхе, так как первое является необходимым условием и предпосылкой для второго.

Но все же мы не можем не признать, что при совместности отдыха общее настроение у всех — и у парней и у девушек — более повышенное, самочувствие более бодрое и, я сказал бы, более праздничное, чем при отдыхе «раздельном».

И явление это совершенно естественно и понятно. Так, собственно говоря, оно и должно быть, и только безнадежные пошляки могут усмотреть в этом явлении повод для нездорового хихикания...

Нет, тысячу раз нет! Молодежь есть молодежь, и в отношениях между юношами и девушками есть то взаимное друг к другу влечение, которое поднимает настроение и бодрит, а подчас — родит и творческий порыв. И тут требуется только одно: такое руководство молодежью, такое воспитание, которое эти порывы направляло бы на хорошее и полезное дело. А чтобы это было именно так, требуется не только культурность самой молодежи, но еще и хорошее, надежное руководство. При наличии этого условия удастся бродящую в молодежи энергию (пусть под влиянием естественного друг к другу влечения) и использовать для организации массовых и интересных развлечений и таких именно, которые

молодежь не только удовлетворяли бы, но и дисциплинировали.

Вот почему я — за совместный отдых! Само собою разумеется, что размещать юношей и девушек нужно в отдельных зданиях, в разных этажах того же здания и т. д. Но время проводить им лучше вместе.

Хорошего при такой системе организации отдыха я видел много, плохое же, если в отдельных случаях оно и отмечалось, было следствием не самой этой системы, а личных недостатков отдельных отдыхающих ребят. На эти размышления навел меня вчерашний вечер в колонии, первый вечер без девушек.

Да, с отъездом пищевиков, наша колония осталась почти без девушек. Оставшиеся семь табачниц «не в счет», они — свои, а главное — их очень мало. И что же?.. Колония сразу и резко изменилась. Присмирела как-то и затихла...

Вот стою я вчера и смотрю. На улицу не выходит никто. Внутри в комнатах стоит мертвая тишина. Куда же девались люди?.. Оказывается, они в своих комнатах. И не мало их там — больше ста человек. Но что же их не слышно.

Иду к ребятам:

— Что с вами?..

— Скучно...

Я с чрезвычайно серьезным видом предложил:

— Давайте устроим танцы...

Недоумение отразилось на их лицах. Они как будто даже и не поняли меня.

— Чего вы так недоумеваете? Ведь раньше вы часто просили — устройте танцы. Почему бы не потанцевать и сегодня...

С явным недоверием они окинули меня с ног до головы и в ответ только молча улыбнулись.

И в этот вечер, в п е р в ы е за все это время ребята отправились спать задолго до сигнала.

Что же делать? Что нам придумать для того, чтобы вновь поднять настроение отдыхающих ребят, чтобы сделать его таким же бодрым и жизнерадостным, каким оно было и до сих пор?..

Как оказывается, трудно вести культработу и устраивать развлечения.

В прошлый месяц не было солнца... И одно это обстоятельство создало совершенно особую обстановку для работы и к нам, работникам колонии, предъявило требования совершенно своеобразные и далеко не легкие для выполнения. Теперь новая обстановка — не стало девушек. И теперь работу нам придется строить уже по иному.

Нет солнца, это — одно. Нет девушек, это уже совсем другое.

Но ничего! Как-нибудь справимся! Что-нибудь да придумаем! Нельзя же, право, допустить, чтобы неумелой работой в оставшиеся две недели свести на нет все то, что с таким трудом было добыто за весь прошедший месяц...

Так не должно быть!

И так не будет!..

День тридцать второй

Я ХОЧУ ПИТЬ...

СЕКРЕТ ВЕЗЕНИЯ. — ЛЮБОВЬ НА СЛУЖБЕ КУЛЬТРАБОТЕ

Нам «повезло»...

Во-первых, появилось солнце. Оно вытянуло ребят из помещения и разбросало их по берегу залива.

Во-вторых, начался покос. Он дал нам прекрасную

площадку для футбола перед самым домом, и человек 30—40 ребят проводят там за играми все вечерние часы.

В-третьих, после отъезда пиццевиков и последующего перемещения оставшихся ребят, освободилась большая комната, рядом с столовой, которая мигом была нами приспособлена под Красный уголок, где ребята могли свободно собираться для песен и игр.

Два освободившихся обеденных стола мы приспособили специально для пинг-понга. 13-я комната взяла на себя инициативу устроить площадку для крокета, в который из-за дождей играть было нельзя. А ребята из комнаты № 8 на небольшом желтеньком столике, по краям обитом планочками, устроили... бильярд, в котором роль шаров играли шашки.

Рюхи — само собой, шашки и шахматы, — как и было, газеты, журналы и книги — по прежнему. Одновременно подготовляем второй коллективный просмотр бытового кино-фильма.

На первое время ребятам есть чем заняться. А теперь будем думать дальше, так как это лучший способ, чтобы всегда «везло».

.....
.....
Сегодня от Каспарова получили заявление:

В Дачный Совет.

Настоящим прошу Дачный Совет включить меня снова в число отдыхающих. При чем извиняюсь за свое поведение с 12-го на 13-ое июня. Прошу Дачный Совет не отказать.

Б. Каспаров.

Летучее совещание и постановление, которое решили прочитать за обедом, было вынесено:

На основании заявления т. Каспарова о признании им своей вины и обещания впредь дисциплины не нарушать, с просьбой принять его вновь в число отдыхающих, Дачный Совет постановляет: *т. Каспарова принять в колонию условно с 17-го Июля сего года.*

Вместе с тем все отдыхающие предупреждаются, что это первый и последний случай возвращения отдыхающего, исключенного из колонии. Впредь за нарушение дисциплины провинившиеся будут уволены и безусловно, ни при каких условиях, возвращены не будут.

.....
Вечером почта. Все засуетились, забегали. Ждут писем от уехавших товарищей. Особенно волнуется Клоков. Он ждет письма от подруги, а его все нет. С отчаяния он забрался в столовую и ... стал писать.

Лист за листом. И остановился только тогда, когда дело дошло до девятой страницы. Написал и ... отошло. Мало того: его охватило радостное возбуждение и ему захотелось петь.

Подошел ко мне и говорит:

— Теперь мы будем горловить!..

— Надо, надо, — поддержал я его, — а как бы собрать ребят?

— Знаете, что. Давайте устроим шумовой оркестр. За ужином объявим, а там весь вечер будем петь, играть...

Идея! Хорошая идея!

.....

Ребятам это предложение очень понравилось и они сразу изъявили готовность так или иначе участвовать в этом оркестре. Начавшийся дождь еще больше разжег их желание.

Минут через десять красный уголок наш был весь заполнен.

Скамьи четырехугольником. На них — «оркестранты». Их человек двадцать. Инструменты — мягко выражаясь — довольно разнородные: мандолины, гитары, гребенки, огромный барабан, звучащая сковорода и другие предметы кухонного обихода, и не только кухонного, но и канцелярского, как например — счеты... Публика с нетерпением ждет начала.

Наконец, «дирижер» Власов поднял руку и наступила полная тишина. Когда же он ее опустил и оркестранты «вдарили», то мне лично показалось, что потолок валится... «Аудитория» закрыла уши, замахала руками и запротестовала. Хотел было и я последовать ее примеру, но у меня были заняты руки, так как я «играл» на барабанах...

С большим трудом «оркестр», наконец, успокоили. Тогда кто-то внес новое предложение. Пусть начинают только струнные инструменты, вслед за ними включается в симфонию весь «наличный запас» женских голосов, а уж затем идет барабан, «кухня» и «канцелярия»...

И, действительно, так вышло уже значительно лучше. К концу «номера» грохот был, верно, так же нестерпим, как прежде, но «маэстро» Власов одним движением руки обрывал его.

Потом решили перейти к пению, под акомпанемент одних гитар и мандолин.

Пришел, кстати, и Клоков. Он только что, под проливным дождем, отправил письмо в город и теперь — промокший — испытывал полное удовлетворение жизнью... Петь! Он хочет петь!.. А мы что? Мы люди не гордые: для надобностей коллектива почему бы не использовать

эти личные, радостные его переживания? Кстати, он и поет хорошо.

И развернулись. Пели хором. Пели дуэтом. Пели и соло. И, в конце концов, даже сплясали. И кто же? Все тот же Клоков. Под хлопки и цыганское «гоп-гоп», «гопцы-гопцы», — он вывертывал такие па, что привел всех в неописуемый восторг.

Хороший, веселый был вечер.

День тридцать третий

„ТАНЦКЛАСС“

редкий, но нужный. — на очереди «кружева». — в лупу времени

К нам в колонию приехал Павел Радзевич, бывший ученик фабзавуча табачников. Теперь работает на производстве по своей специальности.

В прошлое лето он, как и Саша Подкопаев, провел свой отпуск в Тарховской колонии, но — в противоположность ему — не вредил, не мешал работе, но всячески ей помогал, активно участвовал во всех начинаниях.

Радзевич хороший парень и замечательный комсомолец.

Обычно хороший общественник хромает в производственном отношении или же отстает в учебе. Или же наоборот: высоко квалифицированный по специальности, хорошо успевающий в учебе здорово отстаёт в общественной работе.

Павел Радзевич принадлежал к тому н у ж н о м у,

но и редкому, типу, в котором гармонически сочетались и высокая общественная активность и большие успехи как на производстве, так и в учебе. Именно Павел совершенно естественно и единодушно был — на производственном конкурсе — признан лучшим, примерным комсомольцем.

Я люблю и уважаю Павлушу. Уже два года я знаю его и работаю с ним. И что же? Неизменно я убеждался в том, что работник он серьезный, вдумчивый и — что особенно важно — с большим чувством ответственности.

Я не помню за ним ни одного проваленного дела. За что взялся Радзевич — за то можно было быть совершенно спокойным. И работал Павел не «как-нибудь», не формально, лишь бы сбить нагрузку с рук, а толково и хорошо. Именно с ним (и еще с некоторыми) мы проделали огромную работу по организации отдыха и развлечений в Тарховской молодежной колонии.

Несмотря на все свои такие качества (а может быть именно поэтому) Павлуша был необычайно скромн. И несмотря на то, что обычно он участвует во всем весьма активно, его как-то... не слышно. Редкая выдержанность, редкое умение владеть собой, что особенно подчеркивается тем еще, что, несмотря на громный рост и большую физическую силу, он очень тихо говорит и от обращения его с другими веет теплотой и лаской.

Теперь он секретарь коллектива комсомола на одной из фабрик табтреста. Одновременно работает на производстве и готовится поступить на рабфак.

Приезду его и я, и все кто его знает (даже Саша Подкопаев), очень обрадовались, тем более, что его совет и помощь могут принести нам не малую пользу. Кровать для него мы поставили в нашей же комнате.

★

С администрацией кино договорились. Будем смотреть

комсомольский фильм «Кружева», после чего — уже в колонии — проведем диспут о быте.

★

Новая затея!

Захотели мы, чтоб вечером нам играл оркестр. Раньше это происходило только в танцевальные вечера.

Теперь у нас танцы не в почете. Какой бы это найти другой повод для того, чтобы играл оркестр?

И нашли.

Организуем — танцкласс...

— Танцующие будут учить тех, которые танцевать не умеют...

Это очень понравилось ребятам. Даже «дедушка» и тот оживился.

И вот быстро-быстро собрали оркестр. Вдоль стен — «учителя» и «ученики». И начали...

Не знаю, как обучают в настоящих танцклассах, а у нас порядок был такой. Объявляется танец. Одна пара танцует «в лупу времени» (т. е. очень медленно), демонстрируя все «па».

После этого умеющие танцевать берут неумеющих и — под несколько замедленный темп музыки — танцуют уже все вместе.

Зрелище, надо сказать, не весьма обычное. К тому некоторые танцевали до того комично (особенно неуклюжий «дедушка»), что смеху было не обобратиться...

Когда ученики достаточно утомили своих учителей, было решено перейти к пляске. Начали с «русского», потом перешли к лезгинке.

Напоследок, под запев Павлуши Радзевича, пропели «...по солнечным реям» и довольные разошлись по своим комнатам.

НАС ТАК ВОСПИТЫВАЛИ

«ПРИЛЕЖНЫЕ» юноши. — «Я — ЖЕНЩИНА». — МЫ НЕ ЗНАЛИ, «ЧТО ЭТО ПЛОХО»

Сегодня после обеда я вошел в комнату табачников. Вошел и остановился у самых дверей. Несмотря на присутствие всех ребят, в комнате было необычайно спокойно.

Одни сосредоточенно что-то читают, другие — за столом и на окнах, тщательно что-то переписывают... И даже мой приход несколько не отвлек ребят от их занятий.

«Люди заняты каким-то делом и делом, видимо, серьезным и важным», решил я.

Меня неудержимо потянуло взглянуть в их тетради. Я хотел убедиться, проверить, что это действительно так, что в своих предположениях я не ошибаюсь.

Посматриваю на ребят и подхожу к столу. На столе я увидел толстую, т. н. «общую тетрадь», в которой аккуратненько было вписано множество всяких стихотворений и песен. Их-то ребята тщательно и терпеливо переписывали в свои такие же толстенные, такие же аккуратненькие тетради.

Подошел к окну, к кроватям, везде одно и то же. Все обитатели комнаты заняты одним и тем же делом. — Что это такое? — обратился я к сидящим за столом: — что это за тетради?..

— А ничего, — ответил Лерский: — тут разные стихотворения, песни. Нам они нравятся... Мы их переписываем, читаем, иногда распеваем...

Я взял тетрадь и стал ее перелистывать.

Первое стихотворение называлось «Я — женщина» и содержало в себе столько двусмысленностей и пор-

нографии, что его нельзя было прочесть не поморщившись.

Я взял тетрадь в руки. Ребята шарахнулись к своим кроватям.

— И это вы читаете?..

Молчат.

— И это вы бережно переписываете друг у друга?..

Пауза.

— Небось и наизусть заучиваете?..

— Да, ответил откровенно Лукин, — мы знаем наизусть почти все эти стихотворения.

— Но ведь они пошлые, они грубые, скотские.....

Пауза.

— А что в них плохого?..

Вместо ответа, скрепя сердце, я прочитал вслух первое стихотворение, прочитал медленно, стараясь показать им всю гнусность этого произведения. Некоторые хихикали, другие краснели, а в общем всем было неловко и не по себе.

Кончил я при гробовом молчании.

— Вы, молодые ребята, благодаря вот этой дряни, прививаете себе такие грубые вкусы, которые впоследствии непременно скажутся и в ваших отношениях с людьми и, в частности, в ваших отношениях с девушками... Вы сами из себя делаете грубых, пошлых людей, от которых плохо будет не только окружающим, но и вам самим...

— Нас так воспитывали в грубости...

— Кто?

— А кто хотите. И старшие товарищи, и родители, и мастера на производстве...

— Ну, хорошо, ребята. Это я и сам знаю. Но если вы это понимаете, и если, к тому же, вы имеете желание стать другими, лучшими, то надо же и вам самим что-нибудь делать для того, чтобы этого достигнуть...

— Надо, — глухо откликнулся кто-то, — конечно, надо...

— А тетради эти, как вы думаете, воспитывают в вас хорошее или плохое?

Лерский ответил:

— А мы и вовсе об этом не думаем... Один делает, ну и другой делает... Смотришь, и все занялись тем же... Ведь до сих пор нам никто еще не сказал, что это плохо, никто не объяснил, почему это плохо... Оно и идет так, само по себе...

Да, слова Лерского содержат в себе много правды. И в этом я убеждался не раз. Ребята делают плохое, но часто не потому, что сами они так уж плохи, так уж испорчены, совсем нет, — а потому, что сами они еще не знают, иногда и просто еще не задумывались, плох ли, хорош ли тот или иной их поступок, а другие, окружающие их, не удосуживаются дать ребятам соответствующие разъяснения.

И смотришь, парень творит плохое, сам не зная, что это плохо... И когда кто-либо ему разъяснит, и докажет, что его поступки по существу своему отрицательны и приносят вред, — он бывает немало удивлен... Но после этого он уже старается больше этого не повторять и тем самым исправить тот или другой изъян в своем поведении.

Отсюда следует совершенно простой вывод, что одним из первых приемов воспитательного воздействия на молодежь является простое разъяснение, что есть «хорошо», и что есть «плохо». И хотя прием этот — казалось бы — так прост, понятен как будто само собой, — используем его мы слишком редко, а главное — слишком неумело. Между тем ценно ст ь этот прием приобретает только в том случае, если разъяснение ведется не вообще, а — всегда и обязательно — по поводу тех или иных конкретных явлений или происшествий.

Мне вспоминается один случай в фабзавуче, ярко иллюстрирующий все вышесказанное.

С большими трудностями и с большой затратой

средств мы оборудовали «уголок здоровья». Среди картин и диаграмм были также и фотографии физкультурников нашей школы.

Однажды, проходя мимо «уголка», я обнаружил пропажу одной фотографии. Мне стало неприятно. Фотографическая карточка — это конечно мелочь, но все же это... кража.

Невольно я задумался: «А знает ли тот ученик, который это сделал, что его поступок есть воровство?.. Может быть, он и не знает? Думал, что страшного ничего нет в том, что он взял фотографию... Может быть, если бы он знал настоящую цену своего поступка, то никогда он не пошел бы на это?..»

Через час на место украденной фотографии был прикреплен кусок белого картона такой же величины и формы, даже с такой же синенькой каемкой, как висевшая здесь фотография. На картоне стояла следующая надпись:

«Здесь висела фотография хоккейной команды нашей школы.

Е Е

С Т А Щ И Л

В О Р.

Толпились ученики. Судили, рядили, спорили, высказывали догадки. Так прошел первый день, второй, третий. Потом все, как и следовало ожидать, успокоилось. Я был вполне удовлетворен, что разъяснил таинственному виновнику этой пропажи настоящий характер его проступка и считал, что уже одно это даст ему пищу для весьма полезных размышлений. Большого, собственно, я и не хотел и не ожидал. Эффект, однако, получился {сверх всяких ожиданий.

Примерно, через неделю в учительской была обнару-

жена кем-то подкинута пропавшая фотография, причем на оборотной ее стороне было написано:

«Меня это очень схватило за сердце, что там было написано — ее стащил вор. Я так не думал и я возвращаю».

Он не думал так. Он не знал... Но когда ему разъяснили, его «схватило за сердце»...

И так часто бывает, очень часто.

.....
Вот и теперь. Табачники старательно вписывают в свои тетради эти стихи. Но до сих пор никто из них еще не задумался над ними как следует.

.....
— Так вот что ребята: давайте закроем дверь, никого сюда не пустим и сообща всей компанией разберемся во всех этих писаниях. Это, я думаю, будет и интересно и полезно. Хотите?..

— Очень хотим.

И вот сгруппировались мы все вокруг столика. Мне подали все тетради и мы принялись за дело.

— А порядок будет такой. Я прочитываю стихотворение, а потом уже даем ему оценку. Хорошо?

— Хорошо.

.....
Не менее пяти часов просидели мы над этими тетрадями. Ребята были так поглощены разбором, что ни один из них за все время не вышел из комнаты. Они и не представляли себе, что вокруг каждой песни, каждого стихотворения может возникнуть столько интересных и глубоких споров.

И только под вечер мы подвели итог.

Из 85-ти просмотренных стихотворений оказались более или менее сносными 16%. Остальные 84% представляли собою разный хлам, вроде цыганских паро-

дий и песен просто хулиганских.

— Ну, что же вы теперь скажете, ребятки?.. Стоит их переписывать, собирать, заучивать и петь?.. Они молчали. Глубоко над чем-то размышляли и молчали. Теперь, во всяком случае, никто уж не хихикал. Все стало ясно, просто, понятно.

Так, в молчаливом раздумьи, я их и оставил. И я уверен, что бесследно это для них не пройдет. Кое-кто уже из этих ребят не только сам разорвет эти тетради, но будет убеждать сделать то же и своих товарищей.

День тридцать пятый

ОТДЫХ ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

Погода улучшалась и значительно. Большую часть дня ребята проводят на воздухе. Самочувствие у всех прекрасное.

Сегодня проводим второй стрелковый конкурс печатников и табачников. Много времени уделяют ребята и пинг-понгу. Саша Подкопаев предлагает провести конкурс на лучшего игрока в пинг-понг. Предложил он это потому, конечно, что у него есть немало шансов получить первенство. А Саша без первенства — известно — жить не может...

Что ж? Ребята сами также хотят, дело не плохое, пускай проводят.

„КРУЖЕВА“

Сегодня после ужина провели второе коллективное посещение кино. Смотрели «Кружева». Картина смотрится легко и весело. Все понятно, знакомо. И ребята остались весьма довольны. Поскольку ребята очень много спорили вокруг затронутой в картине проблемы борьбы с пьянством и хулиганством, по их же просьбе Дачный Совет решил через несколько дней провести в колонии диспут об отрицательных явлениях в быту нашей молодежи. Возвращались домой с песнями, возбужденные, веселые.

ВЕРНЫЙ УЧЕНИК

пьяный лекпом. — кого судить строже

Сегодня случилось происшествие для нашей колонии столь же необычное, сколь и редкое. Два человека напились... Член Дачного Совета комсомолец Курганов, и лекпом Антонов. Первый пьяным пришел в колонию из города, а уж тут так «сдал», что его пришлось уложить в кровать и долго за ним ухаживать. Где напился лекпом, неизвестно, только пьяный уже он — в одной сорочке — бегал по медпункту и был очень возбужден.

Хорошо, конечно, что это только второй случай пьянства в колонии, хорошо, что оба выпивших не принадлежат к рядовой комсомольской массе, что один из этих двух даже и вовсе не комсомолец. Все это доказывает, что серьезных причин для пьянства у нас нет, что — видимо — вся система организации отдыха построена в общем правильно, и массу отдыхающей молодежи система эта удовлетворяет настолько, что у нее нет ни надобности, ни потребности поднимать себе настроение алкоголем.

Но, вместе с тем, нельзя же закрывать глаза и на то, что порок заразителен, особенно такой, как пьянство и особенно тогда, когда он идет «сверху», со стороны руководителей...

Вот почему мы, еще до официального заседания Совета, долго совещались, как нам следует поступить. В отношении Курганова вопрос был ясен. Он «верный ученик» Ленихина и напился он потому, что вспомнил Тарховскую «старину». А это значит, что Ленихинскую «установку» из Курганова надо вытряхнуть... Другое дело лекпом. Честный труженик, аккуратный и прилежный работник, всеми уважаемый и любимый, он в настоящее время переживает тяжелую семейную драму и — при слобовольности характера, в тяжелую эту минуту, не нашел другого способа «забыться», как выпить.

Совещались, однако, недолго: наказать Курганова, значит — помочь ему исправиться, наказать леккома, значит — добить его...

.....
На утро Дачный Совет.

НЕ ТОЛЬКО НАКАЗАТЬ

БОРЬБА МНЕНИЙ. — ПЕРВЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

Заседание Совета. Собрались быстро и молча уселись. Всем было как-то неловко разбирать вопрос о пьянстве члена Совета. Пришел и сам Курганов. Поздоровался и сел в уголок. Первый вопрос — о нем. Докладывает Стоумов, коротко и ясно. Первый вопрос задает печатник Иванов. Помнит ли Курганов постановление Дачного Совета о том, что каждый попавшийся в пьянстве будет исключен из колонии?.. Да, конечно, он помнит... Он даже сам голосовал за него. Стоумов и Иванов категорически требуют исключения. Я имею другое предложение: «Исключить Курганова из Совета, условно уволить из колонии и обо всем этом довести до сведения общего собрания отдыхающих... Мотивировка: Курганова надо не только наказать, но и переделать. Изгнание из Дачного Совета для него, председателя ШУСа, члена бюро ВЛКСМ, — такой позор и вместе с тем такое наказание, что его вполне достаточно. В то же время, оставшись в колонии, Курганов еще более поймет всю мерзость своего поступка и в нашей среде, при нашей помощи, он скорее станет на путь исправления... Голосуем. Проходит мое предложение. Курганов оставляет заседание.

.....
После ужина состоялось общее собрание. Повестка дня — та же, что на Совете. Собрались все. Делая

сообщение о Курганове, я объяснил, почему Совет пошел против прежнего своего постановления и вместо увольнения Курганова ограничился только изгнанием его из состава Совета.

— Наш приговор только формально мягок, по существу же он более суров, чем исключение из колонии. И вот доказательство. Курганова сейчас с нами нет. Не было его и за ужином. А почему? А потому, что ему стыдно выйти из своей комнаты...

Поняли.

— Кто — «за»?..

Единогласно.

.....
Кончилось собрание и тут же, только переставив скамьи, экспромтом организовали второй вечер шумового оркестра.

Пели ребята, шумели и веселились немало.

И только один человек в этот вечер не разделял общего веселья. Это был Леня Курганов... Съев принесенный ему товарищами ужин, он разделся, лег и молча лежал так на своей кровати, прислушиваясь к веселому шуму, идущему снизу, и к собственным своим мыслям мрачным, тяжелым...

День тридцать девятый

ОРКЕСТР „УЛЫБАЕТСЯ“ ...

СТРОГИЙ завхоз. — ЛИЧНОЕ в сторону. — МОРСКОЙ волк. — САМОКРИТИКА в быту. — ВОВОЧКА и ЕГО поведы. — ОТ КРИТИКИ к организации

Доказывать, что оркестр является очень важным элементом в системе культурной работы, значит — ломиться в открытую дверь. Нам в этом отно-

шении определенно повезло. И среди печатников, и среди табачников, и среди пицевиков нашлись по несколько человек «духовиков», из которых удалось составить совсем неплохой оркестр в составе четырнадцати инструментов. Оркестр скрашивал и наши экскурсии, и наши вечера.

И — вдруг, перед самым концом оркестр забузил.

.....
Оркестранты — народ тяжелый. Я имею в виду не профессионалов, а молодежь, только недавно овладевшую этим искусством.

Психологически я объясняю это тем, что им часто приходится играть на вечерах, на которых вся молодежь развлекается, гуляет, веселится и только они, прикованные к своим инструментам, «дуют» целый вечер. Кому веселье, а кому бессонная ночь и тяжелая работа... А ведь и они молоды и также хотят погулять и потанцевать... Но об этом частенько забывают и... их тянут, тянут без конца. Отсюда, кажется мне, и капризность оркестрантов, и их какая-то особая озлобленность. Если же к такому привычному их состоянию прибавляется еще сознание своей незаменимости, — то к «перманентной» раздражительности прибавляется еще и «гонор», что в итоге и делает их людьми не только капризными, но и требовательными, трудно сговорчивыми и весьма непокладистыми.

Смягчить такое их настроение нужно и можно. Во-первых — чутким к ним подходом, теплым и подлинно-товарищеским отношением, во-вторых — принося им облегчение во время самой игры и после нее (носка инструментов в пути и т. д.).

Так именно мы всегда и старались поступать и благодаря этому наши отношения с оркестром в общем были достаточно дружескими. «В общем», но далеко не всегда. Время от времени, оркестр нет-нет, да и «выкинет коленце».. Вооруженные чуткостью и терпением,

мы быстро, однако, мирились и намеченную работу все же проводили.

Так было до сих пор.

Теперь же положение несколько изменилось. Уехал Миша Власов, и оркестранты остались без старосты. В результате дисциплина развалилась.

Но это все — только «предпосылки». Главное же, это просто очередной каприз, очередное «коленце»: «А ну-ка, справьтесь без нас, проведите-ка прощальный вечер без оркестра... Посмотрим, как это у вас получится. В общем — типичная оркестровая буза...

Сговорились они и... стали завертывать инструменты для отправки их в город. Сначала — один, потом — другой, смотришь — и весь оркестр свернулся. Дело принимало плохой оборот.

.....
Созвали экстренное совещание Дачного Совета с культкомиссией и всеми оркестрантами.

Красная комната набилась до отказа. Оркестранты заняли одну скамью. На лицах их гордая неприступность и олимпийское спокойствие, как и подобает «власть имущим»..

Говорит Стоумов:

— Вопрос об оркестре. Ребята помогали нам, помогали, а тут вдруг и забузили. А без оркестра, сами знаете... Надо как-нибудь договориться.

«Некоронованным» старостой оркестра — после отъезда Власова — считается корнетист Максимов, один из вождей «голодного бунта», человек требовательный и упрямый. Он берет слово и говорит, что оркестранты больше играть не будут.

Тут встает Володя Розанов и — совершенно неожиданно — отрезает:

— Инструменты не ваши, вы над ними не хозяева и отсылать их в город я, как [завхоз, вам запрещаю. Играть же я вас заставлю...

Поднялся невообразимый шум. Одни возмущались,

протестовали, другие просили слова, а Стоумов всех призывал к порядку.

Слово получает опять Максимов и, горя от возмущения, заявляет, что если до выступления Розанова договориться как-нибудь еще можно было, то теперь собственно говорить больше не о чем.

— Заставить нас играть, — заявил он — можно только в городе. Там мы, действительно, обязаны. Здесь же мы находимся на отдыхе наравне со всеми, и если мы играем, то только по собственному желанию, чтобы помочь работе. А с нами обращаются, как с халтурщиками... Не знаю, как другие, но я играть отказываюсь, п р и н ц и п и а л ь н о... Я заявляю это при всех.

Чтобы разрядить эту атмосферу и сгладить резкое и ненужное выступление Розанова, я напоминаю им, что Розанов говорил лично от себя, а не от имени Совета, что Совет — наоборот — обращался с оркестрантами, не как с халтурщиками, а как с товарищами, которые помогали проводить массовую работу.

— Подумайте сами, — закончил я — стоит ли вам, товарищи, из-за двух-трех раз свести на нет все, что вы сделали до сих пор. По-моему так делать не надо. Давайте уж, как вместе начали, так вместе и закончим всю эту большую и сложную нашу работу...

После этого выступления оркестранты немного успокоились, и мы, как показалось мне, были уже близки к обоюдному пониманию.

Но тут опять выступил Розанов. Он — видите ли — не согласен со мной. Совсем не к чему так «нянчиться» с оркестром. Они играть должны, и если они откажутся, то об этом «мы с ними поговорим уже в городе...»

— Ого! — крикнул кто-то с места, — угроза?..

И опять зашумели, просят слова, кричат, но громче всех кричит все-таки Розанов:

— Думаете вечер сорвете? Не сорвете! Я найму другой

оркестр. Тридцать рублей, сорок, шестьдесят заплачу — оркестр будет...

И неизвестно, чем бы все это кончилось, если б не выступил секретарь коллектива печатников.

— Тут идет личный спор между Розановым и Максимовым — сказал он: — В рабочей среде личное надо отодвинуть в сторонку; есть у нас и общий интерес, это — довести колонию до благополучного конца. Большинство оркестрантов — комсомольцы, а комсомольцы должны помочь нам, как помогали они и до сих пор. Без дальнейших пустых споров я предлагаю — опросить каждого из оркестрантов, чтобы точно установить, кто из них будет играть.

Эти слова отрезвили всех. С ним согласились и перешли к персональному опросу.

Второй, третий. Согласны все за исключением Максимова.

На этом кончили и разошлись.

.....
Несмотря на все это, уверенности, что оркестр играть будет, у меня все же нет... Все же Максимова в оркестре нет. И без него — чего я очень боюсь — оркестру трудно будет не только играть, но просто организовать.

И все этот Розанов. Он совершенно не учитывает психологии молодежи, которая не выносит администрирования и которая, вместе с тем, так легко поддается товариществу убеждению...

Что-то бдует?

★

Днем ребята занимались пинг-понгом, «бильярдом», футболом, городками, некоторые комнаты — коллективными прогулками. К вечеру небо почернело от туч, и не успели ребята забраться в помещение, как пошел сильный дождь. В комнатах стало темно.

Большинство ребят рассыпалось по своим углам, но многие почему-то находились в Красном уголке и

отдельными группами вели какие-то споры. Острой темой сегодняшнего дня было утреннее выступление Розанова.

В одной такой группе в центре я заметил Сашу Подкопаева. Заинтересовался. Подошел поближе и стал прислушиваться. Но Саша, известно: «кто — что, а он — свое». И все о том же, о своей службе во флоте... Пробыл он там — по допризывной подготовке — «без году неделя». Но ему и этого показалось вполне достаточно, чтобы уже вообразить из себя «старого морского волка», который — верно — сам не все еще испытал, но зато наслушался и начитался о морских приключениях других моряков предостаточно.

А «заворачивает» он — надо признаться — увлекательно и с такой искренностью, что — кажется — и сам он начинает верить в подлинность всех этих страшных приключений... И хоть ребята хорошо знают, что все эти «фантастические враки» нужны Саше только для того, чтобы быть в центре общего внимания, хотя ребята это и знают и в душе над ним посмеиваются, — но слушают его с большим вниманием, так как всякие приключения хоть действительные, хоть вымышленные очень их увлекают...

Саша заметил меня и стал запинаться. Его рассказы сразу потеряли свою увесистость и минут через пять он замолчал.

Увидели меня и ребята, обступили и стали просить «устроить что-нибудь» в этот вечер. А кто-то из них предложил:

— Давайте проведем обещанный диспут о быте.

Другой сообщил, что я веду ежедневную запись, как живет и как ведет себя наша молодежь и что было бы очень интересно, если бы я прочел им свой дневник.

Ребят это страшно заинтересовало.

«Дневник? О нас? Может быть, и обо мне там есть?» подумали вероятно многие. И уж не отстают...

— Ну, хорошо. Ладно. Поужинаем и соберемся в

«уголке», — согласился я: — Доклад мой будет такой.

Об отрицательных
явлениях в быту
молодежи.

Причем речь будет идти только о наших ребятах, и только о том, что было здесь, в колонии, за время нашего отдыха. Примеры и случаи я буду приводить из моего дневника. Хорошо?..

— Очень! очень хорошо! Только одно условие...

— Какое же?

— Называть фамилии, что бы там ни было...

— Ого, сказал я: — тогда у нас получится

ВЕЧЕР
САМОКРИТИКИ
В БЫТУ.

— Да, да. Вечер самокритики... Это очень интересно!

Тут вперед протиснулся Саша.

— У меня есть предложение. Критиковать не только ребят, но и руководителей...

— Прекрасное предложение! — поддержал я его под общее одобрение всех ребят.

— Так за дело! Рассыпайтесь сейчас же по комнатам и подготовьте ребят. Пусть они, как только услышат сигнал, идут вниз.

.....
И диспут состоялся.

Пришли все, не только отдыхающие, но и работники колонии. Один только Курганов отсутствует, боится, что его будут «прохватывать». Когда я вынул и разложил на столе свои тетради, взволнованный, но сдер-

жанный шопот прошел по рядам. Ведет диспут «дедушка», секретарствует Павел Радзевич.

Начал я с общей характеристики ребят, рассказал о группе ребят, которые за последние два года стали лучше, сдержаннее (тарховские «корсары», Ключков и др.), и о группе ребят, которые стали хуже, «развинтились» (комната № 13, Лукин, Лерский и др.).

Как на отрицательное явление было указано на избалованность и требовательность новых слоев молодежи. Скандалы за обедом, «кто раньше получит второе» и «трагедия» Быкова, который не хочет простокваши, а хочет — во что бы то ни стало — кулебяки...

Наблюдаю за Быковым. Тот густо краснеет.

Перешли к вопросу о грубости.

— Вот, например, «равенство по Ляпунову»: «Эй, Стоумов», «Эй, Розанов»... Услышав такое обращение, я как-то сказал ему: «Товарищ Наумов, когда обращаются к тебе, то всегда прибавляют слово «товарищ», а ты... — Эка важность — все равны!.. Тогда я говорю ему: «Но если все равны, так обращайся с другими так, как обращаются с тобой»...

И еще один случай невероятной грубости того же Ляпунова. Когда Федя отнял от него бутылку водки, он ему пригрозил: мы, мол, еще с тобой встретимся на Лиговке.

А вот — грубость в отношении к девушкам.

Насторожились ребята.

Как-то зашел я в одну комнату. Открываю дверь и вижу: один из наших ребят — я не хотел бы называть его фамилии — лежит на кровати рядом с какой-то девушкой. И это в присутствии остальных ребят из этой комнаты. При моем появлении оба поднялись и сели. Я тотчас вышел из комнаты.

Вдруг возглас с места:

— Назовите фамилию!

— Товарищи, поступок этот настолько некрасив, что я не хотел бы позорить парня. Хватит и того, что

он сидит здесь и — как я вижу — очень взволнованно слушает мои слова.

Ребята стали оглядывать друг друга, кто же? Упорно следят и за мной, на кого я смотрю больше всего. Но из предосторожности я уставился... в потолок.

Шум все же не унимался. Ребята требовали назвать фамилию.

Разрядил атмосферу тов. Михайлов. С очень «скромным» видом, он поднялся со своего места и кокетливым тоном произнес:

— Это Вовочка Ерофеев...

Пронзенный двумя сотнями глаз, Вовочка покраснел, кашлянул и поник головою...

Перешли к вопросу об озорстве и хулиганстве.

— Вот только что т. Михайлов изобличил Ерофеева. Теперь возьмемся за самого Михайлова. — И при неудержимом общем смехе, я напомнил всем, как однажды Михайлов «рявкал».

Но это было озорство, это еще не хулиганство (хотя озорство есть мостик к хулиганству). А теперь — о самом хулиганстве.

Я оживил в их памяти и подверг разбору всю «жиловскую эпопею», заодно с ней дал характеристики сидящих здесь же «вождей» восстания — т.т. Птичкина, Михайлова и др. — и, наконец все мы сообща дали оценку и самому восстанию, которое было ликвидировано сосисками. Под смех ребят, от которого — казалось — задрожали стены, даже буйные головушки участников «голодного бунта» опускаются вниз.

Пьянства как массового явления у нас в колонии не было. Но не было его только потому, что мы с одной стороны делали все возможное для того, чтобы хорошо организовать время и дать интересные развлечения молодежи, а с другой стороны потому, что каждый отдельный случай пьянства мы нарочно раздували, чтобы зло это пресечь в самом корне.

Тем более стыдно должно быть тем отдельным товарищам, которые и в такой обстановке, и при таких усло-

виях все же напивались. И тут нам нужно «помянуть» не только товарищей Батынского, Лерского и Курганова, но — поскольку у нас вечер самокритики — помянем еще и одну комнату, ребята из которой, во время вечера пищевиков, верно не были пьяны, но пивца безусловно где-то отведали...

С места:

— Назовите комнату и ребят.

— Товарищи, я хотел бы, чтобы в прениях они сами себя называли... На то у нас вечер самокритики.

— Ладно, — крикнул кто-то — будем ждать...

Наконец, мы перешли к последнему вопросу, наиболее волнующему ребят, к вопросу о дружбе в комсомоле, о товарищеских отношениях. Примеров здесь было более чем предостаточно. Вот некоторые. Когда из колонии выгнали хулигана Жилова, нашлось сорок пять человек, которые «в защиту товарища» организовали протест. Это считалось почему-то проявлением дружбы, а когда надо было расселить трех печатниц-комсомолок, чувство дружбы вдруг исчезло...

Певцова с места:

— Мы же их потом пустили.

— Совершенно верно. Именно потому, когда нам удалось пробудить в вашем сознании идею этой самой дружбы. Только тогда вы спохватились, поняли и резко изменили линию своего поведения.

Но мне казалось бы, товарищи, что проявление чувства дружбы и товарищества не должно запаздывать. В отдельных случаях это может принести непоправимое зло.

В заключение моего доклада, я остановился на «механике» переделки, перевоспитания самого себя. Потушить в себе все вредные условные рефлексy (привычки) и — взамен их — развить рефлексy полезные, разумные и здоровые, — благодарная задача, которая должна стоять перед каждым из нас и разрешить которую надо во что бы то ни стало.

.....

Доклад окончен. Напряжение спало. Ребята зашевелились. Пошли оглядываться, переглядываться, сыпать замечания, реплики, и комната наполнилась шумом.

Но, к порядку! «Дедушка» предлагает начать прения. Первым выступил один из печатников.

— Вот, доктор тут «прокатился» насчет одной комнаты, ребята из которой в вечер пищевиков были чуточку подвипивши..?

Все насторожились, а он продолжал:

— Самокритика так самокритика. Признаемся, товарищи, что это была комната печатников... Этот вопрос мы у себя уже обсуждали и решили ребят передать на бюро коллектива...

Просит слова т. Птичкин и — с места:

— Печатники зря разоткровенничались. Доктор имел в виду не их комнату, а... нашу...

Его слова покрыл гомерический хохот. И действительно, что может быть комичнее и конфузнее положения, в которое попали печатники и особенно «неудачливый» их представитель?..

Следующим выступает Максимов. Он, как и следовало ожидать, говорит о подходе к ребятам.

— Возьмем к примеру т. Стоумова. Парень он честный, хороший работник, а нужного подхода к ребятам у него нет. Слишком мягок... т. Розанов — парень тоже свой, мы ему верим, но в воспитании он «ни бум-бум...» — Тут он вспомнил про инцидент с оркестром и прибавил: — А все чего то... нет товарищеского подхода.

Слово имеет Саша Подкопаев!

Насторожились. А один тихо заметил: «Сейчас пойдет заливать...»

Выступил, выждал пока успокоились, наконец начал: — Я в общем со всем согласен, что было отмечено в докладе. Я хотел бы только привести парочку примеров из... морской жизни.

Смех.

Следующий — печатник Егоров.

— Ага, печатник. Это, те самые... — (Опять смех.)

Но Егоров произносит принципиальную речь по вопросу опять-таки о разных руководителях и разных подходах. По его мнению, Дачный Совет слишком «няньчился» с нарушителями режима и порядка.

— Надо — говорит он, — просто гнать таких и дело с концом. А не оставлять — «может, раскается?», «может, исправится?» Надо проводить твердую линию.

Потом выступил шестой, седьмой... От обсуждения тактики отдельных руководителей перешли к критике работы Совета в целом, от Совета — к работе бюро комсомольского коллектива.

Тут взял слово Стоумов, после него «в защиту своей линии» выступил Розанов. И так, от описания жизни ребят и ее критики перешли к обсуждению и критике руководящих работников, а заодно выдвинули ряд практических предложений по летней работе среди молодежи и по работе среди молодежи вообще.

.....
Закончили диспут за пол-часа до отхода ко сну. И довольны остались, кажется, все, даже те, которых в этот вечер нещадно «прохватывали».

Сомнение у меня было только насчет Вовочки Ерофеева. Но и он, оказывается, нисколько не злится. Как «благородный рыцарь» он хотел бы только восстановить «честь» той девушки...

Подходит ко мне и говорит:

— Вы зря оскорбили ее... Она спала... Я прилег уже к спящей.

— Но тогда ты вдвойне груб...

— Я — да... Только не она, она не виновата...

.....

ЗААДМИНИСТРИРОВАЛСЯ

ЛЕСТНИЦА ЕГО КАРЬЕРЫ. — МАКС, СОГЛАСИСЬ. — ЗАЧЕМ НАПОМИНАТЬ ПРОШЛОЕ

Сегодня идем в Китайский дворец. Вот тут-то мы и проверим, есть у нас оркестр или же его нет. Чуть встали, сразу заговорили об этом. Радзевич, Стоумов, Розанов и я.

— Ты не прав, Володя, — настаивает Радзевич: — сознайся...

Но Розанов упрям.

— Я завхоз. Я отвечаю. И поэтому я имею право действовать административно. И зря я Максимова не выгнал раньше...

Я напомнил ему, что Дачный Совет не допустил бы до этого.

— Что Дачный Совет? За деньги отвечает не Дачный Совет, а я.

— За деньги, может быть, отвечаешь и ты...

— А за порядок тоже я.

— Нет. Это ошибка. За колонию отвечает Дачный Совет в целом.

— Ничего подобного! — воскликнул Розанов.

— Если так, то для чего же было создавать Дачный Совет? Управляй один...

Но Розанов упорно отстаивал свое...

.....
Хороший парень этот Розанов. Честный, преданный работе, не пьющий, хороший добрый товарищ, ценный комсомолец и партиец. Но... его укусила административная «муха» и он «ошалел».

А случилось это так. Год тому назад он был безработным, буквально голодал. Искал хоть какого ни на

есть заработка. Неожиданно из фабзавуча ушел завхоз, и Розанову предложили занять это место. Не проходит и нескольких месяцев, как ему дают еще один пост — заведующего столовой.

Жизнь его сразу и резко меняется то — голодал, то — заработок в двести рублей, управление большим делом при пятнадцати «подчиненных» ему сотрудниках, при десятках тысячах рублей, проходящих через его руки... А парень он молодой. В таком положении еще и не бывал никогда. Ну, голова и закружилась... И парень «заадминистрировался...»

А жалко. Хороший он... Таким он мог бы остаться и навсегда. Но только при одном условии, если коллектив партии сейчас же возьмет его под крепкое свое воздействие, под воздействие взрослых, идейных выдержанных рабочих. Одернуть в одном, поправить в другом и все время «сбивать» у него административную спесь, вот что требуется для его перевоспитания. В противном случае из него выйдет классический советский бюрократ...

.....
Но надо торопиться. Завтрак уже кончился и через час выходить. Я оставляю их спорящими и направляюсь в комнату № 13. Там основное ядро оркестрантов, там и Максимов. Надо уломать его во что бы то ни стало. Только в этом случае отпадут всякие сомнения относительно участия оркестра в последнем вечере и можно будет спокойно приняться за ряд других дел, которых в эти последние дни очень много.

.....
— Идем мы с оркестром или без него?..

— С оркестром. Конечно. До сих пор все наши экскурсии и гуляния были с музыкой, не сдавать же перед самым концом...

Максимов на подоконнике. Смотрит наружу, прислушивается.

Тут Михайлов:

— Надо старосту выбрать, у нас нет старосты...

— За чем же дело стало?

— Надо корнетиста...

— Так кого же?

Грачев с места:

— Вот бы Максимова...

— О, это было бы не плохо, — и к Максиму: —
Брось...

Но, он тверд.

— А зря ты уперся!

— Нет, не зря...

— Полтора месяца играл. Из-за двух-трех оставшихся дней ставишь крест на всем...

Ребята — в помощь, со всех сторон:

— Макс, согласись. Брось упираться...

Повернул лицо к нам. Покраснел и с заметным волнением, бросил:

— Ладно!..

И вышли с оркестром.

Ребята как увидели его, так и ожили.

Построили колонну и с маршем направились в верхний парк, к Китайскому дворцу.

.....
Осмотр этого дворца — второго в мире по красоте — прекрасное завершение нашей экскурсионной работы. Он такой прозрачный, светлый. И ребята чувствуют красоту эту, понимают ее и по-своему переживают.

А так вот, хоть и незаметно, хоть и очень медленно, но все же пробуждается и формируется эстетический вкус, возвышающий личность человека, обогащающий его переживания и чувства.

★

К вечеру принесли фото-снимки, которые тут же и разбирались желающими. Делятся надписями, «на память о колонии».

Пришел Курганов. Просит сделать надпись.

— Пожалуйста!

Я написал:

«Ты можешь стать хорошим или плохим. Это от тебя зависит. Желаю тебе успеха в работе, особенно — в работе над самим собой».

Принял и опустил голову:

— Зачем напоминать прошлое?..

— Ты не обижайся, Ленья. Это искреннее мое пожелание.

Понял. Все и до конца. Об этом говорит его надпись на карточке Стоумова:

«Помни, Федя, что я боролся усиленно за культурный быт. Но не выдержал до конца. Меня одернули, и я постараюсь исправиться».

День сорок первый

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

ДЕЛЕГАЦИЯ ОТ РАБОЧИХ. — КОНТР-ПРЕДЛОЖЕНИЕ. — ПО РУКАМ

Последние дни. Настроение у всех работников колонии, несмотря на усталость, бодрое и даже радостное. Все страшно увлечены работой по колонии, которая к концу как-то сама собой приобретает несколько праздничный и торжественный вид. Розанов носится, как угорелый, делая последние распоряжения по колонии; лекпом отправился в город за весами для последнего взвешивания. «Дедушка», уже оправившийся от болезни, приводит в порядок свои фотографии (у него уже целый альбом) и делает последние снимки. Одновременно, под его же руководством, доделывается наша стенгазета.

Ребята же бродят по окрестности, набираясь послед-

них впечатлений и усиленно заготавливают палки, обожженные, с искусной резьбой.

Все находится в оживленном движении, знаменующем «начало конца».

.....
.....
Сам я занялся подготовкой к проведению последнего лодочного катания и прощального вечера. Намеченный план был уже проработан на заседании культкомиссии и все мы, «засучив рукава», принялись за его выполнение.

Вдруг — неожиданное, но приятное известие.

Из города примчалась делегация от рабочих типографии «Вестника ленинградского совета» с весьма интересным предложением. Взрослые рабочие — печатники желают последний день нашего пребывания в колонии (совпадающий с воскресным днем) провести у нас, с нами.

На это у них два важных соображения. Первое: убедиться своими глазами, что молодежь их типографии проводит свой отдых действительно так, как она об этом сообщает в свой коллектив. Второе соображение:

«Коли вы отдыхать умеете, — помогите провести летний день за городом и нам, взрослым... Но так, чтобы было «на ять», чтобы было, что вспомнить...»

Это предложение рабочих прямо окрылило нас.

— Мы не только согласны. Мы очень рады этому. Передайте вашим рабочим, что мы беремся организовать им весь день, с момента приезда в Ораниенбаум до самого отъезда отсюда. Все, что можем, все сделаем.

Но одно условие, одна просьба к ним. Пусть печатники приедут к нам не только как гости, но и как... хозяева, как настоящие хозяева. Мы хотим, чтобы они взяли под свой контроль и на свой суд всю проделанную нами за эти полтора месяца работу. Их мнение, мнение взрослых рабочих, явится для нас

решающим и это свое мнение они должны высказать. Принимаете это контр-предложение?..

Да. Хорошо. Передадим. Сделаем...

— Тогда, по рукам. В воскресенье в 9 утра мы встречаем вас на вокзале.

.....
.....
Прекрасная идея. Весь вопрос только в том, удастся ли провести все так именно, как мы думаем, как мы наметили. Зато, какая замечательная «концовка» для работы...

День отдыха двух поколений... Часто ли это бывает? Для нас же, работников колонии это — э к з а м е н, настоящий экзамен (ведь двести человек придется обслужить). Как бы это не «провалиться»...

Но, ничего! Розанов здесь, Стоумов здесь, Павлуша Радзевич с нами, Костя Иванов тут же... С такими разве можно «провалиться».

День сорок второй

ГОТОВИМСЯ К ОТЪЕЗДУ

У нас идут последние приготовления к прощальному вечеру. Члены культкомиссии, а заодно с ними и добровольцы из ребят, носятся по всем направлениям.

Одни заняты украшением столовой и Красного уголка. Другие, преимущественно печатники — пишут лозунги. Третьи приспособливают фейерверк. Четвертые заняты «приглашениями». Ведь мы ждем около ста человек гостей — пятьдесят печатников, приезжающих из города, человек двадцать комсомольцев с «Веретена», находящихся на коллективной даче

в Петергофе и человек тридцать отдыхавших у нас пищевиков. Вместе с нашими наберется около двухсот.

.....
Наконец, все сделано.
Завтра — вечер!

День сорок третий

ЦИФРЫ ГОВОРЯТ

ИТОГИ. — РЕКОРД ФЕДОРОВА. — ФЕЙЕРВЕРК. — ЗАВТРА «ДЕНЬ ПЕЧАТНИКА»

Большие две комнаты, красиво и уютно убранные. На стенах лозунги:

УКРЕПИВ ЗДОРОВЬЕ —
КРЕПЧЕ ЗА РАБОТУ И
УЧЕБУ!

ОТ КОЛЛЕКТИВНОЙ ДАЧИ —
К ПОДЛИННОЙ ТОВАРИЩЕ-
СКОЙ СПАЙКЕ!

Людей на этом вечере много, очень много. Комсомольцы с фабрики «Веретено», хотя и не приехали (работают в вечерней смене), зато прибыло много других гостей. Тут и пищевики, приехавшие к нам, как в дом родной, тут и печатники из города. И даже предста-

витель от подшефного «Марата». Кроме того, ко многим приехали еще и родные.

Итоговый доклад прослушали с напряженным вниманием. Он был, как и тогда «музыкальным», так как по ходу его происходила раздача призов, неизменно сопровождавшаяся «тушем».

В докладе-же есть о чем рассказать.

Кроме газет, журналов, библиотечки, кроме всяких игр настольных и подвижных — несмотря на дожди и слякоть мы успели сделать не мало и других дел.

Вот сухие, но многоговорящие цифры:

Проведено бесед по вопросам отдыха	2
Бытовых диспутов	2
Военно-теоретических занятий	2
Экскурсий (Петергоф, Кронштадт, Китайский дворец)	3
Коллективных посещений кино	2
Вечеров самодеятельности	5
Лодочных катаний	2
Танцев под духовой оркестр	11
Прогулок с музыкой	4
Конкурсов	6

— Первый приз по пинг-понгу получает Саша Подкопаев!.

— Старому морскому волку—туш! — требуют с мест.

Под дружеский смех и звуки оркестра Саша получает прибор для игры в пинг-понг.

А в общем ребята не скучали, жили довольно дружно.

Не плохо и поправились ребята.

Печатники прибавили в среднем по два кило, а табачники, пробывшие в колонии на две недели больше, — по три кило. Рекорд побил т. Федоров. Он прибавился на восемь кило двести грамм...

— Ай да он!..

Заставили встать, показаться. Ему и туш сыграли: «герой» как ни как... Но о чем говорит «героизм»

Федорова? Не о том ли, что здорово кормили... Вспомнили тут о тружениках кухни, которых чествовали аплодисментами и музыкой. Кроме того, по настоянию всех отдыхающих, оркестр сыграл туш... самому себе — за помощь колонии в ее работе. Докладчик заключал:

— Все это рабочая молодежь может получить и получает только в условиях советского государства. Вы, ребята, должны это понять, должны оценить и — наравне со взрослыми сознательными рабочими — повысить производительность своего труда на производстве и еще более усилить свою интенсивность в общественной работе.

Аплодисменты, стихийно перешедшие в «Интернационал».

После этого развернулся вечер.

Много пели, много играли, не мало и танцевали. Искусство свое в этот вечер показали многие, вплоть до секретаря коллектива партии печатников, который недурно сплясал черкесский танец.

Ночь была теплая, светлая, с чистым небом. Безмятежно дремал Финский залив. Фейерверк у Розанова вышел значительно удачнее, чем в первый раз. Была и огненная мельница, был и огненный дождь, а главное — это последняя самая большая ракета, которая — на этот раз — направилась не в землю, а ввысь, к небу, где с треском рассыпалась на множество ярких огоньков.

Вечер проходил с подъемом. Но в два часа ночи его пришлось все же закончить, так как завтра предстоит большой день, самый торжественный в жизни колонии — день спайки двух поколений, или как мы в шутку его называли «день печатника».

.....
Когда мы в последний раз сделали контрольный обход внутренних помещений колонии, начинало уже светать.

Я, Розанов, Стоумов, и Радзевич вышли на воздух.

Над востоком занималась уже заря, а небо было голубым и без единого пятнышка.

— День предстоит хороший, — сказал Володя.

— От этого зависит многое... — заметил я.

— Почти все, — прибавил Володя.

И он был прав...

День сорок четвертый

ДЕНЬ ДВУХ ПОКОЛЕНИЙ

ПРИЕЗД. — ОРКЕСТР ПОД НЕБОМ. — ПРИВЕТ ПЕЧАТНИКАМ. — РЕВИЗИЯ ПО СУЩЕСТВУ. — ГРАМОТА РАБОЧИХ

И вот, наконец, этот день наступил. И какой хороший, какой яркий, солнечный и светлый. Колония еще спит, хотя уже 9 часов. Встали только печатники. Они умылись, позавтракали и — вместе с Розановым — направились к вокзалу, встречать своих.

Я, тем временем, на велосипеде «слетал» к Китайскому дворцу, обеспечить руководителей для печатников, а затем — к пристани, договориться насчет лодочного катания. Проделав это, я поехал к вокзалу.

Поезд только что прибыл и печатники собрались уже на платформе. Ого, с своим оркестром!.. Знакомимся. Те оглядываются по сторонам и по лицам видно, что их одолевает сомнение: «как-то день пройдет?..»

Чтобы положить конец этим сомнениям, я собрал всех вокруг себя и познакомил их с планом проведения сегодняшнего дня:

— С этого момента вы, товарищи, переходите в полное

наше распоряжение. Но, не бойтесь... все будет в наилучшем порядке. Пока колония позавтракает и подготовится для встречи, мы пройдем в верхний парк и осмотрим великолепный Китайский дворец, потом на пруд купаться, а уж после этого направимся к нам, где вы пообедаете и отдохнете. Хорошо?..

Утвердительно качают головами и широко улыбаются.

Заиграл оркестр и через город мы направились к старому тенистому парку. По аллеям шли замедленным шагом. Каждому из них, после долгой и трудной работы в типографии, в свинцовой пыли, хотелось дышать медленней и глубже, хотелось смотреть по сторонам, где столько зелени, где столько простой, понятной, ощущаемой каждым, красоты.

У дворца расселись на скамейках и осматривали окружающие его аллеи со статуями и пруд.

Потом прошли во дворец.

Тут с ними остался Розанов, я же помчался в колонию — готовить встречу.

.....
Ребята уже встали и все в сборе: ждут не дождутся. Вот вышел оркестр. Но где разместиться? Сначала выбрали вышку клумбы. Нет, не то. Потом в тень, под развесистый тополь. Не видно, не то... Тогда решили поместить его на балконе у самой вышки. Вот идея... И через несколько минут оркестранты были уже наверху.

— А ну, сыграйте, как это получится...

Мы отошли к дороге и дали сигнал начать.

Хорошо получилось, эффектно. И вообще очень удачно все получается. И оркестр «под небом». И этот лозунг.

Φ ПРИВЕТ ГОСТЯМ! Φ

Но, чего же они медлят? Навстречу — все на том же велосипеде — выезжает Радзевич. Вот они уже на дороге и слышен уже марш их оркестра.

Насторожились.

— Идут!!! Идут!!!

Вот мы уже видим их. Ползут длинной лентой по узкой дорожке, ведущей прямо в колонию. И — барабан их, деревянный, огромный, с вышкой, напоминающей капитанский мостик. Смешной такой барабан...

Но барабан только повод. Смеяться хочется от другого, просто от радости, от большой радости, что все идет хорошо.

Наконец, поднялись и — прямо к клумбе. Они — марш. Ну, тут грянули и с нашей вышки. Что мы — хуже их? Два оркестра, как на параде. В радостном напряжении все затихли, а печатники чуточку такой встречей даже смущены.

Оркестры затихли. Табачник Михайлов на табурет:

— Привет печатникам!

— Ура-а-а!

Оба оркестра — туш.

Те в долгу не остаются:

— Привет отдыхающей молодежи!

Музыка. Потом все смешались, бурлящей толпой прошли в помещение и сразу за стол. Изголодались. Когда все принялись за еду и в столовой стало немного тише, Стоумов, обращаясь к гостям, предложил:

— После обеда отдохните в тени, а потом осмотрите колонию, поговорите с ребятами. Мы все, что сделали, отдаем на ваш суд... Услышите сигнал, соберитесь. Пойдем к Красному пруду и там часа два будем кататься, купаться, отдыхать.

Благодарят. Очень довольны.

— Хорошо у вас...

.....

В три часа сигнал. Собрались все. И свои и гости.

Оркестры слили в один, двадцать четыре инструмента. Вытянулись длинной лентой и двинулись.

У пруда расположились на лесистом мыску. Тут одни катались, другие в это время купались, или же просто отдыхали на берегу, слушая музыку. Через час менялись, кто еще не катался — в лодки, остальные — на берег.

Наконец, накатались вдоволь и довольные, освеженные и немного возбужденные этим веселым праздничным днем, — снова стали в ряды.

Бодрым маршем вернулись в колонию, где с немалым аппетитом приступили к обильному ужину.

После ужина играли в городки, шашки, пинг-понг, пели песни, а кто постарше — просто прогуливался, или отдыхал, тихо беседуя.

.....
В 9 часов последняя закуска и — на вокзал.

Проводили печатников всей колонией. До самых вагонов...

А те не нахвалятся, благодарят, радуются, жмут руки на прощанье и наконец — под громкое «ура» нашей молодежи — уезжают.

Нам же оставили «грамоту», подписанную всеми рабочими, проведенными у нас этот день.

Длинный исписанный лист. В нем все сказано. И, между прочим: «Лозунг, висевший в вашей столовой, гласящий — от коллективной дачи к подлинной товарищеской спайке — как никогда оправдал себя, так как у вас действительно чувствовалась единая семья».

Лучшей награды, большей радости, чем такая оценка рабочих не может желать никто!

ПОСЛЕДНИЙ ПРИВЕТ

ПЕСНИ ПОД ДОЖДЕМ. — НА ТРАМВАЕ ДО ДОМУ. — ВЕСЕЛАЯ РОТА. —
СЕРЕБРЯНЫЕ ТОПОЛИ

О пять дождь. И какой! Начали с дождя и кончаем дождем.

Несмотря на это, бодрое, радостное настроение. Ребята уезжают, насыщенные здоровьем. У всех прекрасное самочувствие и сознание, что 45 дней провели не даром.

Вещи сложены. Убирают комнаты. Пусть Ораниенбаумский комхоз, когда будет принимать дачу, узнает, что здесь отдохали Ленинградские комсомольцы, отдохали организованно и культурно.

Записывают адреса. Шутливо воют, изображая «плач». А в общем так довольны, что не могут и скрыть этого. Да и зачем скрывать?

На большом грузовике отправили вещи на станцию. Вещи и человек 30 вдобавок. Оставшиеся пошли вслед. Дождь. На дороге слякоть, но унывать ребята не собираются. Поют беспрерывно...

Вокзал. Два отдельных вагона. С веселым шумом расселись. Роздали билеты. А вдобавок, мягкосердечный Розанов дает им еще и на трамвай, чтоб... не промочили ноги от вокзала до дому.

До отхода поезда осталось всего несколько минут.

— До свидания, ребята...

Обступили, благодарят, прощаются, так тепло, так хорошо, прямо нежно. И все улыбаются. И у всех в глазах блестящие огоньки радости и печали.

Свисток.

— Ура, Дачному Совету!

Аплодируют. Высунулись в окна. В каждом из них по несколько сияющих лиц и бесчисленное количество машущих рук.

Наконец, поезд тронулся...

Стали мы рядом — я и Володя — и смотрим вперед, в сторону уходящего поезда, с одной стороны которого еще долго развеваются и дрожат беленькие платочки. Последний привет. Последняя связь. Но, вот и она оборвалась. Проворной змейкой поезд быстро пополз на гору и скрылся в голубоватой дымке отдаленного леса...

.....
Почему же мы все еще продолжаем стоять, одни, на перроне, под проливным дождем?

А жалко чего-то было... И еще — усталость... Не только за сегодняшний день, но и за вчерашний и пожалуй — за все эти 45 ушедших дней... Теперь, когда «живая часть» нашей колонии отсюда уже увезена, можно, ведь, разрешить себе маленькую радость постоять так и сознанием и всем телом ощутить ее, эту усталость, такую большую и — вместе с тем — такую приятную...

.....
Сели на извозчика. Едем в колонию. Сдать помещение. Отправить вещи.

По дороге извозчик, пожилой местный крестьянин, обернулся назад и не то спросил, не то просто отметил:

— Уехали.

Да-а...

Пауза.

Потом опять:

— Веселая рота уехала...

— А, что?

— Хорошая молодежь была...

— А откуда вы знаете?

— Мой двор против колонии. Я и наблюдал за ними...

— А что население кругом не жалуется на ребят?

— Нет. Все хвалят. Очень хорошо вели себя. Весело было от них...

И вот она сама — опустевшая наша колония. Как стало вдруг пусто и тихо. Небо тяжелое, серое. Густая зелень вся потемнела и отяжелела от беспре-
рывного дождя. Серебряные тополи — и те потем-
нели...

Почему-то я подумал:

— Кто не видел этих тополей на солнце, тот не смо-
жет себе и представить, что у них серебряная листва.
Наша молодежь, как эти тополи. Темной, плохой,
она только кажется. Но стоит только осветить ее
чуткостью и пониманием и, как серебряные тополи,
она предстанет перед сознанием здоровой, хорошей,
творческой, — серебряной...

И оттого, что я молодежь вижу и чувствую именно
такой, мне было хорошо и настроение мое — несмо-
тря на приевшийся этот дождь и вязкую слякотность
вокруг, несмотря даже на большую общую усталость, —
было приподнятым и даже несколько праздничным.

В таком состоянии и настроении, к вечеру этого дня,
оставил эту колонию и я.

Но колонии — собственно — уж не было. Был толь-
ко огромный дом, с наглухо-заколоченными дверьми
и окнами, сиротливо притихший на зеленой возвы-
шенности.

★

ОГЛАВЛЕНИЕ

	СТР.
Предисловие Н. Слепнева	3
Судьба одной загородной виллы	9
Без солнца	11
Почему Курганов лгал	16
Лови момент	20
Комната № 13	22
«А вы устройте что-нибудь...»	25
Всегда ли только конец венчает дело?	28
Кто первый получит «второе».	33
Белого, только белого	35
Ария из той же оперы.	38
Под видом танца	42
В борьбе за дисциплину	46
«Так все говорят»	51
На встречу любви!	53
Свои или чужие?	60
Дискуссия о дружбе	63
Только не говорите об этом	70
Колония запела	76
Будет... не будет	81
Петергоф	84
«Ревизоры»	90
«Дедушка» заболел	96
«Я» — последняя буква	97
«Мертвая душа».	99
Кронштадт	104
«Принципиально «против	111
Неудачная смычка	119
Колония дыбом	124
Прощание с пицеевиками	135
В дорогу	140
Без девушек	142
Я хочу пить	145

«Танцкласс»	149
Нас так воспитывали	152
Отдых продолжается	157
«Кружева»	158
Верный ученик.	—
Не только наказать	160
Оркестр «улыбается».. . . .	161
Заадминистрировался	173
Последние дни	176
Готовимся к отъезду	178
Цифры говорят	179
День двух поколений	182
Последний привет	186

★

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

Москва — Ленинград

ЕВГЕНИЙ ЮКОН

ОБЫВАТЕЛИ В КОМСОМОЛЕ

Стр. 122.

Ц. 40 к.

Книжка посвящена вопросу о комобывательщине. В качестве новой и оригинальной формы обсуждения вопроса газетой „Смена“ была использована форма коллективной повести. Основные черты комобывательщины, выявленные в отдельных фельетонах, сложились в тип комобывателя — в Сашу Мерзлякова. В комсомольских районах это имя стало уже нарицательным.

А. ГУСЕВ

ОТЦЫ И ДЕТИ

Стр. 80.

Ц. 20 к.

В основу книги легло письмо одной матери в „Смену“, рассказывающее о преступно халатном отношении комсомольца к своей семье. На это письмо поступила в „Смену“ масса откликов; кроме того, были созваны несколько собраний комсомольцев и родителей, где обсужден этот вопрос. Книга подводит итоги и обобщает имеющийся материал. Узловые вопросы, затронутые книгой, будут следующие; комсомолец в семье (фактический материал); чего требует рабочая семья от комсомольца; каков должен быть комсомолец в семье.

Покупайте нужные книги во всех магазинах
и киосках Госиздата

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО РСФСР

Москва — Ленинград

Книги А. Г. КАГАНА

КАК МОЛОДЕЖЬ РАСХОДУЕТ И КАК
НАДО РАСХОДОВАТЬ ПОЛУЧКУ

Стр. 93.

Ц. 20 к.

Результаты анкетного обследования бюджета (доходов и расходов) 246 комсомольцев-активистов, рабочих, служащих и студентов в Ленинграде. Расходы комсомольцев и комсомолок на жилище, на питание, на одежду, на алкоголь и курение, на театр и кино, на газеты и книги, на косметику, на сладости, на вечеринки, долги и сбережения; на какие расходы у кого не хватает денег. Как нужно расходовать свою зарплату, чтобы хватало на все нужное. Что должен делать коллектив.

РАБОЧАЯ МОЛОДЕЖЬ НА ОТДЫХЕ

Стр. 67.

Ц. 40 к.

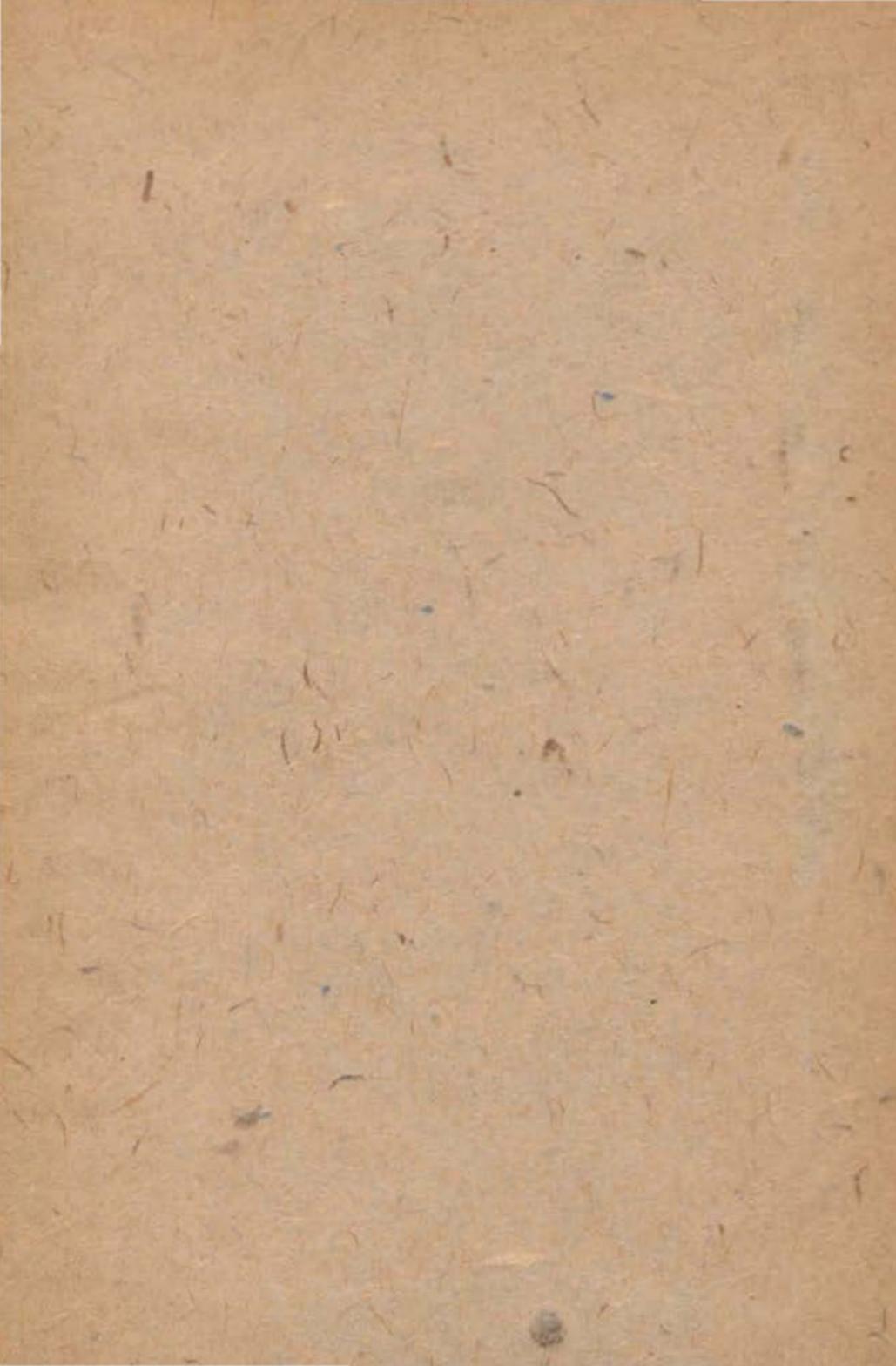
Сущность утомления и физиологические основы отдыха. Как следует отдыхать. О быте отдыхающей молодежи. Организация отдыха рабочей молодежи в домах отдыха, о летних колониях. Режим дня, физкультура, санитарно-просветительная, воспитательная культурная работа, развлечения, стенгазета на отдыхе. Туризм, как новый быт массового отдыха молодежи. Об индивидуальном отдыхе.

Покупайте нужные книги во всех магазинах
и киосках Госиздата

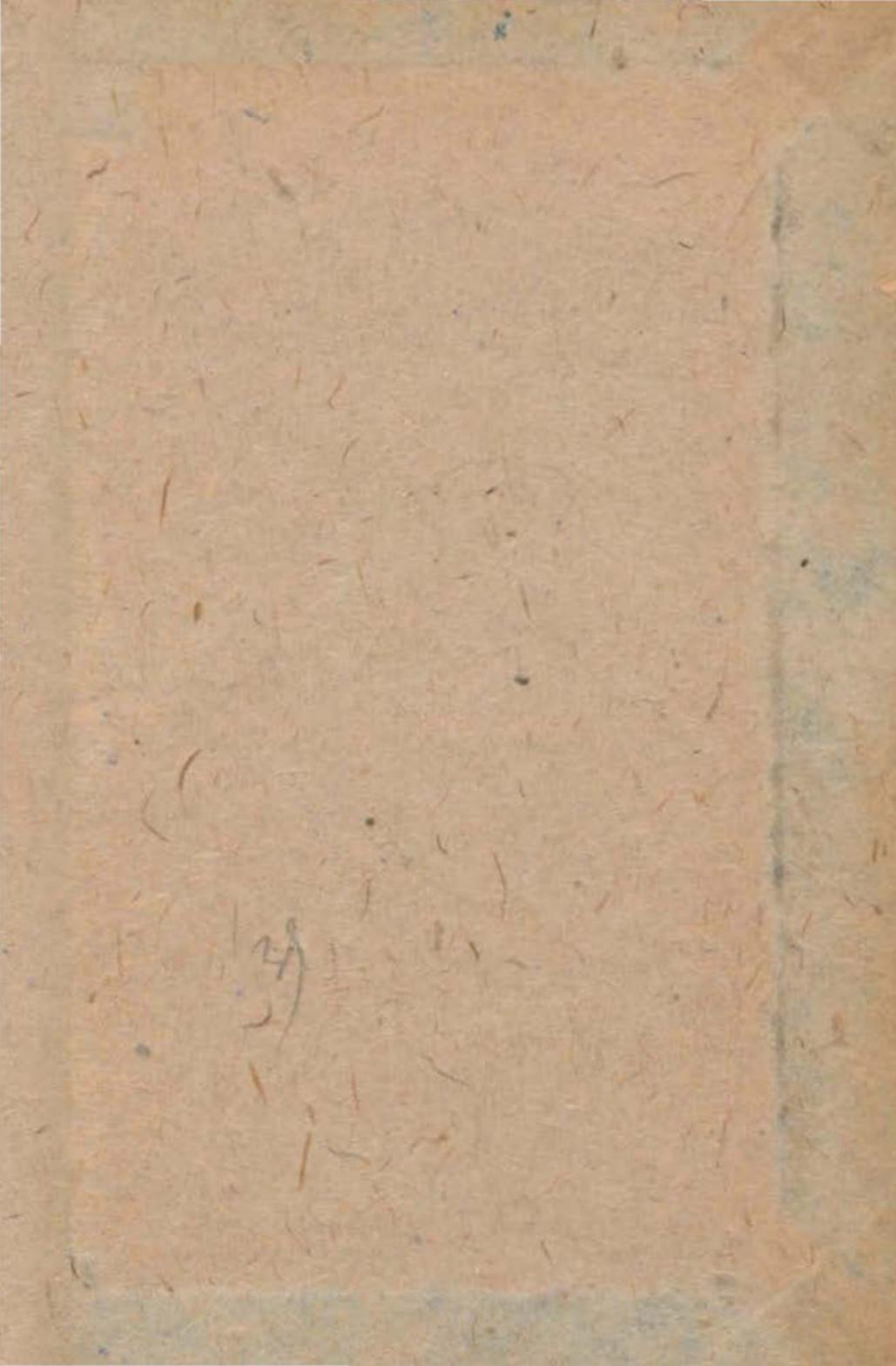
32683

12u.

3

2010517394